

Иркутское областное государственное автономное
учреждение культуры
Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»

РУССКАЯ АМЕРИКА И ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ

*Материалы региональной научно-практической
конференции с международным участием
(г. Кяхта, 14 августа 2009 г.)*

Иркутск, 2011

УДК 39
ББК 65.5
Р 89

Издается по решению Ученого совета Архитектурно-этнографического музея «Тальцы»

Редакционный совет: канд. филол. наук Г.В. Афанасьева-Медведева, канд. ист. наук Т.А. Крючкова, канд. ист. наук Ю.П. Лыхин, канд. ист. наук В.Ю. Титов, канд. культурологии В.В. Тихонов.

Ответственный редактор Ю.П. Лыхин.

Р 89 Русская Америка и Восточная Сибирь: материалы региональной научно-практической конференции с международным участием (г. Кяхта, 14 августа 2009 г.). — Иркутск, 2011. — 252 с.

Сборник содержит доклады и сообщения, представленные на региональную научно-практическую конференцию с международным участием «Русская Америка и Восточная Сибирь», организованную и проведенную Архитектурно-этнографическим музеем «Тальцы» и Кяхтинским краеведческим музеем им. академика В.А. Обручева в г. Кяхте 14 августа 2009 г.

State Cultural Institute
Architectural-ethnographic museum «Talci»

RUSSIAN AMERICA AND EASTERN SIBERIA

*The materials of regional scientific practical
conference with international participation
(Kyakhta city, August 14th, 2009)*

Irkutsk, 2011

It is issued by the decision of the accounting committee
of Architectural-ethnographic museum «Talci»

Editorial committee: Afanasyeva-Medvedeva G.V., PhD,
Kryuchkova T.A., candidate of historical sciences, Lykhin Yu. P.,
candidate of historical sciences, Titov V.Yu., candidate of
historical sciences, Tikhonov V.V., candidate of culturology.

Responsible editor Lykhin Yu. P.

Russian America and Eastern Siberia: The materials
of regional scientific practical conference with international
participation (Kyakhta city, August 14th, 2009). Irkutsk,
2011.

The collection contains the reports and messages presented
on the regional scientific practical conference with international
participation «Russian America and Eastern Siberia» that was
organized and held by the Architectural-ethnographic museum
«Talci» and Kyakhta local history museum of Obruchev V.A. in
Kyakhta city on August 14th, 2009.

**RECENT DEVELOPMENTS
IN THE STUDY OF RUSSIAN AMERICA:
EXAMPLES FROM ALASKA**

INTRODUCTION

As Russians ventured eastward from Siberia into Alaska in search of furs, they left behind material evidence of their activities and settlements. The material culture of Russia's colonial American outposts, often superimposed over remnants of earlier Native culture, has not been studied to the same extent as that of similarly-aged British, American, and Spanish sites in North America. Each new excavation in Alaska brings insights and surprises that shape our thoughts on life in the settlements. The archaeological record of 18th–19th century Russian America, intertwined with elements of indigenous culture, compliments and enriches the oral and written record. In Alaska, excavations at Castle Hill (Sitka, formerly New Archangel) revealed the buried ruins of an early 19th century workshop complex and living quarters. The study of more than 300,000 artifacts from this former capitol of Russian America has caused archaeologists to re-examine prior concepts of daily life in the settlement. In 2004, the shipwreck of the *Kad'yak*, off Kodiak Island, was investigated by a joint team of state, federal, and academic scientists. It is the only Russian-American Company vessel yet discovered and the oldest discovered shipwreck in Alaska waters. Its study also constitutes the first substantive underwater archaeological project in Alaska. Evolving technologies, such as global information system (GIS) and methods for non-destructive chemical tests on artifacts, have enhanced the archaeological data potential of these historical sites. To better understand the material culture of Russian sites in Alaska, archaeologists have also collaborated with Russian colleagues to conduct work on similarly aged sites in central Siberia. This has included work at the *Tal'tsinka* glass factory on the Talci Museum grounds, the former headquarters building of the Russian-American Company in Irkutsk, the site of the 1674 Tunkinsky Ostrog on the Irkut River, and most recently at the old «tea exchange» in Kiakhtha. The archaeological work has been complimented by

cultural activities and international conferences in Irkutsk in 2007 and Kiakhta in 2009.

CASTLE HILL

The rocky promontory called Castle Hill, and known to the Tlingit Indians as *Noow Tlein*, is one of Alaska's most important historical sites. At the time of first European contact in the late 18th century, houses of the Kiksa'adi Clan of the Tlingit Indians occupied the hill. In 1799, the Russian-American Company constructed a fortified settlement about seven miles north of Castle Hill at a location now known as "old Sitka". In 1802, several Tlingit clans united to destroy the Russian settlement and kill most of its inhabitants. In 1804, a Russian force led by Alexander Baranov and assisted by Naval Captain Lisiansky returned to Sitka. Following a battle and seige, the Russians founded the settlement of New Archangel (now called Sitka) on and around Castle Hill. This settlement served as the colonial capital of Russian America from 1808 until the U.S. purchased Alaska in 1867. From the Russian-American Company headquarters building on Castle Hill, the chief administrator or «governor» managed Russia's colonial colonies in California, Hawaii, and throughout Alaska. This building on Castle Hill was the location of the formal ceremony through which Alaska was transferred from Russia to the United States and was the seat of Alaska's American military government during the first years following the Alaska purchase. The site has been a territorial and a state historical park since the 1950s. In 1967, Castle Hill underwent substantial changes when the state constructed a trail and massive stone wall to commemorate the 100th anniversary of the transfer of Alaska from Russia to the United States. Unfortunately, no archaeological investigations took place at that time.

During another major renovation of the park in 1997–1998 to improve accessibility, state archaeologists conducted substantial excavations at Castle Hill¹. The earliest deposits at the site, associated with the Tlingit Indians, were radiocarbon dated to around 1,000 years ago. Research focused primarily on

¹ McMahan, J. David (editor). Archaeological Data Recovery at Baranof Castle State Historic Site, Sitka, Alaska: Final Report of Investigations (ADOT&PF Project No. 71817/TEA-000-3[43]). Office of History and Archaeology Report No. 84, Division of Parks and Outdoor Recreation, Alaska Department of Natural Resources, Anchorage. 2002.

the overlying Russian era deposits, however, which are more broadly distributed across the site. The approximately 300,000 artifacts from these deposits constitute the largest, most diverse collection of 19th century Russian-American materials from any site in Alaska. The importance of the collection is enhanced by extraordinary preservation of textiles, hair, and other organic artifacts. This unusual preservation is believed to have been caused by slightly raised soil acidity, brought about by an abundance of spruce wood chips from Russian construction activities during the first quarter of the 19th century.

On a terrace near the base of the hill, the team uncovered ruins of four Russian buildings from the 1820s – 1830s period. These structures, once located within the main fortress of New Archangel, comprised a workshop complex where craftsmen applied the trades of coppersmithing, blacksmithing, shoe manufacture, firearm and instrument repair, coopering, and woodworking. Buildings 1–3, which clearly pre-date the influx of British ceramics that followed an 1839 trade agreement with the Hudson's Bay Company, are believed to be depicted in an 1827 illustration of Castle Hill by Baron von Kittlitz². The chronological order and approximate ages of the building ruins were derived from mean ceramic dates, stratigraphic correlations, and structural superposition. Floor deposits, features, and artifacts suggest that Building 1 housed the workers, while Buildings 2 and 3 were workshops. Building 2, constructed in a post-in-ground chain-link style reminiscent of Siberian architecture, contained a metalworkers' forge made of bricks. A buried air duct, comprised of a hollowed timber, extended from the forge to a location outside the building. The floor deposit yielded evidence of sheet copper work, as well as the casting of copper or copper alloys. At the Russian-American Company settlement in the Kurile Islands, the Russian archaeologist Valery Shubin discovered a similar blacksmithing complex, including a rectangular, three room wooden house similar to Building 2³. Along with Building 3, this shop also revealed evidence of industries such as woodworking, gun repair, garment/shoe manufacture, and general equipment repair. Interestingly, Khlebnikov mentioned that

² Litke, Frederic. *A Voyage Around the World 1826–1829*, edited by Richard A. Pierce. First published 1834–1836 in Russian. Alaska History No. 29, the Limestone Press, Kingston, Ontario, Canada. 1997.

³ Shubin, Valery O. Russian Settlements in the Kurile Islands in the 18th and 19th Centuries. In *Russia in North America: Proceedings of the 2nd International Conference on Russian America*, edited by Richard A. Pierce. P. 425–450. The Limestone Press, Kingston, Ontario. 1990.

some of the buildings inside the fort were falling apart in 1830, including «workshops, blacksmith's shops, quarters for the shop workers and a metalwork shop»⁴. Building 4, largely destroyed by twentieth century gardening and trail construction, is believed to have been the last Russian building to occupy the site. It may have been a bathhouse indicated on the 1867 transfer map. Historic photos suggest that the last building on the terrace, possibly Building 4, was removed between 1894 and 1898.

Because Natives and Creoles comprised a large percentage of the Russian-American Company workforce, the artifact assemblage includes diagnostic projectile points, arrow shafts, basketry, ivory carvings and worked bone. Recent chemical studies have also linked obsidian projectile points from the Castle Hill workshops to sources near Fort Ross in northern California⁵. Historic accounts indicate that Alaska Natives (mostly Alutiiq speakers) were transported from Alaska to the RAC post at Fort Ross, then returned to Alaska after being in contact with California Pomo and Miwok Indians. In some cases, the company workers returned to Alaska with Pomo or Miwok wives. A very few California Indians from Fort Ross were also transported to Sitka as laborers for the Russian American Company⁶.

The Castle Hill excavations have given us a clearer understanding of the industries of early 19th century Russian America and the daily lives of the Sitka workers. The collection includes items related to food preparation, architecture, furniture, arms and munitions, clothing, personal activities, tobacco use, and work activities. Kitchen-related items such as ceramics and glassware make up a large percentage of the collection. Most of the features and artifacts in the workshop area represent the ancillary industries and domestic activities that supported the fur trade — the primary pursuit of the Russian-American Company. Direct evidence of fur processing is found in assorted fur/hair specimens collected from the soil

⁴ Khlebnikov, Kyrill T. *Notes on Russian America, Volume 1: Novo-Arkhangel'sk*, translated by Serge LeComte and Richard Pierce. The Limestone Press, Kingston, Ontario. 1994. P. 139.

⁵ Slobodina, Natalia S. and Robert J. Speakman. *Source Determination of Obsidian Artifacts from the Castle Hill Archaeological Site (Sitka, Alaska)*. University of Alaska Museum, Fairbanks, Alaska; Smithsonian Institution, Museum Conservation Institute, Suitland, Maryland. 2008.

⁶ Khlebnikov, Kyrill T. *The Khlebnikov Archive: Unpublished Journal (1800-1837) and Travel Notes (1820, 1822, and 1824)*. Ed., with intro. and notes, by Leonid Shur, transl. John Bisk. University of Alaska Press, Fairbanks. 1990. P. 63.

at Castle Hill, along with lead bale seals used to secure the furs for shipment. Archaeologists recovered 30 lead seals from the workshop area, many of which bear Russian-American Company markings which document the source, type, and quality of furs⁷.

Notably, the assemblage includes a wide range of preserved organic artifacts from the workshop area and associated trash deposit. These include textiles, shoes, cordage, matting, basketry, leather goods, botanical materials, faunal remains, human and animal hair, and assorted wooden artifacts. Two complete Tlingit spruce root baskets were recovered, one of which is similar to museum examples of tightly woven stone cooking baskets. A collapsed woven grass basket still contained a large mass of salmonberry seeds. One of the more important artifacts from Castle Hill is a fragment of a rare Raven's Tail robe, made by the Tlingit Indians prior to about 1820. Numerous examples of cordage and rope, including cedar bark and spruce root specimens, were also recovered. Human hairs were common inclusions in the Castle Hill soil matrix, possibly due to the presence of a bathhouse, and may potentially contribute to a better understanding of diet and disease.

During the early 19th century, New Archangel was the largest and most cosmopolitan port along the Pacific Coast of North America. Despite an initial shortage of supplies, the settlement soon became a stopover for traders who also visited Europe, Asia, the Sandwich Islands (Hawaii), and other locations along the west coast of North America. The Castle Hill assemblage has caused us to re-think some of our preconceived ideas regarding trade relations and life in early 19th century Sitka. The archaeological record suggests that the material culture of working class employees of the RAC in Sitka was much more abundant and diverse than previously imagined. This is illustrated by the recovery of children's toys and luxury items such as doll parts, a carved wooden musket, miniature cannons from model ships, watch parts, samovar parts, and examples of hand-etched leaded glass tableware. The collection also has much more of a «Russian» flavor than indicated by artifact assemblages from other Russian-American Company sites in Alaska. This may suggest that the Russians in Sitka were not as dependent on goods obtained from British and American traders

⁷ McMahan, J. David. Lead Seals of the Russian-American Company: A Perspective from the Castle Hill Collection. *Museum of the Fur Trade Quarterly*, volume 39, number 3. 2003.

as previously believed. Distinctive Russian items in the collection include bottle seals, uniform accoutrements, Russian coins, and religious items. The collection also includes a ceramic assemblage of such size and diversity to cause a reconsideration of supply paradigms suggested by previous research. Thompson's analysis of Castle Hill ceramics indicates that Russian ceramics, rarely documented in North America, were a significant component of the collection and accounted for as much as 20–40 %⁸. Examples from many well-known factories were present.

The Castle Hill archaeological data document Sitka's multinational and multi-ethnic trade relations. For example, the assemblage includes coconuts and husk fibers from the Sandwich Island trade, bamboo, Japanese coins, British manufactured «Phoenix» buttons from Haiti, hazelnuts and American coins from trade along the west coast of the United States, tobacco pipes from both England and the Ottoman Empire⁹, and French gun parts¹⁰. The Castle Hill archaeological project has also provided insights on architecture, trade, industry, food preference, and consumer choice in Russian America. To date, the research potential of the collection has been only superficially explored.

⁸ Thompson, Daniel. Chapter 8: An Analysis of Castle Hill Ceramics. In *Archaeological Data Recovery at Baranof Castle State Historic Site, Sitka, Alaska: Final Report of Investigations (ADOT&PF Project No. 71817/TEA-000-3[43])*, edited by J. David McMahan. Office of History and Archaeology Report No. 84. Division of Parks and Outdoor Recreation, Alaska Department of Natural Resources, Anchorage. 2002; Thompson, Daniel. *Historical Ceramics of the 19th Century Russian American Company: Insights from the excavation of Castle Hill, Sitka, Alaska*. Journal of the Taltsi Architectural and Ethnographic Museum, Irkutsk. 2007.

⁹ Petruzelli, Renee. Chapter 10: An Analysis of the Castle Hill Tobacco Pipes. In *Archaeological Data Recovery at Baranof Castle State Historic Site, Sitka, Alaska: Final Report of Investigations (ADOT&PF Project No. 1817/TEA-000-3[43])*, edited by J. David McMahan. Office of History and Archaeology Report No. 84. Division of Parks and Outdoor Recreation, Alaska Department of Natural Resources, Anchorage. 2002.

¹⁰ Strunk, Michael and J. David McMahan. *Arms and Armaments*. In *Archaeological Data Recovery at Baranof Castle State Historic Site, Sitka, Alaska: Final Report of Investigations (ADOT&PF Project No. 1817/TEA-000-3[43])*, edited by J. David McMahan. Office of History and Archaeology Report No. 84. Division of Parks and Outdoor Recreation, Alaska Department of Natural Resources, Anchorage. 2002; McMahan, J. David and Michael Strunk. *The Arms and Munitions of Russian America: A Perspective from the Castle Hill Site, Sitka, Alaska*. Journal of the Taltsi Architectural and Ethnographic Museum, Irkutsk. 2007.

KAD'YAK SHIPWRECK SITE

In 2003, a group of divers that included the author discovered remains of a ship believed to be the *Kad'yak* off Spruce Island, Alaska, at a depth of around 80 feet (24 meters). In 2004, a joint team of state, federal, and academic scientists conducted an underwater investigation of the Russian-American Company bark *Kad'yak* (1851–1860) off Kodiak Island, Alaska¹¹. The *Kad'yak* is the only Russian-American Company vessel yet discovered and the oldest known shipwreck in Alaska waters. Its study also constitutes the first substantive underwater archaeological project in Alaska.

Built in the shipyards of Lubeck, Germany, for the Russian-American Company, the *Kad'yak* was fitted out in the port of Kronshtadt. It was from here that she sailed for Alaska in August 1851 on her maiden voyage. After a nine-month journey that included going around the southern tip of South America, she arrived at New Archangel in May 1852. At the time, the entire ocean-going fleet in service of the Russian-American Company consisted of ten vessels to which the *Kad'yak* was a major addition. During her service to the company, the *Kad'yak* took part in provisioning, trade and communications. Generally once a year, furs were brought to Sitka, then shipped either to St. Petersburg or the Siberian ports of Russia. Supplies and people were the main cargo of the company's ships on the return from Russia to Alaska. Starting in 1853 the *Kad'yak's* main destination was San Francisco, where she hauled ice for food refrigeration and other needs of the blossoming Gold Rush population. Although more than half of the ice melted during the journey, the trade was still profitable and the vessel could return with food and supplies for the colonies. A joint venture with a San Francisco banker was formed to exploit this new commercial avenue. Ice was collected from a lake near Sitka when possible. Because the mild winters there sometimes interfered

¹¹ Anichtchenko, Evguenia. Ships of the Russian-American Company, 1799–1867. MA thesis, East Carolina University, Greenville, North Carolina. 2005; Cantelas, Frank, Timothy Runyan, Evguenia Anichtchenko, and Jason Rogers. Exploring the Russian-American Company Shipwreck Kad'yak. Report prepared for NOAA Office of Ocean Exploration, and National Science Foundation. Greenville. 2005; Anichtchenko, Evguenia and Jason Rogers. Alaska's Submerged History: The Wreck of the Kad'yak. State of Alaska Office of History and Archaeology, Anchorage. 2007; Rogers, Jason S., Evguenia Anichtchenko, and J. David McMahan. Alaska's Submerged History: the Wreck of the Kad'yak. Alaska Park Science: Scientific Studies in Marine Environments, U.S. National Park Service, Anchorage, Alaska. 2008. P. 28–33.

with ice harvesting, however, Woody Island, near Kodiak, was an alternate choice. This was the situation in 1860.

As the vessel left Kodiak on March 30, 1860, with a full cargo of ice, she ran aground on a previously uncharted pinnacle of rock. The crew of twenty-five, under command of Captain Illarion Archimandritov, abandoned ship with no loss of life. After slowly drifting northward for several days and kept afloat by the cargo of ice, the *Kad'yak* came to rest in Icon Bay off Spruce Island. Here she lay undisturbed for over 140 years until discovered in 2003. The discovery was facilitated by the results of archival research by Anchorage archaeologist Michael Yarborough and new insights provided by Lydia Black on contemporary maps of the area. During the winter of 2003, East Carolina University (ECU) received funding from the National Oceanic and Atmospheric Administration (NOAA) and the National Science Foundation (NSF) to study the wreck site. Prior to fieldwork, Evguenia Anichtchenko (at the time, an ECU graduate student) searched for relevant records in libraries and archives in Washington DC, St. Petersburg, L'beck and elsewhere. This turned up the *Kad'yak*'s surviving logbooks and certificate of purchase, along with other important documents.

Field recordation of the wreck was conducted in July 2004 by a team of archaeologists representing ECU, as well as state and federal agencies. The author participated in a portion of the work. Assisted by local volunteers, the team documented the remaining hull structure, recorded significant objects, and mapped the entire site. Significant features and objects imbedded in the ocean floor include a ballast pile overlying hull remnants, cannons, anchors, and assorted ship's fittings. A few small items with particular diagnostic and interpretive value were collected. These included a brass bilge pump tube, hardware from the rudder assembly, a barrel stave, and small hardware items. Most importantly, the team recovered the hub from the ship's wheel inscribed with the name of the vessel. Those items that remain on the wreck site are protected against disturbance by state law. Eventually, the community of Kodiak hopes to collaborate with scientists to secure funds for further investigation and development of a museum exhibit.

AMERICAN-RUSSIAN COLLABORATIONS

In 2004–2005, studies initiated by Vladimir Tikhonov (Architectural-ethnographic museum «Talci», Irkutsk) and Alexander

Artemiev (Russian Academy of Sciences, Vladivostok) in collaboration with Ty Dilliplane and Dave McMahan focused on several colonial sites in central Siberia dating from the 17th through 19th centuries. This included a continuation of the important work of Oleg Bychov at the *Tal'tsinka* (Baranov-Laxman) glassworks¹², and the chemical analysis of glass samples from *Tal'tsinka* and Russian colonial sites in Alaska. In 2005, the joint team also conducted minor test excavations at Tunkinsky Ostrog in the Buryat Republic. Continued work at Tunkinsky and similarly aged sites may eventually help us to better understand changes in supply caused by the creation and interruption of the 18th century Kiakhta trade. In conjunction with field investigations, the collaborators joined other Russian-American scholars in Irkutsk for a series of formal discussions on continuing research opportunities. This led to the formation of the Joint Siberian Research Group on Russian America, later renamed International Association of Specialists on Studies of Russian America (IASSRA).

Following Artemiev's untimely death in late 2005, work has continued under sponsorship of the Talci Museum and the leadership of Artur Kharinskiy (Dean and Professor, Irkutsk State Technical University). In 2006, under an NSF grant, the Russian and American collaborators held a series of workshops for museum staff and other scholars of Russian America at several historic communities in Alaska and California. Significantly, this included participation by Alaska native groups whose histories are intertwined with Russian culture. In 2007, the Talci Museum and partner institutions in Russia and the U.S. organized the Third International Conference on Russian America in follow up to conferences held in Sitka more than 20 years ago. In 2007 and 2008, Russian and American archaeologists under the direction of Artur Kharinskiy conducted exploratory excavations outside the former headquarters building of the Russian American Company (circa 1800) in Irkutsk City¹³. Most recently, in August 2009, exploratory excavations were conducted inside the

¹² Litke, Frederic. *A Voyage Around the World 1826–1829*, edited by Richard A. Pierce. First published 1834–1836 in Russian. Alaska History No. 29, the Limestone Press, Kingston, Ontario, Canada. 1997.

¹³ Shubin, Valery O. Russian Settlements in the Kurile Islands in the 18th and 19th Centuries. In *Russia in North America: Proceedings of the 2nd International Conference on Russian America*, edited by Richard A. Pierce. P. 425–450. The Limestone Press, Kingston, Ontario. 1990.

historic customs compound or «tea exchange» at Kiakhta¹⁴. The Old Russian border city of Kiakhta, at the southern terminus of the famous «Tea Road» between European Russia and China, was the only place where legal overland trade took place between the two countries throughout much of the 18th and early 19th centuries. It was hoped that findings would contribute to a better understanding of the Chinese border trade and associated durable goods that were transported to Russian America. While the archaeological work inside the compound produced negative results due to modern disturbance, the team was able to identify deposits along the Kiakhta River that may be targeted for future work. Collectively, data from the Alaskan and Siberian sites may allow scholars to begin comparing the defining features of Russian colonial sites on the two continents.

EVOLVING RESEARCH TECHNOLOGIES AND FUTURE DIRECTIONS

The innovation of inexpensive research technologies, coupled with multidisciplinary approaches and large artifact assemblages from recent investigations, is beginning to enhance our archaeological interpretations of Russian America. For example, the discovery and recognition of Ottoman pipes (chibouks) from archaeological context both in Alaska and Russia in recent years suggest that there was more influence from the Ottoman Empire on material culture in the colonial Russian settlements than previously recognized. Also, Daniel Thompson has recently compiled a computerized encyclopedic key of ceramics found on Russian period sites in Alaska. As a result of the large sample size of Castle Hill ceramics, researchers assisted by the key are now able to identify Russian ceramic types that were previously indiscernible on American sites. It is hoped that the ceramic key can be refined with examples from similarly aged sites in Siberia.

New and inexpensive technologies for underwater exploration (for example, multi-beam and side-scan sonar, marine magnetometers, and more technologically advanced SCUBA equipment) have placed the discovery of long lost Russian shipwrecks within our reach. These are time capsules awaiting

¹⁴ Khlebnikov, Kyrill T. Notes on Russian America, Volume 1: Novo-Arkhangel'sk, translated by Serge LeComte and Richard Pierce. The Limestone Press, Kingston, Ontario. 1994. P. 139.

discovery. The innovations are a double-edged sword, however, in that those wishing to loot the wreck sites have access to the same technologies.

Global information system (GIS) technology, coupled with global positioning system (GPS) data and satellite or low altitude images, has enabled researchers to easily plot and examine the spatial distributions between historic archaeological sites. The Alaska Office of History and Archaeology (OHA), which maintains Alaska's statewide inventory of archaeological and historical sites, now has a GIS compliant database with records of around 30,000 archaeological and historic sites in Alaska. Another module of the system allows authorized users to query and access pertinent written reports in a digital format via the internet.

Field and laboratory instruments have also advanced significantly over the last two decades. Total station technology has also made the plotting of individual artifacts and features on sites quick and painless, allowing for computerized mapping and cluster analysis in the laboratory. Innovative remote sensing instruments, such as ground penetrating radar (GPR) units, are becoming cheaper and more readily available. Although still beyond reach for most archaeology budgets, this technology is increasingly being used for non-obtrusive survey on archaeological sites. For example, National Park Service archaeologists have recently used GPR data in an effort to locate the boundaries of the fort used by the Tlingit during the 1804 Battle of Sitka. In the laboratory, better and more readily available analytic instruments are beginning to help researchers understand the details of supply and technology in the Russian American settlements. For example, the late Alexander Artemiev was in the process of comparing glass samples from Siberia and Alaska via plasma spectroscopy. Hand-held instruments that can conduct non-obtrusive x-ray fluorescence analysis with the touch of a button are now readily available, albeit still expensive. The author has collaborated with chemists Claudia Brackett (University of California Stanislaus) and Julia Kleyman (Thermo Fisher Scientific) to analyze glass samples from Siberia and Alaska, as well as paint pigment from Castle Hill, via x-ray fluorescence with a hand-held (NITON)

analyzer¹⁵. The portability, speed, and non-obtrusive nature of these instruments offer exceptional potential for sourcing studies. For example, Jeff Speakman (Smithsonian Institution) and Russian graduate student Natalia Slobodina (University of Alaska) used similar methods to match the obsidian projectile points from Castle Hill with sources near Fort Ross, California. Most recently, Buck Benson and Herb Maschner (Idaho State University) have conducted a pilot study on the chemistry of glass beads from Castle Hill by means of Photo Activation Analysis (PAA).

Archaeological survey and testing efforts over the last several decades have revealed the locations or potential locations of several important colonial Russian settlements that beg to be investigated. These include the settlements of New Russia (Yakutat), Ozerskoi Redoubt (Sitka), Redoubt St. George (Kasilof), and Redoubt St. Constantine (Nuchek). Many Native Alaskan contact period sites mentioned in the archival record of Russian America have yet to be discovered, and may potentially reveal information on trade and daily life. The new partnerships between Russian and U.S. scientists, coupled with evolving technologies and multidisciplinary approaches, offer potential for unprecedented archaeological research opportunities in the coming years.

¹⁵ Brackett, Claudia, Julia Kleyman and J. David McMahan. Exploring Russian-American Trade through Comparison of Chemical XRF Signatures of Glass from Colonial Russian Sites in Alaska and the Tal'tsinka Factory in Central Siberia. Paper and poster presented at the 37th International Symposium on Archaeometry, Siena, Italy. 2008; Brackett, Claudia, Julia Kleyman and J. David McMahan. Exploring Russian-American Trade through Comparison of Chemical XRF Signatures of Glass from Colonial Russian Sites in Alaska and the Tal'tsinka Factory in Central Siberia. Paper and poster presented at ART-2008, the 9th International Conference, Jerusalem, Israel. 2008.

SUPPLYING RUSSIAN AMERICA: A PRELIMINARY SEARCH FOR THE KIAKHTA ROLE

INTRODUCTION

During an archaeological trip to Central Siberia, Russia, in the Summer of 2008, the author — along with Alaska State Archaeologist J. David McMahan — ere shown, per our request, the site of the historic Russian-Chinese trading post of Kiakhta on the Russian side of the modern-day Siberian / Mongolian border. We found the site to be a still-standing, abandoned, four-walled compound with four entrance arches, with one of these being superimposed by now-faded Soviet-era artwork. We would learn that this particular compound had been built in 1842 for the exchange of tea and other goods between Russian and Chinese merchants (Dilliplane 2009: 3). Passing through this arch one finds the large, somewhat overgrown, interior plaza. It was in the latter that officially sanctioned trading took place between Russian and Chinese merchants over the years. McMahan and I were invited to return during the Summer of 2009 for archaeological investigations at the site, and we accepted given our interest in Russian America. This invitation was extended by Mr. Vladimir Tikhonov, Director to the Architectural-ethnographic museum «Talci», headquartered in Irkutsk. Mr. Tikhonov and his museum had served as the principal Russian sponsor for previous archaeological visits / work during the Summers of 2004, 2005, 2007, and 2008, and had organized and held the 3rd International Scientific Conference on Russian America in 2007 (Irkutsk). Dr. Artur Kharinsky, Dean of the Faculty of Law, Sociology and Mass-media at Irkutsk State Technical University, and professor of history, archaeology, and cultural anthropology there, would serve as director of the archaeological project. He had served in the same role during our 2007 and 2008 fieldwork — partly funded by the National Science Foundation — the still-standing Russian American Company building in Irkutsk (Kharinsky et al. 2007). It was felt that exploratory excavations at the compound may or may not reveal the same type of materials also recovered at colonial Russian sites in North America, thus possibly delimiting the level of impor-

tance of the Kiakhtha trading center for the provisionment of the Russian settlements in Alaska and California.

Upon return to the United States, McMahan and I applied for a grant from the National Science Foundation (NSF) to support exploratory work at the site in the Summer of 2009. Dr. Kathy Arndt agreed to join us in the grant request as the archivist for the project. This was due to the potentially important and relatively unknown library materials which may concern this facet of history and which we had discovered in the local museum. NSF approved the grant in Spring, 2009. Unfortunately, last minute circumstances prevented Dr. Arndt from making the trip to Russia and reviewing the library's holdings.

HISTORICAL BACKGROUND

The historic 18th and 19th century trading post at Kiakhtha, on the current Russian — Chinese border, is well-known to students of the colonial Russian period in North America. For the Kiakhtha story is a major economic tale, with an intriguing international flavor, that was a colorful part of the Russian expansion across Siberia and eventually to Alaska and beyond.

Major contact between Russian, Chinese, and central Asian peoples began in the 17th century in Siberia (Stolberg 2000: 322). This was the time of the Manchu Empire (Stolberg 2000: 322), and at the time the Manchus controlled what is now the sovereign nation of Mongolia. Following armed conflict with Mongol forces allied with the Manchus, Russian envoys entered into negotiations with their Chinese counterparts at the community of Nerchinsk in 1689 (Lantzeff and Pierce 1973: 179). The objective of the Russians was, in part, to establish an agreed-upon border with the Chinese; another related to trade relationships. The Russians wished to have permission for their merchants to conduct business in Peking, and for gold and silver to be brought into Russia by Chinese merchants (Lantzeff and Pierce 1973: 178). After hard negotiations, the Treaty of Nerchinsk was reached and signed in 1689. One of its provisions was to allow Russian and Chinese traders having legal passports to do business across their respective borders (Lantzeff and Pierce 1973: 180).

Although the Manchus were wary of outside influences entering their country, the Chinese market became highly interested in Russian furs, that product being the most popular Russian offering (Black 2004: 40). For their part, Russian merchants

were keenly interested in Chinese tea. The inland port of Kiakhta was to become the place where the wishes of both nations were to be satisfied.

The 1727 Treaty of Kiakhta established a major trading agreement between Russia and China. Ratified the following year, the treaty mandated that Kiakhta would become the official, recognized point-of-entry for Russian trading caravans wishing to enter China and travel to Peking. It also instructed that a center for trade between the two countries would be founded at Kiakhta (Black 2004: 40). Having a monopoly on the furs traded at Kiakhta, initiated under Catherine I in 1726, the Russian imperial government accrued both gold and silver hard currency as a result. However, the government did not stop there — five years later, in 1731, it established a governmental monopoly as well on Russian trading caravans entering China (Black 2004: 40). These monopolies would continue this level of control on trade with China — as well as extend to the earliest years of Russian fur hunting activities in the Aleutian Islands — through the reign of Empress Elizabeth I, who ruled from 1741–1761. The private sale of furs to the Chinese was finally allowed in 1762, during the first year of the rule of Empress Catherine II (Black 2004: 50).

Scholars of the period know well that one of the major categories of furs traded at Kiakhta was that of the sea otter, a luxurious pelt found in North Pacific waters stretching east from the Commander Islands, to Alaska, and thence south to California. However, other valued furs were discovered in these new regions as well, to include foxes found in the eastern Aleutian Islands. Indeed, volume-wise, fox furs «were probably the most important item in the Russian trade» (Black 2004: 69). It may not be as well-known that the most prized fur of all in the Kiakhta market was the pelt of the black fox. These furs brought double the money of that given for the sea otter. Indeed, the black fox pelt was highly popular at the Russian royal court, being the fur of the royal family, and was initially introduced to them following the voyage of Stepan Glotov in 1762–1764. The silver fox fur was also generally a popular item in the fur trade, although I don't know to what extent it was in demand at Kiakhta, *per se* (Black 2004: 69, 76).

As with most marketplaces, political and economic factors played key roles in the operation of the Kiakhta trade center over the years. One of the major factors affecting its operations was the 1763–1768 political dispute with China, this resulting in the shutdown of trade activities there. It would take

12 years, or until 1780, for the trade volume to return to its pre-dispute level. In addition, the market demand at Kiakhta changed significantly, switching to the pelts of squirrels, sables, and ermines as being the most popular. Due to an influx of sea otter pelts following 1785 at the international seaport of Canton, the popularity of the sea otter fur in Kiakhta had dipped (Black 2004: 101).

Given its economic importance, it is no surprise that Kiakhta played a role in the activities of those associated with the development of Russian America. One of these was the famous Grigorii Shelikhov, who contributed greatly to Russia's colonial efforts in the New World. An important achievement came not long before his death in 1795, and concerned the aftermath of another halt in the trade at Kiakhta, this one ending in 1794. Tikhmenev reports that Shelikhov was commended to Catherine II by the Governor-General of Irkutsk for his contributions to the trade at Kiakhta. The Governor-General wrote the Empress that: «Shelikhov has contributed a great deal to the development of the Kiakhta trade and has supported a profitable rate of exchange for our goods, despite many Chinese efforts to the contrary» (Tikhmenev 1978: 38). Later, during the relatively brief existence of the United American Company (1798–1799), and shortly before its renaming as the Russian American Company, several officials of the firm were stationed at Kiakhta to handle company operations there (Tikhmenev 1978: 50). During this time the Company's business at Kiakhta was apparently running smoothly. Tikhmenev (1978: 60) reports that the «prices were well maintained in 1798 and 1799». Individual prices for various furs are also provided by the historian — some of these include a maximum price of 100 rubles for a sea otter pelt, with river beavers going for 10 or more rubles each (depending on how dressed), and a silver fox pelt bringing 20 rubles (Tikhmenev 1978: 60). However, the Company experienced trouble at Kiakhta from 1802–1803 — this was caused by the English trade in furs at the seaport of Canton, which, in turn, caused a decline in prices for Kiakhta-sold Russian furs. The only fur types that «partly sustained the trade» during this timeframe at the outpost were those of the river beaver and land otter (Tikhmenev 1978: 79).

During the first period of the Russian American Company, going up to 1821, between 100,000 to 150,000 rubles' worth of trade was achieved on an annual basis. The year 1815 saw a peak value of 270,000 rubles (Tikhmenev 1978: 162). It's interesting to note what other products were exchanged at the trade center,

other than tea and furs. Tikhmenev explains that a coarse material known as «soldiers cloth» was also traded along with furs for Chinese items. The latter are reported as including «black and aromatic tea, nankeen, a small quantity of silk, and sugar candy» (Tikhmenev 1978: 162).

During the second charter period, the RAC was able to reap benefits in the Kiakhta trade due to the lease payment (in sea otter furs) it received from the Hudson's Bay Company for the leasing of the southeastern coastal strip of Alaska, known as the Panhandle today (Tikhmenev 1978: 206). And at the beginning of the third charter period, from 1841–1848, the furs-for-tea business at Kiakhta was quite good. However, this particular trade slumped after that, and in fact the overall fur trade volume at Kiakhta in the twenty years from 1841–1861 was down, per Tikhmenev, «considerably». This was due to the demand for Russian manufactured goods in the Chinese marketplace. Adding to this was another stoppage of business at Kiakhta, due to Chinese political turmoil, in 1853. Just two years later there was more trouble in the conduct of business in Kiakhta (Tikhmenev 1978: 331–332).

Trade continued at Kiakhta into the nineteenth century, but the market for furs there dropped off. St. Petersburg became the new fur center, from which the pelts would find their way to other points in Russia, as well as to more westerly European nations. Efforts to set up a base for fur sales in New York did not take hold (Black 2004: 282).

NOTES ON THE FIELDWORK

The initial research discussed above indicated high potential for significant artifactual finds within the plaza of the compound. We have seen that teas, nankeen, silk, candy, and Russian manufactured goods were all sought after and exchanged there. Due to the long-term period of trade at the site, it was felt that a number of the goods offered there may have been lost or dropped over the years, and consequently might be a part of the archaeological record, especially if the ground was undisturbed.

A complete archaeological report will be forthcoming concerning our work at the site. However, a quick snapshot of the excavations and findings are in order here.

It was determined that the project would be exploratory in nature, and would consist of two days of investigations. The

objective was to identify what the historical archaeological potential was at the site, and — based on the results — plan for more substantive excavations there if justified. The field team arrived at the site during the early afternoon of Wednesday, 12 August 2009, and conducted a site survey to better understand the site's characteristics (Dilliplane 2009: 3). One of the questions of particular interest to the team focused on the location of the original compound of the 1700s — was it under the current ruins?

A satellite photo shot in 2004 showed a compound within a compound, the outermost compound formed from four substantial and now roofless walls, the interiors of which had been clearly subdivided into small cubicles, probably for office spaces. Each wall was accessed in its middle via an arch. The innermost compound was also formed from four, mostly intact, walls, these still having their roofs. Access gates to this interior structure were found on the latter's northern and southern sides. Within the interior compound the satellite image clearly showed a small building of unknown function. This feature, along with other architectural aspects of the overall site, was no longer in existence when we arrived. Interestingly, we were informed later that first day that the inner four-walled structure had been a Soviet textile factory. That same building may have been the inner building historically depicted having the trade activities in its center (Dilliplane 2009: 4–5).

It was decided to excavate a two meter by two meter unit, and a spot was selected on the eastern side of the site. However, work had to stop almost immediately due to the presence of concrete there. A second location was chosen, just west of the outermost compound's eastern arch (Dilliplane 2009: 4, 5). By the end of the first day, excavations had progressed to approximately half a meter, and had exposed a Soviet-era stratigraphic level. A field notebook entry referring to the first day of work provides further details for this level:

As we left the dig yesterday evening, it was quite hard to
Excavate — the soil had become very dense and tough to get
through, due to brick and stone debris. It remains as a highly
disturbed / mixed level due to construction activities
(Dilliplane 2009: 6).

A good variety of artifacts were recovered on the first day, to include modern windowpane glass sherds, miscellaneous iron artifacts, miscellaneous tile fragments, and miscellaneous wall plaster fragments (blue in color). One of the most interesting specimens was a square-cut nail with a handmade head.

Unfortunately, the disturbed context in which it was found obscures its purpose for having been brought to the site. Was it intended for trade at the compound itself, or is it a reflection of actual construction at the site? What was the date for its introduction there? On the industrialized east coast of the young United States, such an artifact might be found in a late 18th to early 19th Century context (Dilliplane 1975: 47–48). In more isolated / rural / frontier settings, it would be expected that such items would be made and used in later years as well, until the arrival of the new machine-headed cut-nails. So, if the nail was lost at the site at a relatively late date, perhaps the isolation of Central Siberia may explain this particular find. Beyond that, it may be that the cut-nail with hand-wrought head was a popular item in both Kiakhta trade and building activities!

Work at the site on the second day proceeded smoothly. During the afternoon it was decided to restrict excavation efforts to one-half of the unit, that being on the southern side of a diagonal line drawn from the unit's northeastern to southwestern corners. By the end of the day (and the fieldwork), excavations had reached a depth of 1.7 meters (or, rounded off, 5.58 feet). The soil at this depth was a sandy clay, and was sterile in terms of material culture. Final actions at the site involved some of the crew backfilling the excavated unit (Dilliplane 2009: 10–12).

Thus ended the fieldwork. No material culture finds of known significance were recovered. Two important strata were exposed, one being the Soviet level, and the other an earlier level meeting the Soviet zone. No signs of an early Kiakhta trading post were observed (Dilliplane 2009: 12).

CONCERNING KEY ARCHAEOLOGICAL QUESTIONS

To understand the potential of the Kiakhta connection to Russian America, more research must be done. The next step needed is to compile a systematic inventory of the major items found at colonial sites in Alaska and California and needed by the Russian colonists there. For example, things needed for trade and other work activities, such as:

- (1) trade beads of all types;
- (2) Chinese «cash» coins, popular with Alaskan Natives in the fur trade;
- (3) axes (of special interest is the so called «Russian axe» with hook device);

- (4) other practical tools of all sorts;
- (5) foods;
- (6) liquors;
- (7) land building materials (nails, screws, bricks, etc.);
- (8) earthenware ceramics;
- (9) porcelain;
- (10) drinking glasses;
- (11) window glass;
- (12) eating utensils;
- (13) ship construction materials;
- (14) church items (icons, candles, bells [large and small], etc.);
- (15) clothing;
- (16) recreational items; etc.

The final step would be to compare these items with the goods transported to Kiakhta for exchanged with Russian merchants.

Only in this way can we hope to, with any certainty, clear up the question of the significance of Kiakhta to the provisionment of Russian America. Such systematic research will also do much, in general, to help clarify the colorful and long-lost details of many daily lifeways in the far-flung remoteness of Russia's North American settlements.

REFERENCES CITED

Black, Lydia T.
2004 Russians in Alaska, 1732–1867. University of Alaska Press, Fairbanks, Alaska.

Dilliplane, Timothy (Ty) L.
1975 Exploratory Excavations at Fort Granger. Franklin Jaycees and the National Park Service. Report funded with the assistance of a matching grant-in-aid from the Department of the Interior, National Park Service (project number 47-74-00043-00), under provisions of the National Historic Preservation Act of 1966. Nashville, Tennessee.

2009 Field Notes — Kiakhta, Siberia: 2009 Exploratory Excavations at Kiakhta Trade Center. Manuscript; author's files.

Kharinsky, A. V., A. U. Isaev, A. M. Klementev, J. David McMahan, I. V. Sterhova, and Timothy (Ty) L. Dilliplane

2007 Investigations at the Office Building of the Russian American Company in Irkutsk. In Russian America: Materials of the III International Scientific Conference «Russian America» (Irkutsk, 8–12 August 2007). Federal Agency of Culture and Cinematography; Department of Culture and Archives of the Irkutsk Region; State Culture Institution Architectural-ethnographic museum «Talci». Irkutsk, Russia.

Lantzeff, George V. and Richard A. Pierce
1973 Eastward to Empire: Exploration and Conquest on the Russian Open Frontier, to 1750. McGill — Queens University Press, Montreal and London.

Stolberg, Eva-Maria
«Interracial Outposts in Siberia: Nerchinsk, Kiakhta, and the Russo-Chinese Trade in the Seventeenth/Eighteenth Centuries.» In Journal of Early Modern History, V. 4, Nos. 3–4. P. 322–336.

Tikhmenev, P. A.
1978 A History of the Russian-American Company. Translated and Edited by Richard A. Pierce and Alton S. Donnelly. University of Washington Press, Seattle and London.

**THE SMITHSONIAN INSTITUTION,
THE HUDSON'S BAY COMPANY
AND RUSSIAN ALASKA, 1859–1867**

My study of the Smithsonian Institution and the Hudson's Bay Company is connected with a larger book-length study tentatively entitled «A History of Science in the Hudson's Bay Company, 1670–1870». The beginning and end dates are explained by the fact that the Hudson's Bay Company received its charter in 1670, and sold its trading territories to Canada in 1870. Over the years, the Hudson's Bay Company's contributions to science were quite substantial. Before 1859, most of its contributions were to British institutions such as the Royal Society of London, the British Museum, and other lesser known institutions in England and Scotland, although it also made minor contributions to institutions in Canada. Then, between 1859 and 1867, there was a very remarkable surge of cooperation between the HBC and the Washington-based Smithsonian Institution. To give you an idea of the significance of this cooperation, one very conservative estimate is that the HBC contributed 12,000 natural history specimens to the Smithsonian during that period. The fact that one HBC trader, Robert Macfarlane, contributed 10,000 specimens, suggests to me that the overall contribution may well be as large as 20,000 specimens. Also, the HBC welcomed several scientists connected with the Smithsonian to travel to its territories. The most important of these, and the one most relevant to Russian America, is Robert Kennicott¹. Kennicott spent most of his time between 1859 and 1862 at HBC posts near, or even in Russian America, collecting specimens, keeping weather records, and conducting other research.

This surge of cooperation between the Smithsonian Institution and the HBC has attracted some scholarly interest. How was it that a British company and an American scientific institution cooperated with one another during a period of significant tension between Britain and the United States? Was there any connection between the efforts of the Smithsonian Institution and the purchase of Russian Alaska in 1867? Scholars have been divided on these questions.

¹ Others include Charles A. Hubbard, and Constantine Drexler.

What are the possible answers to the question?

1. That the Smithsonian's cooperation with the HBC was a purely scientific enterprise.

In the most recent study, one historian of science, Debra Lindsay, has argued that the cooperation between these two institutions was a remarkable example of dispassionate scientific enterprise with no political overtones. She described it as «the first large-scale, apolitical, and noncommercial scientific study of Rupert's Land [as the HBC territories were known]. ...They were not concerned with territorial expansion, transportation routes, resource exploitation, or the suitability of the north for settlement»². One of the central arguments of my draft book manuscript is that science is never just about science, so you'll understand that I am skeptical of this argument. I would argue that it was quite simply impossible for this example scientific cooperation to be apolitical, quite simply because the conduct of science is inherently political. Even today, we understand intuitively that Russia, Canada, the United States, and Denmark carry out scientific research in the arctic, not merely driven by curiosity, but also because the carrying out of science in that location has non-scientific importance. This does not mean, however, that the Smithsonian Institution planned and executed its scientific research of northwestern America to at the behest of, or in support of a goal on the part of the United States to acquire all of North America.

2. That the Smithsonian's cooperation with the HBC was part of an effort by the United States government to gather information about northwestern North America with a view towards possible acquisition of that territory.

It is unwise to divorce this scientific cooperation from the context in which it took place. For example, the cooperation took place during an expansionist period in US history. In 1845, John L. O'Sullivan introduced the term «Manifest Destiny» to the American lexicon when he wrote that it was the «manifest destiny» of the US «to overspread the continent allotted by Providence for the free development of our yearly multiplying millions». The war with Mexico tended only to fuel appetite for northern expansion among northerners in the USA. The US had already asserted a claim to the entire Columbia territory right up to the southern boundary of the Russian possessions

² Debra Lindsay, *The Modern Beginnings of Subarctic Ornithology: Northern Correspondence to the Smithsonian Institution, 1856–1868* (Winnipeg: Manitoba Record Society, 1991), xiv.

in North America before settling for the 49th parallel as border. Still, in the 1850s and early 1860s, Americans poured into British Columbia during the gold rushes of 1858 and 1862.

Remember too, that the Smithsonian Institution was a creature of the US government. The Institution's Board of Regents included the President and Vice President of the United States, the Secretary of State, the Secretary of War, the Attorney General, and other top US politicians. Its headquarters were within easy walking distance of both the White House and the United States Capitol Building.

As early as the end of the Crimean War (1856), perceptive Americans may have been able to sense the likelihood that Russian America might come up for sale. Right from the start, it had been Kennicott's explicit desire actually to travel to Russian America and when he traveled to the HBC territories he intended to travel from HBC posts to Russian America, but HBC traders always resisted. When he was in the northwest, Kennicott wrote to his superior that «it may not be for the interest of the H.B. Fur Co. to have the Yukon explored and known»³. In 1860 he abandoned the plan. In 1865, however, he did go to Russian America as a scientist with the Russia-America Telegraph. He died in Russian America in 1866 of an apparent suicide.

So, it is possible that hopes that the American government might be able to purchase (or acquire by other means) Russian America influenced the efforts by the Smithsonian to learn more about Russian America — and northwestern North America generally — right from the start. I do not know enough about that history to say. However, I doubt it.

Obviously, the theory could be sustained only if there was some evidence that some American officials anticipated an opportunity to buy or conquer Russian America by the end of 1858, and if people within the Smithsonian were encouraged by such American officials to learn more about Russian America.

3. That the Smithsonian Institutions efforts to cooperate with the HBC were rooted in other motivations.

I would argue that the Smithsonian Institution sought to conduct science in northwestern North America for its own reasons, not as part of any government plan to acquire Russian America.

The Smithsonian was not an arm of the American state. The best explanation for the cooperation is that heads of the

³ Kennicott to Baird, 17 November 1859, in Lindsay, *Modern Beginnings of Subarctic Ornithology*, 22.

institution wanted to enhance the institution's reputation as the pre-eminent authority on all aspects of the natural history, geography, meteorology, and climatology of North America. It was about empire-building perhaps, but primarily about the institution's scientific «empire». The directors of the Smithsonian were very ambitious to establish and expand the reputation of the institution.

On the other hand, the political and strategic importance of the research cannot be separated from the curiosity-based nature of the research. Debra Lindsay has argued that the Smithsonian actually possessed little information about Russian America before March 1867. I would argue that the institution by 1867 possessed a lot of valuable information about the climate and resources of the northwestern interior of North America. This included the Mackenzie Valley and even areas of Russian America itself. The information was sought and gathered by the Smithsonian primarily to serve the interests of the institution and its leaders, not as part of the government's agenda. It was also in the interests of the directors of the institution, after the sale, to emphasize the importance of the information that the institution provided. Several leaders of the Smithsonian, after the purchase, did claim to provide the government with important information. It was in their interest to exaggerate the value of that information.

Other questions that my research is exploring:

Why did the directors of the HBC cooperate so eagerly with the Smithsonian?

My answers are as follows: — The company had earned considerable prestige in the past by cooperating with scientists. Much of this prestige greatly enhanced the reputation of the company among politicians, scientists, and even a segment of the general public. This is the subject of my draft book manuscript. — Even before the cooperation began, the prospect of cooperating with an institution of the stature of the Smithsonian had the potential to benefit the company in many ways. After the cooperation began, it became clear that the directors of the Smithsonian Institution were very willing and effective at publicizing the contributions of the HBC to its efforts — confirming the company's hopes that its reputation would benefit from the cooperation with the Smithsonian. — After 1857, it was very clear that the HBC's days as a fur trading company were numbered. During the 1860s, it saw itself increasingly as a holder of potentially valuable real estate which it could sell. The directors may have believed that greater

knowledge of its territories would increase its perceived value to eventual purchasers. (The lands were eventually sold to Canada in 1869.)

Why did various individuals work so hard on this research?

HBC Officers' motivations for cooperating ranged from avoiding boredom, satisfying curiosity, seeking promotion (the company did reward such cooperation), and seeking fame and recognition in scientific circles. Scientists such as Kennicott gained considerable fame, and could expect career advancement by travelling to remote regions to collect scientific specimens. The motivations of aboriginal people and HBC labourers were quite different. Their motivations were overwhelmingly monetary. Officers asserted that Natives and labourers refused to provide natural history specimens unless rewarded directly.

In sum, the surge of scientific cooperation between the HBC and the Smithsonian Institution did help establish the Smithsonian as the pre-eminent authority on the natural history of North America, and it did provide *some* evidence during the American negotiations to acquire Russian America, but the cooperation was probably not motivated by that goal.

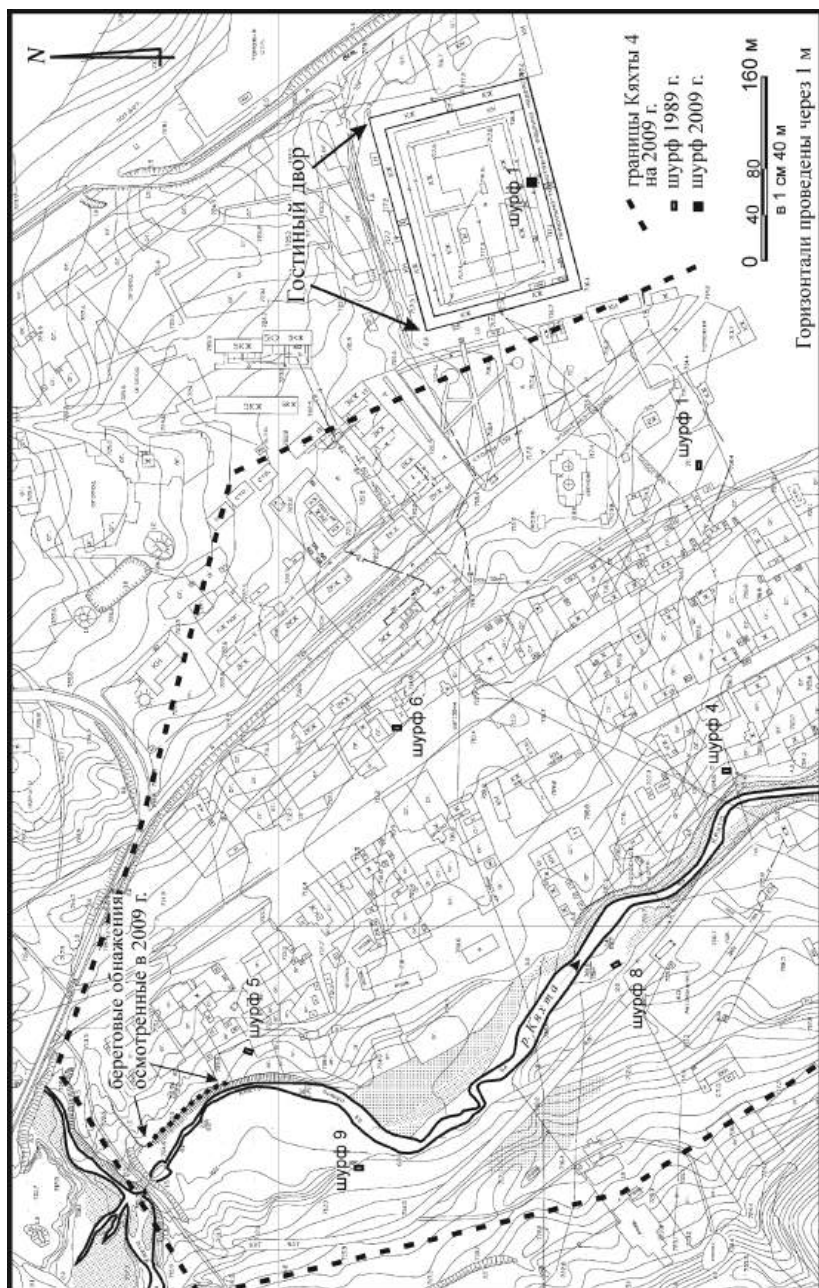
Comments or questions are welcome.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КЯХТИНСКОЙ СЛОБОДЕ

Начало изучения археологических памятников в Кяхтинском районе связано с деятельностью Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества, образованного в 1896 г. Ю.Д. Талько-Гринцевичем, А.П. Мостицем и О.В. Разинцевым. В 1947 г. в долине р. Кяхты работала Бурят-Монгольская археологическая экспедиция под руководством А.П. Окладникова. В черте г. Кяхты участниками экспедиции выявлено два местонахождения археологического материала. Первому из них на левом берегу реки присвоено название «Кяхтинский Обрыв» (Кяхта-1), а второму на правом берегу реки — «стоянка на р. Грязнуха» (Кяхта-2) [1].

В 1989 г. работы на территории г. Кяхты проводились археологическим отрядом Бурятского научного центра под руководством Л.В. Лбовой [2]. Археологические работы в черте города были вызваны необходимостью обоснования выделения зон археологического надзора и охранных зон памятников археологии. Для этого требовалось определить площадь распространения культурных слоев форпоста (начало XVIII в.), слободы (XVIII–XIX вв.), Троицкосавска (конец XVIII–XIX в.).

На территории слободы (юго-восточная часть современной Кяхты) выкопано девять шурфов размерами 1 х 2 м. Общая вскрытая площадь составила 32 кв. м. Во всех шурфах фиксировался культурный слой русского времени, что позволило определить границы стоянки XVIII–XIX вв., получившей название «Кяхта-4». В шурфе № 9, заложенном на правом берегу Кяхты на контакте серой и желтой супесей, зафиксированы артефакты, имеющие отношение к более древним культурам: два мелких фрагмента штриховой керамики, концевой скребок, проколка на микроотщепе, проксимальный фрагмент пластины со следами утилитарной зубчатой ретуши по дорсалу. Предварительно материалы датируются в пределах финального неолита — ранней бронзы (4,5–3,8 тыс. л. н.). Местонахождение получило название «Кяхта-3» [3]. При последующем осмотре берегов Кяхты и оврагов, прорезающих борта, аналогичный материал не обнаружен, очевидно, это связано с маломощностью культурного слоя стоянки.

Горизонтали проведены через 1 м

Кяхта, слобода, северная часть стоянки Кяхта-4

Во время работ по определению границ стоянки Кяхта-4, проводившихся в 1989 г. Л.В. Лбовой, не были заложены шурфы в северо-западной и восточной части слободы. Долгие годы вести археологические исследования на значительной части слободы, занимаемой гостиним двором, было невозможно. Там располагалась прядильно-ткацкая фабрика. Вследствие этого не существовало определенной ясности о распространении культурного слоя XVIII–XIX вв. в этих частях поселения.

Строительство гостиного двора было начато в 1835 г. и закончено в 1842 г. Он был сооружен на средства Государственного казначейства и Департамента внешней торговли по ходатайству иркутского генерал-губернатора. Двор представлял собой два огромных корпуса, построенных в виде замкнутых прямоугольников (один внутри другого). Наружное капитальное здание имело 72 помещения. Внутренний корпус был разделен проездами на четыре части и состоял из кирпичных столбов и легких деревянных конструкций. Общая высота здания составляла 35,4 м. В 1900 г. в части здания гостиного двора была размещена таможня. В 1953 г. здание было передано Министерству местной промышленности Бурятской АССР, а с 1955 г. в нем разместилась Кяхтинская прядильно-трикотажная фабрика. В дальнейшем здание было подвергнуто значительной перестройке: убраны поперечные стены, пробиты новые проемы для освещения, особенно со стороны двора. Некоторые плоские декоративные ниши наружного фасада были превращены в окна такой же формы [4].

В 1993 г. фабрика была закрыта, а ее оборудование вывезено. Отсутствие на территории бывшей фабрики постоянной охраны привело к тому, что в 1995-м, а затем в 1997 г. там произошли пожары. Многие деревянные конструкции сгорели. В 2008 г. внутреннее каре в гостиним дворе, возведенное в советское время, было разобрано. В настоящее время на территории гостиного двора планируется устроить таможенный терминал.

Гостиный двор находится между таможенным постом и ул. Сухэ-Батора. Сооружение имеет четырехугольную форму. Его размеры 140 x 190 м. Длинными сторонами здание ориентировано по линии с азимутом 75°. В 140 м к западу от гостиного двора располагается Воскресенский собор. С четырех сторон здания гостиного двора имеются проезды. Внутри двора располагается единственное работающее сооружение — медицинский пункт. Большая часть внутреннего пространства гостиного двора заасфальтирована. Поэтому при выборе

места для закладки шурфа старались найти участок, по возможности меньше всего пострадавший от антропогенного воздействия в XX в.

Шурф размерами 2 x 2 м, ориентированный стенками по сторонам света, был разбит внутри гостиного двора, в 3,8 м к северу от восточного края южных ворот. Координаты северо-западного угла шурфа N 50°19'28,4" E 106°29'02,3". В верхней части шурфа залегал серый песок мощностью 50–55 см, насыщенный камнями, кирпичом и металлическими предметами (провода, гаечный ключ, гиря, арматура и т. д.). Ниже располагался слой скальной плитки с кусками бетона в серо-зеленом суглинке мощностью 30–34 см. Нижней частью шурфа на глубину 80 см вскрыт слой темно-серого песка с незначительными глинистыми примесями.

Оба верхних геологических слоя имеют искусственное происхождение и связаны с человеческой деятельностью. Нижний слой естественного генезиса. Культурных слоев XVII–XIX вв. или более раннего времени в шурфе зафиксировано не было. В средней части второго геологического слоя на глубине 50–55 см обнаружено пять кованых гвоздей. Они находились среди бутора, поэтому достоверно установить их возраст невозможно. Гвозди кованые четырехгранные с круглой шляпкой диаметром 1,2 см. Длина трех из них 8,5 см, толщина у основания 0,4 см. Длина двух гвоздей 12,5 см, толщина у основания 0,7 см. В слое темно-серого песка находки не зафиксированы.

Отсутствие в шурфе археологического материала XVIII–XIX вв., возможно, связано с тем, что гостиный двор располагался восточнее основного места расселения русских жителей Кяхты — форпоста, и здесь не было построек. Не исключено и то, что во время строительства гостиного двора и его перестройки культурный слой XVIII–XIX вв. был уничтожен. Хотя отсутствие археологического материала в одном шурфе еще не означает, что он не будет обнаружен в других частях гостиного двора. Поэтому эту территорию слободы следует считать перспективной для ведения поиска культурного слоя XVIII–XIX вв.

Для уточнения границ стоянки Кяхта-4 было решено осмотреть те участки слободы, которые не вошли в состав археологического памятника по проекту 1990 г. [5]. Одним из них был участок на левом берегу Кяхты протяженностью 100 м, расположенный к юго-востоку от моста. Он представлен осыпями и подмытыми стенками террасовидного склона, возвышающегося на 5,0–5,5 м над уровнем реки. Склон пре-

имущественно сформирован серым среднезернистым песком золотого происхождения. В месте, где проводилось обследование, река течет с северо-запада на северо-восток, далее она меняет направление своего течения на южное, а затем и на юго-западное.

Археологический материал залегал во всей толще песка, мощность которого составляла 2,5 м. Наиболее интересные находки были зафиксированы на глубине 1,1–1,8 м. Они включали остатки керамической и стеклянной посуды, датирующейся в пределах XVIII–XIX вв. Зачисток берега не производилось. Из его толщи было изъято всего несколько артефактов, обнажившихся вследствие подмыва рекой береговой полосы. Отбор артефактов производился в трех пунктах.

В пункте № 1 (N 50°19'39,7" E 106°28'20,4"), расположенном в северо-западной части осмотренного участка, на глубине 1,1 м обнаружено дно керамического сосуда серого цвета. Дно плоское, двухслойное, толщиной 0,7 см. Стенки сосуда располагаются под углом 30° по отношению к дну. Их толщина в основании 1,3 см, в верхней части фрагмента 1 см. В основании стенки двухслойные. Тесто сосуда имеет одинаковую структуру без включения крупных частиц отошителя. На одном уровне с фрагментом керамики в толще серого песка зафиксированы обломки костей животных. Такая же прослойка с костями животных фиксируется и на 12 см выше фрагмента керамики.

В пункте № 2 (N 50°19'39,1" E 106°28'21,0"), локализуемся в 20 м к юго-востоку от пункта № 1, на глубине 1,8 м выявлены фрагменты сосудов, сделанных на гончарном круге. Один из фрагментов выполнен из светло-коричневой глины. Тесто сосуда имеет одинаковую структуру без включения крупных частиц отошителя. Толщина стенки 0,6–0,7 см. С внешней стороны фрагмента находятся два горизонтальных желобка шириной 1 см, располагающиеся на расстоянии 0,5 см друг от друга. Второй фрагмент — обломок сосуда из белого фарфора. Толщина его стенок 0,2–0,5 см. С одной стороны фрагмента фиксируется венчик, а с другой придонная часть. Ниже слоя с фрагментами керамики обнаружено еще три прослойки, содержащих кости животных. Одна на глубине 1,9 см от поверхности земли, другая на глубине 2,2 м, третья на глубине 2,3 м.

В пункте № 3 (N 50°19'37,8" E 106°28'23,4"), находящемся на расстоянии 63 м от пункта № 2, на глубине 1,4 м от поверхности земли выявлено шесть фрагментов стеклянной бутылки и один фрагмент керамического сосуда. Сосуд выпол-

нен на гончарном круге. Тесто светло-коричневое, однородное без примеси крупных зерен отошителя. Толщина стенок 0,6–0,8 см. На большинстве фрагментов стеклянной бутылки имеется серебристо-серый налет. Толщина фрагментов 0,3–0,5 см. Один из фрагментов зеленого цвета от придонной части бутылки. Другой фрагмент черного цвета от горлышка. Третий фрагмент светло-зеленый от стенки бутылки. Три остальных фрагмента стекла светло-зеленые, они являются осколками стенок.

Залегание артефактов тонкими прослойками на разных уровнях песчаной толщи даст возможность, в случае проведения раскопочных работ, выполнить прекрасную культурно-хронологическую стратификацию материалов стоянки Кяхта-4. Находка артефактов XVIII–XIX вв. у моста через Кяхту позволяет расширить территорию стоянки. Ее северо-западную границу можно отодвинуть на 100–110 м на северо-запад и провести по обочине проселочной дороги, пересекающей реку. Кроме этого следует более внимательно осмотреть береговые обнажения на правом берегу, к северо-западу от моста. В этом месте также велика вероятность нахождения археологического материала XVIII–XIX вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Хамзина Е.А. Археологические памятники Бурятии. Новосибирск: Наука, 1982. С. 27.

2. Лбова Л.В. Проект зон охраны памятников истории и культуры и зон регулирования застройки г. Кяхта Бур. АССР. Т. III: Археологические памятники. Улан-Удэ, 1990 // Архив Бурятского научного центра. № 22.

3. Лбова Л.В., Хамзина Е.А. Древности Бурятии: Карта археологических памятников. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 241 с.

4. Кяхта. Памятник истории и культуры: Путеводитель. М., 1990. С. 13–14.

5. Лбова Л.В. Указ. соч.

СОЗДАНИЕ И ОБУСТРОЙСТВО РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Царь Петр I своим указом от 14 января 1701 г. основал математико-навигационную школу. А в 1715 г. были созданы специальные геодезические классы в Морской (Адмиралтейской) академии, которая была основана на базе математико-навигационной школы. Выпускникам этих классов присваивались звания: геодезии ученики и геодезисты, в зависимости от изучения тех или иных предметов. Геодезисты и геодезии ученики внесли существенный вклад в дело изучения Сибири и восточных окраин Азиатского материка.

Первое упоминание о привлечении геодезистов и геодезии учеников к сибирским делам относится к 1717 г., когда геодезист Ф.А. Молчанов был направлен для картографических работ в Тобольск, Якутск и Нерчинск [1]. В следующем, 1718 году геодезисты Ф.Ф. Лужин и И.Б. Евреинов занялись изучением северо-востока Азии [2]. В 1719 г. Сибирская губерния получила геодезистов И. Захарова и И.П. Чичагова [3]. Посольство Л.В. Измайлова, отправлявшееся в Китай, имело в своем составе в 1719 г. не геодезистов, а геодезии учеников — М. Игнатьева и Ф. Балуева [4]. Вторая Камчатская экспедиция В. Беринга включала целую команду из геодезистов — от 9 до 15 человек [5].

Направление геодезистов в Сибирь определялось политической взаимоотношений России с Китаем. Китайское (цинское) правительство, обеспокоенное возможностью сближения России с монголами, ставило на первый план вопрос о территориальном разграничении земель, добываясь при этом выгодных для себя условий. Именно поэтому Китай отказал в 1721 г. послу Л.В. Измайлову в вопросе заключения договора о дружбе и торговле [6].

Перед российским правительством встал вопрос о неотлагательном изучении приграничных районов России с Китаем и подвассальной в то время Китаю Монголией. Этим объясняется направление геодезистов в Сибирь и, в частности, в Иркутск и Иркутскую провинцию, входившую в состав Сибирской губернии и непосредственно граничившую с Китаем.

Вопросы разграничения земель с Китаем являлись одними из главных вопросов, поставленных русским правительством перед посольством С.Л. Владиславича-Рагузинского, направленным в Китай в 1725 г. Приграничные районы были малоизученными. Нерчинский договор 1689 г. границу с Китаем, особенно в ее восточной части, в бассейне Амура, оставил неопределенной. Поэтому перед посольством С.Л. Владиславича ставилась задача узнать: «1. Которые земли действительно разграничены и которые еще не разграничены. 2. В тех неразграниченных землях до которых мест российское владение и границы были и насупротив того такожде китайские. 3. В которые земли имянно китайцы вступают и ныне претензии чинят и которого владения оные прежде всего сего были» [7].

Положение на границе, где с той и другой стороны стояли разрозненные караулы, беспокоило обе стороны — и российскую, и китайскую.

Русское правительство и власти на местах еще со времен основания в 1666 г. Селенгинска были озабочены постоянными угонами монголами лошадей и скота из-под Селенгинска, уходами кочующих бурят, вошедших в российское подданство, на монгольские земли. Специально для посольства С.Л. Владиславича были подобраны тобольским дворянином С. Фефиловым документы, свидетельствующие о нарушениях границы монголами, об угонах лошадей и скота, о так называемых выходцах (беглецах) с той и другой стороны. Из этих документов можно указать на следующие примеры.

В 1692 г., 6 апреля, иркутский воевода князь И.П. Гагарин писал и посылал с нерчинским сыном боярским С. Молодым лист (грамоту) для «ближних людей богдыхана» об убежавших на китайскую сторону табунутах (бурятах) тайши Цырена Цокулаева и шуленги Карцагая. В ответной грамоте, привезенной тем же С. Молодым, китайская сторона не выдавала беглецов, ссылаясь на то, что «мунгальское дело не утверждено и не договорено» и «еще не утверждено в межах дело» [8].

В 1694 г. к монгольскому тайше Ирдени-контасию ездили селенгинский толмач П. Кыргызов (Кыргыз) и конный казак И. Суклемской, которые требовали возвращения скота и лошадей, угнанных из-под Селенгинска бежавшими табунутами. Русских посланцев монголы возили на переговоры к китайскому алаханбе (главе приказа), который приказал монголам собрать и отдать угнанный скот. Монголы отдали «самое малое число лошадеенок» [9].

В 1696 г. иркутский воевода стольник А.Т. Савёлов посылал с иркутским дворянином С.В. Шестаковым, ехавшим с торговым караваном в Пекин, лист (грамоту), в котором говорилось о грабежах и убийствах монголами русских подданных (30 ясачных бурят), об отгоне скота и лошадей (всего 1 670 скотин). Лист был подан министру Сунгуту. Вместе с листом был вручен и подробный реестр угнанного скота и лошадей [10].

Недовольство состоянием дел на границе неоднократно высказывала и китайская сторона. Так, в 1724 г. иркутский воевода лейб-гвардии капитан-поручик М.П. Измайлов и камерир (казначей) Ф. Петров, основываясь на доношении из Селенгинска Л. Ланга, писали в Тобольскую губернскую канцелярию о прибытии в Селенгинск двух китайских министров — Олондая и Тэгута, требовавших переговоров о беглецах и о пограничных делах. При этом «жаловались они на русских людей, которые в Ургу для купечества приезжают, что они все караулы проезжают, не объявляя нигде пашпортов, и гораздо ретко кто едет по большой дороге, но едут чрез сопки и чрез болота и сквозь лесы, и таких де часто бывает в Урге человек по двести и называютца все купецкими людьми, а пребывают всегда в пьянстве и ругают непрестанно тамошних жителей. А Тушету-хану ниhto про себя не объявил, откуда он приехал и хто он такой. В том числе и такие есть, которые лет по пяти и по шти там живут, а начальник их состоянием своим всех хуже» [11].

Российская сторона признавала неупорядоченность прохода и поведения русских людей в Монголии. В Ургу, столицу Монголии, специально готовили к поездке иркутского сына боярского Н. Игумнова «для суда всяких чинов купецких людей», «для учинения купецким людям наказания, таким, которые будут чинить там мунгалом какие обиды». Но в 1724 г. он, еще до поездки в Монголию, скончался, и вместо него никто для наведения порядка так и не был послан. Мотивировалось это тем, что китайская сторона не предлагала иметь в Урге такого представителя России. Российская сторона предпринимала меры по наведению порядка с паспортами, выдаваемыми русским торговым людям для проезда через границу [12].

В октябре 1725 г. на границе случился крайне неприятный для обеих сторон инцидент. Монгольская сторона закрыла границу, т. е. запретила проезд русских людей в Монголию. Между пришедшей к монгольскому караулу на р. Буре партией русских купцов из Казанской губернии и местных куп-

цов, всего 58 человек на 40 телегах, и монгольским караулом учинился «жестокий бой». Л. Ланг, представитель администрации Сибирской губернии, в своей реляции в Коллегию иностранных дел уточнял: «...напоследи от стороны наших не токмо стрелятельное ружье, но и топоры и иные инструменты употреблены были. И хотя в том бою никого не убили, однакож с обеих сторон несколько ранено» [13].

Таким образом, обе стороны были недовольны состоянием границы и стремились к ее быстреей демаркации, размежеванию и установлению порядка на ней.

В целях изучения приграничных районов С.Л. Владиславич организовал из Селенгинска высылку двух партий геодезистов. Одна партия была направлена к Удскому острогу, вторая — в верховья Енисея и Абакана [14].

Еще до посольства С.Л. Владиславича в Сибирь была направлена группа геодезистов, которую возглавлял геодезист П.Н. Скобельцын. В соответствии с указом царя от 9 декабря 1720 г. о государственной инструментальной съемке России и ее частей, П.Н. Скобельцын получил назначение 19 февраля 1724 г. из Адмиралтейств-коллегии в Сенат. Вместе с ним направлялись ученики геодезии И.С. Свистунов, Д. Баскаков, В.А. Шатилов. Все они предназначались для работ в Восточной Сибири. Скобельцын учился в Морской академии, в геодезических классах, 8 лет, Свистунов — 5 лет [15].

В начале октября 1725 г. Скобельцын в сопровождении учеников геодезии получил инструкции от сибирского губернатора М.В. Долгорукова и выехал из Тобольска в Иркутскую провинцию «для учинения описания и ландкарты границам» [16].

Л. Ланг, находившийся в Селенгинске, 17 декабря 1725 г. вызвал из Иркутска геодезиста П.Н. Скобельцына с «товарищи» для описания и картографирования «всех пограничных мест». 22 марта 1726 г. Скобельцын представил Лангу четыре экземпляра составленной им карты. Карта имела размеры 125 x 91 см. На ней поставлена надпись «Сочинил сию ланткарту геодезист Петр Скобельцын с товарищи». Карта не удовлетворила ни Л. Ланга, ни С.Л. Владиславича. Первый писал: «В той карте пограничные места недовольно означены»; второй отзывался резче: «Ландкарту... я осмотрел оккуратно, из которой зело малая польза имеется» [17]. Вместе с тем, надо полагать, существовали и объективные причины, препятствовавшие составлению доброкачественной карты. Об этом, со слов геодезистов, пишет Л. Ланг: «А сего марта 22 дня подали мне помянутые геодезисты четыре карты (четыре

экземпляра одной карты. — С. Г.), которые они сочинили, и объявили притом, что мунгальские караулы их нигде мимо тех мест не пропустили, где по сю пору с обеих стран пограничные караулы содержатца, и что они для того не были в состоянии от Мунгальской земли во оные карты ничего ввести, понеже де о тамошних землях и рек ничего проведать не могли» [18]. Тем не менее, видимо, именно эта карта в числе прочих была в распоряжении С.Л. Владиславича при его переговорах с китайскими (цинскими) министрами. Она называлась «Ландкарта о российской границе и где пограничным местам быть» [19].

30 апреля 1726 г. Петр Скобельцын и Дмитрий Баскаков получили новое задание от С.Л. Владиславича. В инструкции из походной посольской канцелярии Китайской экспедиции, руководимой послом, намечалось такое задание: «...ехать вам из Ыркуцка до Тункинского острогу, вверх по Иркуту реке до озера, где был поставлен острог, называемый на Косоголе, и исполнять по нижеписанному пунктом». И далее в инструкции следовали 17 пунктов с подробнейшим изложением всего того, что нужно было выполнить геодезистам от Косогола до верховьев Енисея и его притока Абакана. На выполнение этого грандиозного плана геодезистам отпускалось всего 2 месяца. Насколько серьезны были поставленные перед геодезистами задачи, можно судить по двум пунктам инструкции, приводимым нами без купюр:

«1. Описывать пограничные места со обзervationию положения мест, каменных гор, рек, откуда оные течение имеют и куды впадают, також разделение каменных хребтов, куды оные продолжаютца. Спрашивать тамошних старых известных жителей, какие в тех местах народы живут и какого закона, звания и обычаев, и какие имеют промыслы, и кому ясак платят и чем, и давно ль в подданстве, и есть ли такие, что платят ясак и российским, и контайше или мунгальским владетелем и кому имянно, и те мунгальские владетели под китайским владением или самовольные. <...>

8. Все вышеписанные места описав обстоятельно, зделать ланкарту, со изъяснением градусов и сколько от места до места расстояния, и проведывать, нет ли каких минеральных гор и протчего, что нужно Российской империи» [20].

В обобщенном виде инструкцию повторил сам посол в письме от 6 мая 1726 г. из Иркутска в Коллегию иностранных дел Сената [21].

П.Н. Скобельцын (а он, видимо, был главным, во всяком случае, в документах его подпись стоит первой) и Д. Баска-

ков, уехав из Иркутска 4 мая, вернулись через месяц. 6 июня 1726 г. они в Иркутске подали в походную посольскую канцелярию доезд о результатах своей поездки «для описания и сочинения ландкарт погранишным с мунгалы и с китайцы Росиской империи народом, рекам, землям, каменным хрептам и протчему» [22].

Доезд довольно краток. В нем можно выделить два момента. Первый — посещение геодезистами оз. Косогол. Об этом они пишут так: «И будучи мы у озера Косогола, у подданных росиских народов что мы спрашивали, тому при сем явствуют скаски за их руками»; действительно, в архивах сохранилась сказка урянхайского шуленги Багачея Тохомова от 15 мая 1726 г. [23]. Второй — объяснение отказа от поездки на Енисей и Абакан. Объяснение выглядит так: «А от озера Косогола поехали было мы к реке Енисею и к реке Абакану и доехали до реки Чишкоу, к подданному росисскому шуленге Халангаю, и что мы у него спрашивали, тому явствует сказка за его рукою. И стали ему говорить, чтобы он нас провел до реки Енисея и до реки Абакана. И он нам сказал, что мы не ходим за эти хрепты, понеже оныя хрепты непроходимыя и дороги нет, а есатчики к нам приходят из города Красноярского на оленях и на лыжах, и то мы не знаем, откуда приходят». И, видимо, геодезисты отсюда возвратились в Иркутск. Они в доезде отмечают, что ими от оз. Косогол до р. Чишкоу (Чишков) составлен чертеж. К сожалению, чертеж в сохранившихся делах отсутствует.

Можно предположить, что геодезисты из бассейна оз. Косогол перевалили в бассейн оз. Шишкит и вытекающей из него одноименной реки, несущей воды в оз. Убсу-Нур.

Как видим, Скобельцын и Баскаков не выполнили главного задания посла — пройти и описать земли от Косогола до Енисея и Абакана. Оценки этой работы геодезистов со стороны С.Л. Владиславича или Л. Ланга мы не знаем.

Вторая группа из двух геодезистов — И.С. Свистунова и В.А. Шатилова — была направлена на восток. В инструкции из походной посольской канцелярии от 30 апреля 1726 г. им было предписано ехать «из Иркутска чрез Удинской острог до Нерчинска», а затем из Нерчинска до Удского острога. Цель все та же — собрать сведения о землях, о народах, составить ландкарту по разграничению земель с Китаем. На исполнение отводилось тоже два месяца [24].

29 мая Свистунов и Шатилов прибыли в Нерчинск, где выяснилось, что дорогу до Удского острога, стоявшего на р. Уде, впадающей в Охотское море, никто не знает. Из-за

отсутствия проводников от р. Горбицы до р. Уды геодезисты вернулись в Иркутск и 16 июля подали доношение, в котором утверждалось, что с Горбицы «чрез каменные хребты» до р. Уды добраться невозможно. Тогда С.Л. Владиславич изменил им маршрут, направив их в Удский острог через Якутск. В Якутске Шатилов заболел. Свистунов отправился в Удский острог один. Сохранилась составленная им карта дороги от р. Лены до р. Анчи, но всего маршрута до Удского острога он на карту положить не смог [25].

Так безрезультатно окончились обе попытки посла С.Л. Владиславича наметить разграничение земель с Китаем в самых труднодоступных районах — в горной системе междуречья Енисея и Ангары и в восточных районах Станового нагорья.

В 1727 г. Скобельцын, Баскаков, Свистунов и Шатилов уже находились в составе походной канцелярии С.Л. Владиславича и работали непосредственно по разграничению земель под руководством комиссара С.А. Колычева.

Необходимо отметить, что при С.Л. Владиславиче в должности его адъютанта находился геодезист А.И. Кушелев. Он до назначения в Сибирь состоял в распоряжении Сената «для срисования персидской ланткарты». Выполнив эту работу, он вместе с геодезии учениками М. Зиновьевым и И. Валуевым по указу от 21 августа 1725 г. был отправлен на китайскую границу в Сибирь [26]. Все они вошли, в соответствии с инструкцией Коллегии иностранных дел Сената от 18 сентября 1725 г., в подчинение назначенных по разграничению земель комиссаров С.А. Колычева и П.И. Власова [27]. 6 октября А.И. Кушелев с «товарыщи» получил в Санкт-Петербурге инструменты, краски и припасы [28].

В письме от 23 мая 1726 г. Л. Ланг из Селенгинска писал послу С.Л. Владиславичу, что «геодезиста Кушелева по приказу вашего сиятельства для описания здешние и соседние места, сколько ему возможно будет, в нынешних числах отправлю» [29]. Он же в следующем письме от 1 июня сообщал послу: «Геодезист Алексей Кушелев майя 31 дня отсюда (из Селенгинска. — С. Г.) вверх по Селенге для описания тамошние пограничные места и народов уехал, оставя у мене 3 рисунка, которые при сем к вашему сиятельству отправил» [30]. 14 июня А. Кушелев прислал Л. Лангу с реки Оронгодай (видимо, современный Оронгой, левый приток Селенги. — С. Г.) письмо о поимке «стольника мунгальского»; письмо геодезиста Л. Ланг переслал послу в Иркутск [31]. 16 июля Л. Ланг в письме «из Селенгинского устья» послу в Иркутск

сообщал об А. Кушелеве: «Геодезист господин Кушелев от Косогольской стороны возвратился... и потом отправился он к озеру Далаю, откуда он еще не бывал, а когда прибудет, в те поры ему объявлю, чтоб он впредь не вступал в дела, которые до него не касаются, для причины, которой ваше сиятельство в письме своем упоминать изволил» [32]. В чем состояла провинность геодезиста, остается неясным.

Составители тома 2 «Русско-китайские отношения в XVIII веке» — Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников, А.И. Тарасова, — характеризуя работы геодезиста А.И. Кушелева, пишут, ссылаясь преимущественно на архивные документы, следующее: «О деятельности Алексея Ивановича Кушелева в литературе сведений мало. Архивные документы содержат данные о том, что в 1726 г. он обследовал район р. Селенги “для описания тамошние пограничные места и народов...”, затем отправился на р. Джиду... По возвращении отдал Лангу “обсервации свои”... В июне 1727 г. он был послан Владиславичем “для получения подлинного чертежа и меры каменного утесу, которой по той стороне реки Селенги”, где предполагалось построить новую Селенгинскую крепость. Оттуда он проехал к Гусиным озерам... В июле 1727 г. отправился с геодезистом И. Валуевым на р. Чикой “для сочинения ландкарты”, достиг Парфентьевской заимки и, перебравшись через Чикой и взяв “вожей из нерчинских тунгусов”, поехал вверх по этой реке... Снова перебравшись через Чикой, “ехали рекою Ацою до зимовья промышленного человека Федора Оншукова”, до верховья Чикокона. “А в сих местах, — писал Кушелев Владиславичу 6 августа 1727 г., — имеют лутчие звериные промыслы подданные российские ясашные тунгусы Нерчинского присудствия, места зело удивительные и горы высокие, а на горах леса все кедровые”... В августе 1727 г. Кушелев работал на р. Ононе, в сентябре–октябре был с И.И. Глазуновым на разграничении восточного участка... В ноябре получил задание от Владиславича “зделать ландкарту обстоятельную не токмо нынешняго разграничения, но и разграничения Федора Алексеевича Головина”... Кроме геодезических работ, Кушелев исполнял обязанности адъютанта Владиславича... 10 декабря 1729 г. Владиславич сдал в Коллегию иностранных дел исполненные Кушелевым два чертежа Новотроицкой Кяхтинской крепости и Петропавловской крепости на Чикойской Стрелке... В полученных из Сената Академией наук материалах для составления первого Атласа России имелись исполненные А.И. Кушелевым ландкарты и описания районов, прилегающих к русско-цинской границе... <...> За вре-

мя пребывания посольства в Сибири в 1726 г. в Посольской канцелярии было составлено три “книги” (в трех экземплярах каждая), датированные 8 августа 1726 г.: “Книга” с описанием пограничных районов... В ней содержатся описания шести дистриктов: Иркутского, Красноярского, Кузнецкого, Нерчинского, Селенгинского и Удинского. Составлена она на основании “заручных известий от пограничных комендантов и комисаров, известных старожилов и подданных ея императорскому величеству тайшей”... К книге была приложена “для лучшего разобрания ландкарта, сочинена от геодезиста посольской свиты Алексея Кушелева”...» [33].

22 августа 1726 г. С.Л. Владиславич выдал официальный паспорт своему адъютанту А. Кушелеву и толмачу Я. Загузину для проезда к китайским (цинским) министрам с сообщением о своем скором прибытии в Сорочины [34]. Сорочинами русские называли монгольский караул на р. Буре, правом притоке Селенги.

В мае 1727 г. М. Зиновьев и И. Валуев обратились с доношением в Коллегию иностранных дел, в котором они просили увеличить им жалованье с 6 р. до 9 р. в месяц («чтоб не притти в последнюю нищету и з голоду не умереть») по причине того, что они с С.А. Колычевым перед отъездом из Петербурга в Сибирь успели сдать экзамен по геодезии и получили звание геодезистов. При этом они ссылались на то, что получили из Адмиралтейства промеморию о сдаче экзамена. Из работ, выполненных геодезистом М. Зиновьевым, сохранились чертежи и планы Удинского острога, торговой слободы на Аргуни и Кяхтинской слободы, сданные в 1729 г. Владиславичем в Коллегию иностранных дел [35].

В 1729 г. по окончании работ на русско-китайской границе Кушелев, Зиновьев и Валуев вернулись в Москву [36]. Геодезисты Скобельцын, Свистунов, Баскаков и Шатилов составили карту границы России с Китаем, а также ландкарты Селенгинского, Нерчинского, Илимского и Якутского уездов. С 1734 г. они вошли в состав академического отряда Второй Камчатской экспедиции В. Беринга; отрядом руководил фактически Г.Ф. Миллер. Успехи в картографических работах сделали группу геодезистов знаменитой, их стали неофициально называть «Скобельцын с товарищи». В 1739–1740 гг. геодезисты составили этнографическое описание под названием «Известие в Якуцком уезде и в принадлежащих к Якуцку острогах и зимовьях каких народов люди живут и каких законов и какие промыслы и чем питаются» [37]. В 1742 г. Скобельцын, вместе с геодезистом М.С. Гвоздевым, входил

в состав экспедиции М. Шпанберга, осуществившей на трех судах второе плавание, хотя и неудачное, к берегам Японии [38].

Миссия посла С.Л. Владиславича сложилась так, что он посетил Пекин, имел аудиенцию у богдыхана, затем вернулся на границу, и здесь договаривающиеся стороны приступили к выработке проекта договора и, самое главное, к разграничению спорных земель на местности, к демаркации границы. С.И. Писарев, канцелярист русского посольства, в составленной записке излагает этот вопрос так: «Итак, по оному соглашению 20 числа августа 1727 года подписали и разменялись с обеих сторон равногласными трактатами вести ту мунгальскую границу от Кяхты: на восточную сторону к Нерчинску до вершины реки Аргуни, а на западную к Кузнецку и Красноярску до контайшина владения. По которому трактату от российской стороны и отправлены в обе стороны для того разграничения пограничные комиссары, на восточную секретарь Иван Глазунов, а на западную стольник Степан Калычев, которые ту границу и разграничили, ставя по ней везде, где надлежало, пограничные знаки и караулы, и потом разменялись между собою равногласными письмами для вечного сведения и бесспорного обеим сторонам владения» [39].

Идея обозначения границы особыми знаками в виде каменных насыпей принадлежала китайской стороне. Так, еще в 1723 г. Л. Ланг сообщал в Коллегию иностранных дел: «...караулы китайские на границах не в тех местах стоят, где прежде стаивали, а несколько верст ближе к Селенгинску подались... И начали каменные малые горки ставить, якобы знаки границы» [40].

Пограничные знаки и возле них караулы обе стороны ставили одновременно. У русских они стали называться маяками. Граница была снабжена в целях предотвращения контрабанды и баранты (угона скота) поселениями и караулами. На самой границе оставлена нейтральная полоса шириной в 30 сажень. В промежутках между маяками были насыпаны большие каменные кучи (обо), обозначавшие границу. На мостах через реки, где проходит граница, были вбиты по обоим берегам столбы, обвязанные веревками из конского волоса, с печатями, чтобы затруднить или контролировать тайные переходы.

Маяки являются историческими памятниками, свидетельствующими об успехах русской дипломатии в первой половине XVIII в. на восточных рубежах России. Одновременно они говорят о сохранении добрососедских отношений между

Россией и ее восточными соседями — Китаем и Монголией. Граница, проведенная по маякам, остается неизменной вот уже в течение около 300 лет (за исключением самого крайнего западного ее отрезка в бассейне Енисея, где граница много позднее была отодвинута к югу). Поэтому эти исторические памятники заслуживают самого пристального внимания. Описания их местоположения, условий обслуживания дозорщиками, создания постоянных караулов (поселений) выполнялись, в основном в XVIII в., Г.-Ю. Клапротом [41], советником Троицко-Савского пограничного правления Е.И. Сычевским в работе «Историческая записка о кяхтинской границе», извлечения из которой перепечатаны в наше время [42], П.П. Семёновым [43] и др. Некоторые из маяков отмечены на специальных географических картах, составлявшихся в начале XX в. Основываясь на этих материалах, мы дадим перечень маяков и их нумерацию в той последовательности, которая сложилась в соответствии с условиями Буринского договора — сначала от Кяхты на восток (Восточная линия) и затем от Кяхты на запад (Западная линия).

От Кяхты в восточном направлении (Восточная линия) до Аргуни было построено с российской стороны 63 маяка:

1. Маяк на горе Бургултее, в 20 верстах от Кяхты.
2. Маяк в 12 верстах от первого, на горе у оз. Чайдам, лежащего уже за границей. Между маяками 2 и 1 берет свое начало южнее границы р. Киран и течет на север в Чикой.
3. Маяк в 12 верстах от предыдущего на горе Курлик, у соленого озера, лежащего за границею.
4. Маяк в 8 верстах от предыдущего, на холме, против луга Дирету, лежащего за границею.

Маяки 1–4 обслуживались бурятами цонгольского, ашебагатского и табангутского родов, размещенных на р. Киран против маяка 4 на Шербатайском лугу. Кроме бурят за маяками 1–5 уже, видимо, позже, стали присматривать трое русских служилых людей из Кударинской крепости, основанной на северном берегу Чикоя в 1761 г.

5. Маяк в 9 верстах от предыдущего на левом берегу р. Чикой, на нижнем краю луга Харбага.

6. Маяк на горе близ устья речки Чиктой, изливающейся с левой стороны в Чикой, 5 верст от предыдущего.

7. Маяк близ устья р. Хабцагай (Ходца), текущей в Чикой, 9 верст от предыдущего.

8. Маяк ниже устья Ару-кидуре (Ара-кидуру), текущей в Чикой, 14 верст от предыдущего.

9. Маяк ниже впадения р. Уй-алга в Чикой, 20 верст от предыдущего.

10. Маяк близ устья Ару-хадань-су (большой реки, называемой также Ару-Хадаин-уссу или Ара-хатанца), в 19 верстах от предыдущего. По этому притоку Чикоя граница идет вверх в большой долине на Становой хребет.

Маяки 5–10 были вверены бурятам тех же трех родов, что и предыдущие, но поселенных на устье р. Кудары (на северном берегу Чикоя) и в д. Парфентьевской на устье р. Ара-Хадаин-Усу (здесь позднее был основан Чжиндинский караул). Между маяками 8 и 9 в 1768 г. был основан Усть-Урлукский караул.

11. Маяк на устье речки Улолей (Улилей), текущей с востока и изливающейся в Хатанцу, отстоит на 60 верст от предыдущего. Отсюда граница идет вверх по Улюлею до его истоков, потом переходит на р. Мензу, которая изливается в Чикой с правой, южной стороны, наконец, она направляется к верхнему Онону и его притокам.

12. Маяк при впадении Убур-Хадань-су (т. е. южной Хатанцы, называемой также Убер-Хаданх-су или Убер-Хадаинъ-уссу) с востока в р. Мензу, 83 версты от предыдущего.

13. Маяк на горе Кумур, или Кумурун-уле, недалеко от истока ручья того же названия, впадающего с востока в Мензу, 70 верст от предыдущего. На картах 30-х гг. XX в. он называется маяк Кумырский.

14. Маяк на горе у источника речки Куше (Куге) в 51 версте от предыдущего. Река Куше течет с севера и считается первой в ряду рек, которые, направляясь с русской стороны, пересекают границу и впадают на юге в Онон. Здесь уже начинается нерчинская территория; все же прежние маяки принадлежали территории селенгинской. Граница тянется здесь в значительном расстоянии от северных берегов Онона, по его левым верхним притокам; сам Онон течет отсюда к востоку.

15. Маяк на севере от ручья Гунгуртея (или Кунгуртей), вливающегося с северо-запада в Онон. Здесь оканчиваются горы Кумур, называемые на китайской стороне Хинган-Кумур. Этот маяк находится в 15 верстах от предыдущего.

Маяки 11–15 были вверены бурятам всех 11 хоринских родов, руководимым двумя засулами, кочевать им предписывалось на Мензе против Кумурюнского устья на лугах. Позднее у маяка 12 был создан Мензинский караул, и в 1772 г. у маяка 15 — пикет Ашангинский.

16. Маяк на горе, недалеко от р. Асинга (Ашангай, Ашинга), впадающей с северо-запада в Онон, в 18 верстах от пред-

ыдущего. На картах 30-х гг. XX в. он имеет название Ашингинский маяк.

17. Маяк на горе Хариагутее (или Хара-кутул) на левом берегу Онона, в 10 верстах от предыдущего.

18. Маяк на горе, при речке Хасулак (Кашулык, Кошелюк), впадающей в Онон, в 12 верстах от предыдущего.

19. Маяк на горе Мунгге-сили (Мунгке), омываемой большой рекой Балдзи (Балдза), текущей к юго-востоку и впадающей в Онон, в 57 верстах от предыдущего. На картах 30-х гг. XX в. он называется маяк Бату-Хадайский.

20. Маяк на горе, на южном берегу р. Балдзиха (Балдзи-хан, Балчикан), впадающей с северо-запада в Кара-ул (Карол), в 46 верстах от предыдущего. На картах 30-х гг. XX в. он называется маяк Кумылинский.

Маяки 16–20 были вверены тунгусам сарадульского рода с засулом, руководимым зайсаном Гурдзеем, со стоянкой на Балчикане. Здесь же позднее возник Балчиканский караул.

21–24. Маяки 21–24 были поручены для дозора тунгусам того же сарадульского рода со стоянкой у маяка 24 (Гильбиринского) на речке Алтан. Позднее против маяка 23 был создан караул Букукунский, а против 24-го — караул Алтайский (скорее Алтанский). Маяк 21 на картах 30-х гг. XX в. называется маяк Галгатайский, маяк 22 — маяк Киркунский, маяк 23 — маяк Букукунский, маяк 24 — маяк Зун-Модун.

25–28. Маяки 25–28 были под надзором тунгусов сартольского рода со стоянкой на речке вблизи маяка 28 (Табун-Тологой), где позднее был создан караул Кыринский. На картах 30-х гг. XX в. маяк 25 называется маяк Агуцинский, маяк 26 — маяк Газулутуйский, маяк 27 — маяк Адаргинский, маяк 28 — маяк Хонгорукский.

29–30. Маяки 29–30 были наблюдением поручены тунгусам цамцагинского рода под надзором шуленги Хоника со стоянкой на р. Кырын вблизи 30 (Улхутского) маяка, где позднее был образован караул Верхнеульхунский. На картах 30-х гг. XX в. маяк 29 отмечен, но оставлен без названия, маяк 30 назван маяк Усть-Зуругинский (Ничугурский).

31–35. Маяки 31–35 были поручены тунгусам почекатского рода под надзором засула Кобу со стоянкой вблизи маяка 35 (Мангутского), где позднее образован караул Мангутский. На картах 30-х гг. XX в. маяк 31 называется маяк Убур-Зуругинский (Убур-Авонский), маяк 32 — маяк Цыркинский, маяк 33 — маяк Курцинский, маяк 35 — маяк Мангутский.

36–40. Маяки 36–40 были поручены тунгусам ульзюцкого рода под надзором зайсана Дугара со стоянкой на речке Учир-

ху, вблизи маяка 39, где позднее образован караул Нижнеульхунский. Против маяка 40, расположенного в 25 верстах от предыдущего, в 1764 г. на правом берегу Онона воздвигнута крепость Акшинская (ныне пос. Акша). На картах 30-х гг. XX в. маяк 36 называется маяк Тургенский, маяк 37 — маяк Лучинский, маяк 38 — маяк Улан-Шаройский, маяк 39 — маяк Убур-Хоринский.

41–45. Маяки 41–45 надзирали тунгусы гунова рода под наблюдением зайсана Сонома со стоянкой у речки Доролги и оз. Цаган-Нора, близ маяка 45 (позднее караул Дурулгуевский). При маяке 41, напротив крепости Акшинской, возник караул Токторский, а при маяке 43 в 1770 г. — Могойтуевский.

46–49. Маяки 46–49 были поручены тунгусам баликигирского рода под наблюдением зайсана Бирчи со стоянкой на речке Ималка, вблизи маяка 47 (Обойту). Позднее здесь образован караул Кубухаевский, а против маяка 48 в 1770 г. — Пасучинский, против маяка 49 в 1773 г. — Чиндانت-Турукаевская крепость.

50–53. Маяки 50–53 были поручены тунгусам уляцкого рода под надзором зайсана Шода со стоянкой у оз. Тара, вблизи маяка 51 (Могыцзыга). Здесь позднее образован караул Кулусутаевский.

54–58. Маяки 54–58 наблюдали тунгусы намяцкого рода под руководством шуленги Илдену со стоянкой у оз. Тарабага-Даху, вблизи маяка 58. Позднее между маяками 55 и 56 организован караул Чиндانتский, а против маяка 57 в 1779 г. — Ключевский.

59–61. Маяки 59–61 были поручены тунгусам челкагирского рода под надзором шуленги Умучана со стоянкой у оз. Халсутая, вблизи маяка 59 (Цаган-Ола). Позднее здесь образован караул Цаган-Олуевский, а при маяке 61 в 1748 г. — Соктуевский.

62–63. Маяки 62–63 попали под наблюдение тунгусов долоцкого, намяцкого и конурского родов под надзором шуленг Бугулуна, Доржи и Абида. Им велено было стоять у р. Аргунь, близ маяка 63, против Хайзарского устья у стрелочной сопки Абагайту. Им же вменялось в обязанность смотреть вниз по р. Аргунь, по ее левому берегу, до перевоза (здесь позднее образовался караул Кайласутаевский). Сразу же был определен караул из нерчинских служилых людей во главе с пятидесятником Дмитрием Мыльниковым в том месте, где было назначено быть пограничному купечеству (здесь в 1745 г. образован караул Старо-Цурухтаевский).

В западном направлении от Кяхты (Западная линия) было создано 24 маяка:

1. Маяк на правом, западном берегу р. Кяхты.

2. Маяк на горе Орхойту, в 10 верстах от предыдущего.

Маяки 1 и 2 были вверены селенгинским служилым людям Лаврентию Третьякову с товарищами с приданными им бурятами цонголова рода (тайша Лопсан) в количестве 10 человек со стоянкой в урочище на р. Кяхте. Позднее у маяка 2 возник караул Наушинский (ныне пос. Наушки).

3. Маяк на горе Буйле-Суту, близ левого, западного берега Селенги, в 20 верстах от предыдущего.

4. Маяк на горе Янхор-ола, на запад от Цаган-усуна (Белая вода), впадающего в Селенгу, в 16 верстах от предыдущего.

Маяки 3 и 4 были поручены селенгинским служилым людям Ивану Торой с товарищами, и при них бурят табангутского рода (зайсан Дугар) 10 человек, поселенных в урочище при устье Цаган-усуна. Позднее у маяка 3 образован караул Цаган-Усунский.

5. Маяк на горе Хонгор-Обо, в 10 верстах от 4-го.

6. Маяк на горе Гундзан-Ола, на запад от речки Бугузун-ама (Бос-анга) на маньчжурских картах, Боссинской на русских, впадающей в Джиду, в 16 верстах от предыдущего.

Маяки 5 и 6 были вверены селенгинским служилым людям Григорию Березовскому с товарищами, при них были определены буряты атаганова рода (зайсан Текен) 10 человек, поставленные в урочище на устье речки Ботея. Позднее у маяка 5 возник караул Босинский, а у маяка 6 в 1768 г. — Чемуртайский.

7. Маяк на горе Худахайту (Хутугайту), на левом, западном берегу р. Дзельтура (Желтура, Зильтура), 10 верстами выше ее впадения справа в Джиду, в 20 верстах от предыдущего.

Маяк был поручен селенгинским служилым людям Андрею Тугаринову с товарищами, им были приданы 10 человек бурят сартолова рода (зайсан Дуки), поставленных в урочище на устье Дзельтуры. Позднее у маяка был образован караул Желтуринский.

8. Маяк на горе Куку-Нуругу, при истоке Убер-Хулады, впадающей в Джиду, 25 верст от предыдущего.

Маяк был поручен селенгинским служилым людям Якову Кузнецову с товарищами, им были приданы 10 человек бурят сартулова рода (зайсан Дуки), поставленных в урочище на устье Хулуды. Позднее здесь был образован отводной караул Хулдатский.

9. Маяк на горе Эгуден-джо, обыкновенно называемой Угден-Цзун; он находится на восточной оконечности этого горного хребта, при истоке р. Кацартай (Кацуратай), текущей к югу в Монголию и впадающей в Дзельтуру 50 верстами выше впадения Дзельтуры в Джиду. Упомянутый горный хребет Эгуден-джо простирается отсюда к северо-западу и разделяет истоки рек Джиджа-эхел (Ига) и Уки. Этот маяк находится в 34 верстах от предыдущего, и между ними проходила прежде граница уездов Селенгинского и Иркутского.

Маяк был поручен ясачным тунгусам Култуковского зимовья: шуленге Тонуму Табитуеву и Чинеку Заргунгаеву, при них находились 5 улусных людей, поставленных на устье речки Харцагай. В 1779 г. здесь была образована крепость Харацайская.

10. Маяк находится на Цедзи (по-русски Соджи), текущей с севера и впадающей в Дзельтуру 30 верстами выше Кацартай и в 19 верстах от предыдущего маяка.

Маяк был поручен ясачным людям Култуковского зимовья: шуленге цынгинова рода Битуду и ясачному заентова рода Шубшунгину, им были приданы улусные люди 5 человек, поставленные в урочище на речке Цежий. Позднее здесь образован караул Цежинский.

11. Маяк на истоке Модон-гола (т. е. деревянной реки), впадающего в Эрин или Ирен, который изливается в Эхе (слева в Селенгу), в 46 верстах от предыдущего маяка. Близ этого маяка берет начало другая река — Модонгол, или Ару-Модонгол, текущая к северу и впадающая в Джиду. Между маяками 11 и 10 в 1768 г. были основаны караулы Хамнейский на речке Хамней и Цакирский на речке Цакир.

12. Маяк на горе Бухоту-дабага, называемой также Бугуту, на истоке Бурула, впадающего слева в Эхе; в 77 верстах от предыдущего.

Маяки 11 и 12 были вверены зайсану заектаева рода Обо-моггонову и шуленге цынкеева рода Лорицу Никанову; им было придано 5 улусных людей, поставленных в урочище на Зоде, против Модон-Куля и против речки Пашиту. У маяка 12 образован караул Модон-Кульский.

13. Маяк на горе Досит-дабага, или Дошикту-дабага, на истоке Кепета, впадающего в Ур; в 43 верстах от предыдущего.

14. Маяк на Кесенекту-дабага, при истоке речки, принадлежащей к верховьям Кепета, в 7 верстах от предыдущего. Здесь оканчиваются горы Эгуден-джо, или Уден-Дзон. и начинаются другие, которые называются Гурбинскими.

Маяки 13 и 14 были поручены бурятам Тункинского ведомства: шуленге иркитского рода Цанкирану с улусными людьми и буряту тыбдеевского рода Бошху Тулен-Гамину с 2 улусными людьми. Они были поселены в урочище на устье речки Дотожи. Позднее у маяка 13 был образован караул Шараазаргинский, у маяка 14 — Ключевский (Харацайский).

15. Маяк на истоке Ури находится на Гурбинских горах, в 43 верстах от предыдущего.

16. Маяк Хангинский при истоке Ханги, в 46 верстах от предыдущего.

Маяки 15 и 16 были поручены шуленге куигудцузского рода Баиру и шуленге тырудыевского рода Василию Унзанову; им было велено стоять в урочищах на устьях рек Туран и Ханчи. Позднее у маяка 15 учрежден караул Туранский, у маяка 16 — Хандинский, между маяками 15 и 16 в 1773 г. — крепость Тункинская.

17—18. Маяки 17 и 18 были поручены шуленге зукдеевского рода (еудинцы) Красноярского ведомства Хараджи Кувадарову; велено было стоять в урочище на Ахе (Оке), против устья р. Сенси (Сенцы). В 1771 г. у маяка 17 был образован караул Наринхоройский, у маяка 18 (без даты) — караул Окинский (Тункинской дистанции).

19. Маяк 19 был установлен на хребте Торос-Дабага, он был поручен шуленге кареинского рода Сырен-Минхелееву, шуленге туралицкого рода Аларбан-Инову и шуленге шараицкого рода Бургоцу-Кутуеву в 10 юртах; им было велено стоять в урочище в верховьях Уды (Нижнеудинский уезд).

20—23. Маяки 20—23 (маяк 23 установлен на левом берегу Енисея) были поручены есаулу малого бахамницкого рода Харанхыру с 10 юртами под надзором красноярского служилого человека Алексея Чашкова; стоянка определена в верховьях речки Оя, правого притока Енисея.

24. Маяк 24 установлен на хребте Шабина-Дабага в верховьях Абакана; он был поручен есаулу сагайского рода Кузнецкого ведомства Кыштымен-Тыбычикову и есаулу бултырского рода того же ведомства Аючак-Азыбаеву, со стоянкой (10 юрт) в урочищах на устьях рек Ебаш (Абаш) и Цаган-Махан (Цаган-Кахан), относящихся к Красноярскому уезду.

На восток от Кяхты установкой знаков с русской стороны руководил секретарь посольства И.И. Глазунов, с китайской — чиновник Хубиту. Установив знаки, обе стороны 12 октября 1727 г. на Абагайтуевской сопке обменялись письменными актами. На запад от Кяхты знаки устанавливал с русской стороны комиссар посольства С.А. Колычев (помогал

ему дьяк Н.К. Кондратьев), с китайской — министр Дорой-Амбан Бесыга. И здесь обе стороны обменялись 18 октября 1727 г. актами. В актах (письменных росписях) были подробно поименованы и обозначены, как сообщает Г.-Ю. Клапрот, все реки, ручьи, озера, горы, долины и степи, где поставлены маяки.

Всего, таким образом, на границе было поставлено 87 маяков. Заметим, что в некоторых современных работах [44] указывается цифра 63, но она относится только к пограничной линии к востоку от Кяхты, а не ко всей границе. Пограничные знаки (маяки) делались из насыпной земли и камней. Правда, Г.-Ю. Клапрот пишет, что знаки были исключительно каменные: «Пограничные маяки для прочности построены были каменные, вышиною в две сажени, и в основании на столько же в ширину». В материалах, опубликованных Е.И. Сычевским, маяки характеризуются как каменные насыпи: «Секретарь... Глазунов... поставил на возвышенных местах всего 63 маяка (или 63 пары каменных насыпей)... <...> Коммисар... Колычев с... Бесыгою... поставили... всего 24 маяка, состоящие из парных каменных насыпей, из коих последний поставлен на хребте Шабина-Дабига». Иное суждение о пограничных знаках можно найти у П.П. Семёнова, который утверждает, что это были деревянные столбы.

В подробной инструкции С.Л. Владиславича пограничному дозорщику Г. Фирсову предписывалось делать ежегодные объезды маяков в летнее время, с мая месяца по октябрь, «осматривать маяки и которые развалились починивать, а которые малы, оных прибавлять, дабы все были на примере равномерны величиною, на что дается тебе из казны... шесть железных лопаток и шесть топоров... надлежит тебе всяким образом трудиться свитою по оным по горам чинить разъезд по границе и маяки починивать для предков».

По линии границы протяженностью более 3 тыс. верст, от Аргуни на востоке до верховий Абакана на западе, было учреждено 30 караулов. Как правило, это были стоянки аборигенов (бурят, тунгусов, тувинцев) из 5 (10) юрт, поселенных вблизи маяков временно, «до указу». И эти временные поселения, пока они не были заменены постоянными караулами, сохранялись десятилетиями. Вся граница была разделена на две линии: Восточную (к востоку от Кяхты) и Западную (к западу от Кяхты). Надзор за границей и караульной службой С.Л. Владиславич поручил, введя должности пограничных дозорщиков, членам своего посольства: на Восточной линии — селенгинскому дворянину Григорию Фирсову, на

Западной — иркутскому сыну боярскому Анисиму Михалёву. В подчинении у Г. Фирсова были толмач Степан Кобей, за писаря Иван Мангир, служилые люди для рассылок — Иван Разгильдеев, Алексей Цыгенов, Сава Лесков. В подчинении А. Михалёва указывается только селенгинский служилый человек толмач Григорий Волгарь. Пограничные дозорщики Г. Фирсов и А. Михалёв подчинялись Генеральному пограничному правителю, начальнику вновь созданного в Селенгинске Пограничного правления полковнику И.Д. Бухольцу.

Среди маяков были выделены главные: в Кяхте и Цурухайтуе. В Кяхте маяк был в ведении капитана Тобольского полка Федора Княгинина (Княгинкина), в Цурухайтуе — капитана того же полка шведа Михаила Шкадера. О кяхтинском маяке Г.-Ю. Клапрот пишет: «С каждой стороны построено по особому маяку; на них изображены на Русском и Монгольском языках надписи и нумера с означением места, где они стоят, чтоб их не можно было сдвинуть. Первые и важнейшие столпы находятся на дороге, ведущей из Сибири в Монголию и Китай, на правом берегу ручья Кяхты, в 10 верстах от речки Буры, на невысоком холме, против самого того места, где впоследствии построена Кяхтинская слобода. На Русском маяке поставлен деревянный крест с надписью: “Курган сочиненного разграничения между Российской и Китайскою Империями. 1727 Августа 20 дня”». При кяхтинском маяке по инструкции С.Л. Владиславича была вскоре построена торговая слобода с гостиным двором. В отношении гостиного двора графом давались особые указания тому же Ф. Княгинину: «А в оной инструкции в 2-м пункте написана чтоб на Кяхте в торговой слободе на самой середине крепости, построить неболшей гостиный двор длиною по обе стороны шестнадцать сажен шириною по три сажени, таким образом чтоб на низ установились дватцет четыре лавки а на верху сколько анбаров, для угодыя купечеству сиречь по двенатцети на стороне, мерою по полторы сажени внутри, а пред лавками б были хоры, дабы можно во время погоды ходить покрыть, а ворота были двои, одни против других по линее, шириною в две сажени, а гостиный двор был бы широк на пример земли от стены до стены восем сажен. Что положено на его Княгинина разсуждение» [45]. Первый камень при строительстве Кяхтинской слободы был заложен лично Владиславичем в торжественной обстановке в присутствии представителей обеих сторон. На другой стороне границы китайская сторона основала свою торговую слободу, названную «Хиагт маймаачин» («Торговая слобода»), позднее — Маймачен (ныне город

Алтан-Булак Селенгинского аймака Монголии) [46]. Кяхтинская слобода строилась силами служилых людей Тобольского полка, пришедшего в Забайкалье из Тобольска под руководством полковника И.Д. Бухольца, а не солдатами сформированного тремя десятилетия позже Якутского полка, как это иногда утверждается [47]. К осени 1728 г. в слободе были поставлено 32 избы для купцов, гостиный двор, амбары; в 4 км от нее была отстроена Ново-Троицкая крепость, сразу же, в 1727 г., переименованная в г. Троицкосавск, в названии которого слились воедино вторая часть названия крепости и личное имя посла Саввы Л. Владиславича-Рагузинского.

Штатным дозорщикам, при сохранении прежнего хлебного жалованья, устанавливались новые денежные оклады. Так, денежный оклад был определен Г. Фирсову в 30 р. в год, толмачу в 15 р., всем остальным сотрудникам по 10 р. в год каждому (об окладах А. Михалёва и Г. Волгаря сведений нет).

Дозорщику А. Михалёву предписывалось также вершить судебные тяжбы и разбирательства среди бурят, охранявших границу: «И когда дело малое, судить бы каждого рода своему начальнику, а когда побольше, то выбирать от трех родов по два начальника, всего шесть человек, и чем оные осудят, на том стоять» [48].

В 1728 г., при С.Л. Владиславиче, на Восточной линии были учреждены следующие пограничные караулы, ставшие со временем поселениями: Букукун, Дурулгуй, Кубухай, Кулусутай, Кыра, Мангут, Старый Цурухайтуй, Тохтор, Ульхун, Цаган-Олуй, Чиндант, позже Кайластуй в 1729 г., Менза в 1730 г. [49]; на Западной линии — Цээжинский, Модонкульский, Шаразаргинский, Ключевской в 1728 г., позже Цакирский в 1768 г., Харацайский в 1773 г. [50].

С привлечением к охране государственной границы «иноподцев» — бурят и тунгусов, с возведением их в статус казаков в некоторых родах, особенно бурятских, было введено правило вручать знамена и были введены должности знаменщиков. Пограничная служба несколько позже сообщала, что С.Л. Владиславич «определил вам, селенгинским и нерчинским всех родов братских иноземцев зайсанам, знамена и против того определения протчих родов зайсанов по просьбе их определил помянутый граф знаменщиков, которые действительно и обретаются и врученные знамена содержат». Должность знаменщика почиталась высокой [51].

Порядок службы на границе был определен указом Иркутской канцелярии в 1731 г. [52]. Охрана границы с российской

стороны осуществлялась ежедневными выездами отрядов из 10–12 человек на лошадях. На границе отряд разделялся на две равные группы. Каждой группе выдавался бумажный ярлык с указанием на нем числа, месяца и года, маршрута следования, поименного состава группы. Обследовав границу, группы менялись ярлыками, а затем их сдавали заведующему караулом или в крепостях сотенному командиру. На караулах и в сотнях велись шнуровые книги, в которые записывались подробности дежурства и замеченные нарушения. В случае нарушения границы, к примеру животным, инцидент разбирался на месте с привлечением китайской стороны. На китайских постах обычно находились монголы — до 30–50 человек на лошадях (не менее двух лошадей на караульщика), без хозяйства, в юртах, сроком на 3 года, тоже с ежедневными выездами на осмотр. На месте нарушения границы велись разбирательства и переговоры [53].

Насколько строгим был пограничный режим с русской стороны и как он соблюдался, свидетельствует факт нарушения границы одним бурятским родоначальником из племени хори, изложенный в одной из бурятских хроник. Шэлдэй-занги с сородичами при установлении границы задержался на монгольской стороне. В 1730 г. он перешел границу с намерением присоединиться к хоринцам, жившим на российской стороне, но был пойман и казнен за нарушение границы [54]. Поступок Шэлдэй-занги вошел у бурят в летописи, о нем сложены песни.

Пограничный режим с российской стороны часто нарушался, особенно родоначальниками бурятских родов. Так, в 1772 г. зангин Гинпыл Цагаханов был отстранен от пограничной службы за мелочную торговлю с начальником монгольского караула; в том же году десятник Шаджи Шочиев за сознательный отвод следов при расследовании дела о краже скота в Монголии был наказан плетьюми и ему было запрещено в будущем избираться в старшины; зайсан Баянтуй Макеев был лишен звания и наказан плетьюми за ограбление контрабандистов и за присвоение имевшихся у них товаров [55].

В 1739 г. группа бурят сартолова рода обвиняла своего родового тайшу Дулкицу в нарушении предписания пограничного правления от 1731 г. о наряжении зайсанов, шуленг и улусных людей в пограничные караулы по очереди. В 1756 г. хоринский тайша Иринцей Шодоев жаловался в канцелярию правления пограничных дел на всех 11 родовых зайсанов, которые, как он писал, «оказывают к непослушанию против-

ность» и не выполняют распоряжения об удалении в глубь территории кочующих близ границы родовичей [56].

Чтобы перейти границу со стороны Монголии, требовался пропуск, «билет»; без такого пропуска монголу или буряту нельзя было найти работу в русских поселениях [57].

На первых порах в обязанности Генерального пограничного правления входило не только соблюдение режима границы, но и наблюдение за состоянием торговли как с российской, так и с китайской стороны. И уже с самого начала пограничное правление стало прибегать к услугам тайных агентов. В архивах сохранилось донесение (доезд) одного из таких агентов, селенгинского обывателя П. Семенова, отметившего, кстати, малые размеры построенного гостиного двора в Кяхте: «1731-го году июня 30 дня Генералнаго пограничного правления в канцелярию от Селенгинского обывателя Парфена Семёнова доезд. Сего 1731 году апреля 8-го дня генералнаго пограничного правления ис канцелярии дан мне ея императорского величества указ, по которому велено ехать на Кяхтинской пост и присмотреть Тайным образом купечества как российского так и китайского порядочно ли оное состоит, и доволной ли торг, и не торгуют ли тайным образом, для утайки в казну Ея императорского величества пошлин, и как прибылен оной торг российскому империи, а что присмотрено будет, тому велено мне иметь верную и обстоятельную записку, с которою возвратится в Ыркуцк, и явится генералнаго пограничного правления в канцелярии, конечно и о всем вышеписанном подать за рукою доезд, в немедленном времени; и по оному Ея императорского величества указу ездил я на Кяхту, и купечество как российское так и китайское присматривал, а по при-смотру моем явилось купечество происходит с обеих сторон порядочно, токма не весьма доволной торг. Понеже китайских купцов и с товары их зело малое числа, и надеюсь что против россиан и в полы не будет, а российскому империи оной торг видно, что не весьма прибылен. Для малолюдства Китайских купцов, и их товаров. А чтоб кто не торгуют ли тайно для утайки в казну Ея императорского величества пошлин, того я не видал, и ни у кого не слыхал. А в Ыркуцк майя в последних числах не явился я затем что долговременно стояли у Байкала моря за погоду, да при сем еще предъявляю в российской торговой слободе, Гостиной двор, для поклажи товаров построен зело мало. Чего ради российское купечество принуждены товары свои содержать... по десяти и больше в одной лавке с великим утеснением а некоторые содержат и в казармах при себе» [58].

Установление маяков и создание пограничной службы не гарантировало полностью закрытости границы. Именно по этой причине в 1744 г. было принято русским правительством решение об укреплении границы: о создании между Чикоем и Селенгой рва и надолбов с одной целью — предостережения от тайного провоза товаров [59].

Русская пограничная служба со временем совершенствовалась. В 1755 г. был сформирован из забайкальских казаков Якутский полк, три батальона и драгунская рота; полк разместили на границе [60]. В 1761 г. для охраны границы был сформирован казачий полк из тунгусов, при этом вошедшие в полк исключались из ясака приписанных к нему [61]; тунгусы, включенные в полк, были переведены из Телембы на границу с Монголией [62]. Вслед за этим, в 1762 г., селенгинские буряты просили правительство отчислить из их состава в казачье сословие 2 400 душ мужского пола с условием исключения их из ясака, при этом буряты подчеркивали свое обязательство снабжать зачисленных в казаки лошадьми и оружием; к такой просьбе бурят побудило то обстоятельство, что они и до этого несли обязанность охранять границу, но без освобождения от ясака [63]. Решение вопроса о просьбе селенгинских бурят отодвинулось к 1764 г. [64], когда из селенгинских бурят четырех родов (сартолы, атаганы, цонголы, ашебагаты) были сформированы четыре казачьих полка, каждый из 600 человек под управлением есаула. Во главе всех бурятских казачьих полков стоял атаман, который подчинялся Троицкосавскому пограничному управлению. Полки числились как иррегулярные войска. Казаки снаряжение и вооружение приобретали на свои средства и не имели казенного обмундирования. Они освобождались от ясачной повинности. Срок их службы был определен в 25 лет. Бурятские казачьи полки охраняли границу в следующих пределах: маяки от 1 по 10 на Восточной линии и от 1 по 9 (до Харацайского караула) на Западной линии [65].

В 1764 г. была построена крепость Акша, в 1773 г. — крепость Чиндант I и пограничный поселок Кондуйский, в 1774 г. — Булдуруйский и Средне-Борзинский пограничные караулы [66], Зандинский караул по Чикоею [67]. Во второй половине XVIII в. на границе со стороны России насчитывалось 6 крепостей, 62 караула, 14 пикетов, со стороны Китая (Монголии) — 59 караулов [68].

Российско-китайско-монгольская граница в южных районах Восточной Сибири, установленная благодаря посольству С.Л. Владиславича, выполнила свое прямое предназначение:

она прекратила массовые угоны лошадей и скота, столь присущие в прошлом и для монголов, и для бурят, с российской стороны в Монголию, особенно разорительные в XVII и первой четверти XVIII в.; она прекратила массовые переходы населения, как с российской, так и с китайской стороны; нормализовала торговые отношения между странами. Вместе с тем граница была открытой с обеих сторон: монголы и буряты могли посещать родственников и культовые места, русские казаки выезжали ловить рыбу на притоки Орхона, буряты в засушливые годы перекочевывали на земли Монголии со скотом и жили там, как у себя дома [69].

Граница сохранялась и оберегалась российской стороной в течение почти трех веков, «для предков». Со временем пограничные знаки (маяки) получили наименования по местности — маяк Кумырский, маяк Дученский, маяк Тургенский и др., т. е. вошли в разряд топонимов, и эти топонимы отображались, например, на географических картах еще в 20-х гг. XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гольденберг Л.А., Постников А.В. Петровские геодезисты и первый печатный план Москвы. М.: Недра, 1990. С. 31.
2. Там же.
3. Там же. С. 32.
4. Там же. С. 27.
5. Там же. С. 35.
6. Русско-китайские отношения в XVIII веке: Материалы и документы. Т 2 (1725–1727 гг.). М.: Наука, 1990. С. 5, 528.
7. Там же. С. 8.
8. Там же. С. 64, 65.
9. Там же. С. 65, 66.
10. Там же. С. 66, 67.
11. Там же. С. 46, 47.
12. Там же. С. 53.
13. Там же. С. 59, 60.
14. Там же. С. 9.
15. Гольденберг Л.А. Михаил Спиридонович Гвоздев. М.: Наука, 1985. С. 19, 21, 30.
16. Русско-китайские... С. 582.
17. Там же. С. 277, 283, 579.
18. Там же. С. 277.
19. Там же. С. 598.

20. Там же. С. 309, 310.
21. Там же. С. 312, 313.
22. Там же. С. 331.
23. Там же. С. 588.
24. Там же. С. 306–309.
25. Там же. С. 582.
26. Там же. С. 92, 557.
27. Там же. С. 143, 144.
28. Там же. С. 182.
29. Там же. С. 322.
30. Там же. С. 329.
31. Там же. С. 343, 591.
32. Там же. С. 364.
33. Там же. С. 557, 585.
34. Там же. С. 381.
35. Там же. С. 537.
36. Там же.
37. Иванов В.Ф. Русские письменные источники по истории Якутии XVIII — начала XIX в. Новосибирск: Наука, 1991. С. 149.
38. Ефимов А.В. Из истории великих русских географических открытий. М.: Наука, 1971. С. 236.
39. Русско-китайские... С. 519.
40. Там же. С. 604–605.
41. Клапрот Г.-Ю. Описание Кяхты // Байкал. 1994. № 3.
42. Сычевский Е.И. Чиновники, посланные для проведения пограничной линии или границы // Байкал. 1994. № 3.
43. Землеведение Азии Карла Риттера. География стран, входящих в состав Азиатской России и пограничных с нею. Восточная Сибирь, озеро Байкал и Прибайкальские страны, Забайкалье и степь Гоби. Т. V / пер. и изд. под рук. П. Семёнова. СПб., 1879.
44. Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. М.: Наука, 1987. С. 88.
45. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 738. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 30. Приводимая из инструкции С.Л. Владиславича выписка была сделана в 1731 г., о чем свидетельствует предваряющее ее пояснение: «1731-го году июля ... дня по вышепредложенной помете выписано из определения графа савы владиславича, а имянно из инструкции данной от него графа Владиславича, Кяхтинского посту бывшему остерегателю капитану Княгинину».
46. Чимитдоржиев Ш.Б. Указ. соч. С. 87, 201.
47. Там же. С. 201.
48. Залкинд Е.М. Общественный строй бурят в XVIII и первой половине XIX века. М.: Наука, 1970. С. 277.

49. Казачество Забайкалья: история и культура: Справочно-библиографический DVD-ROM. Улан-Удэ: Национальная библиотека, 2006.

50. Галданова Г.Р. Закаменские буряты: Историко-этнографические очерки (вторая половина XIX – первая половина XX в.). Новосибирск: Наука, 1992. С. 104.

51. Залкинд Е.М. Указ. соч. С. 307.

52. Казачество...

53. Богданов Р.К. Воспоминания амурского казака о прошлом с 1849 по 1880 год // Амурские казаки. Благовещенск-на-Амуре, 2008. Т. 2. С. 11.

54. Цыдендамбаев Ц.Б. Неизвестные бурятские хроники // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 4 / Тр. Бурят. ин-та обществ. наук. Улан-Удэ, 1970. Вып. 12 (Сер. востоковедения). С. 104.

55. Залкинд Е.М. Указ. соч. С. 317, 318.

56. Там же. С. 332, 335.

57. Румянцев Г.Н. Предания о происхождении аларских бурят // Этнографический сборник. Улан-Удэ, 1961. Вып. 2. С. 127.

58. ГАИО. Ф. 738. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 29, 29 об.

59. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. Сургут: Северный дом, 1993. С. 153.

60. Казачество...

61. Щеглов И.В. Указ. соч. С. 169.

62. Там же. С. 171.

63. Казачество...

64. Щеглов И.В. Указ. соч. С. 176.

65. Ким Н.В. Доржи Банзаров: (биографический очерк). Улан-Удэ, 1992. С. 5.

66. Казачество...

67. Чимитдоржиев Ш.Б. Указ. соч. С. 89.

68. Там же. С. 88, 89.

69. Галданова Г.Р. Указ. соч. С. 31.

КЯХТИНСКАЯ ТОРГОВЛЯ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ В 1840–1860-Х ГОДАХ*

ОРГАНИЗАЦИЯ ТОРГОВЛИ И ПРИВИЛЕГИИ КОМПАНИИ

После подписания Кяхтинского договора в 1727 г. единственным местом торговли между Россией и Китаем стала приграничная слобода Кяхта. С китайской стороны таким местом был Маймайчэн (в переводе на русский язык — торговый город), расположенный напротив Кяхты. До середины XIX в. Кяхта была практически единственным пунктом русско-китайской торговли. Поток товаров через Кяхту в конце XVIII — первой половине XIX в. исчислялся миллионами рублей. В конце XVIII в. кяхтинская торговля составляла 8 % всего внешнеторгового оборота России.

История кяхтинской торговли, ее роль и значение для Сибири и России в целом достаточно хорошо изучены в научной литературе [1]. Наша задача — показать роль и место Российско-американской компании в этой торговле в 1840–1860-х гг. Выбор данной хронологии объясняется двумя главными причинами. Во-первых, в это время кяхтинская торговля РАК достигла наивысшего расцвета, потом вошла в кризис и полностью прекратилась. Во-вторых, по данному периоду сохранились подробные источники — отчеты Главного правления компании, в которых представлены данные о вывозе пушнины и приобретении чая. В обобщенном виде кяхтинская торговля РАК в указанный период времени затрагивалась некоторыми исследователями, но детальный анализ не проводился [2].

К концу XVIII в. сложилась определенная система торговли в Кяхте. После подписания так называемого Междуна-

* Статья подготовлена при финансовом содействии гранта РГНФ (проект «История США и российско-американских отношений (1765–1917) в отечественных региональных архивах, музеях и библиотеках». 08-01-00001а ИВИ РАН. 2010) и гранта Ведущей научной школы им. академика Н.Н. Болховитинова «Северная Америка и ее отношения с Россией» (грант № НШ-4405.2008.6).

родного акта в 1792 г., возобновившего торговые отношения между русскими и китайцами, прерванные ранее, сложилась система торговли, получившая название «торговля по ежегодному положению компаньонов». Она заключалась в том, что ежегодно из русских купеческих компаний, торговавших в Кяхте, выбирались уполномоченные или поверенные по одному от каждой компании. Эти уполномоченные оценивали качество русских и китайских товаров и определяли, сколько необходимо русских товаров для того, чтобы выменять определенное число китайских товаров и наоборот. Торговля велась исключительно путем обмена товара. Использование денег, драгоценных металлов и кредита запрещалось [3].

Таким образом, главной особенностью торговли в Кяхте был ее меновой характер. Он создавал определенные сложности в торговле, которая становилась многоступенчатой. Русским купцам необходимо было приобрести какой-то товар, затем его привезти в Кяхту, там выменять на него китайский товар, а потом вывезти его и продать в России. Русские купцы, вступая в торговлю с китайцами, должны были рисковать, выменивая у них товар, так как сбыт этого товара в России мог не принести прибыль. Российско-американская компания находилась в более выгодном положении. Ей не надо было закупать товары, она привозила в Кяхту товар, пользующийся хорошим спросом. Это была пушнина, добытая в колониях. Компания обменивала пушнину на чай, а затем продавала его в России. То есть товарооборот РАК в Кяхте имел меньше ступеней, чем товарооборот других российских купцов. Поэтому кяхтинская торговля для компании была выгодной и важной, можно даже сказать, необходимой, так как именно в Кяхте сбывалась колониальная «мягкая рухлядь».

В 1841 г. истек срок очередных привилегий Российско-американской компании. Главное правление компании заблаговременно направило на рассмотрение правительства проект нового устава РАК. По распоряжению министра финансов Е.Ф. Канкрин в июне 1840 г. проект устава РАК был направлен на рассмотрение в Совет министра финансов. В сопроводительной записке Департамента мануфактур и внутренней торговли было сказано, что прекращение привилегий приведет к нарушению торговли в Кяхте и совершенному истреблению пушного зверя, «а само управление тою страной делается обременительным для правительства» [4]. Таким образом, кяхтинская торговля Российско-американской компании была одним из аргументов в пользу продления привилегий РАК.

Разработка нового устава заняла длительный период. Устав компании был утвержден только в 1844 г. Привилегии были продлены еще на 20 лет.

Несмотря на продление привилегий, руководство компании рассчитывало получить дополнительные льготы от правительства. В апреле 1845 г. Главное правление РАК обратилось в Департамент мануфактур и внутренней торговли с представлением, где было сказано, что компания ежегодно тратит на содержание колоний 32 % прибыли, на управление делами в России — 12 %, на пошлины в Кяхте — 27 %, на торговые расходы в России — 16 % и на дивиденды акционерам — 12 %. Для облегчения финансового положения компании директора просили предоставить ей специальные льготы по торговле в Кяхте, которые заключались в освобождении РАК от уплаты пошлин на ввозимые в Китай меха, сокращении пошлин с чая и разрешении компании брать кредиты в банке под 4 % годовых.

Министр финансов Ф.П. Вронченко «дал знать компании, что при настоящем положении дел на Кяхте в Китае он не находит возможным ходатайствовать для компании исключительных льгот в торговле ее на Кяхте, ибо это может послужить к стеснению прочих торгующих там купцов, которые в год торгуют на 5 млн рублей» [5]. Главное правление компании проявило настойчивость. Ответ министра финансов ее не удовлетворил, директора по-прежнему считали, что поскольку компания выполняет государственные функции, то ей нужно предоставить дополнительные льготы. 21 сентября 1845 г. Главное правление РАК вновь обратилось в Министерство финансов. Большие расходы компании на содержание колоний, по мнению директоров, приводят к постепенному истощению денежных средств, что «неминуемо повлечет за собой расстройство дел компании и тогда Правительство или должно будет принять на себя управление колониями и лишиться ныне получаемых от торговли компании выгод... или, наконец, должно отказаться от колоний и предоставить их в пользу другой нации» [6].

Столь смелое заявление Главного правления заканчивалось изложением требований по предоставлению дополнительных льгот компании. Директора предлагали: 1) снизить пошлины на чай до 40 к. за фунт, это позволило бы сократить расходы по кяхтинской торговле с 228 тыс. р. до 91 тыс. р. в год; 2) позволить РАК вносить пошлины с продажи чая в рассрочку; 3) отменить пошлину на пушной товар в Кяхте [7].

Дело рассматривалось в разных инстанциях в течение нескольких лет. Министр финансов вступил в переписку с начальником Морского штаба, Министерством внутренних дел, Министерством народного просвещения, обер-прокурором Святейшего синода и Государственным казначейством. В сентябре 1848 г. Совет министра финансов выдал следующее заключение: «представляется один только способ оказать компании вспомоществование: ссудой из Государственного заемного банка с возвратом долга ежегодно равными частями в течение действия привилегий, то есть по 1 января 1862 года» [8]. Таким образом, дополнительных льгот по торговле в Кяхте Российско-американская компания не получила.

ПРЕДМЕТЫ ВЫВОЗА: ПУШНИНА

Российско-американская компания вывозила в Кяхту следующие виды пушнины: бобры морские (каланы), хвосты морских бобров, бобры речные, коты морские, лисы (разных окрасов), песцы белые, рыси, волки, выдры, лапы различных животных (преимущественно лис, песцов, рысей). Лапы были довольно экзотическим товаром, которым пользовался спросом в Китае, где их применяли в традиционной медицине. Надо заметить, что в колониях добывались еще некоторые виды животных, которые в Кяхту не привозили. Это медведи, соболи, выхухолы, норки и росомахи. Правда, судя по отчетам компании, выхухолы и росомахи привозили в 1840–1843 гг., но с 1844 г. привоз их в Кяхту прекратили.

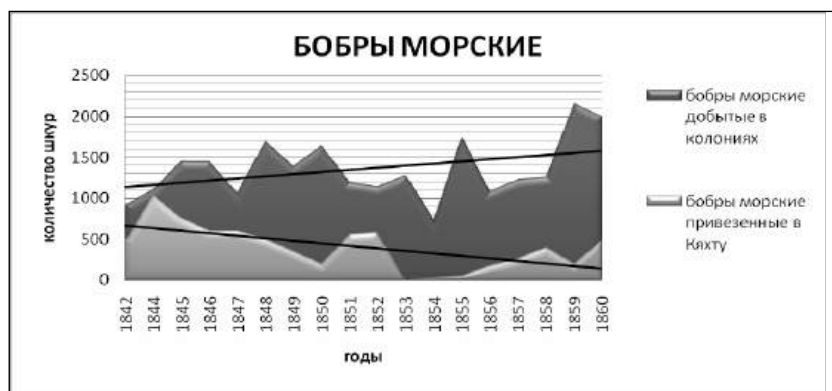
Насколько был значим кяхтинский рынок для сбыта мягкой рухляди РАК, можно выяснить, сравнив данные по добыче пушных зверей с данными привоза их в Кяхту для промена китайцам. Подробные сведения о добыче пушнины в колониях имеются в отчете П.Н. Головина, который представил их по видам пушнины в каждом из отделов компании, включая и данные по Курильским островам и Приамурью. Данные о вывозе пушнины в Кяхту взяты из отчетов Российско-американской компании. Данные о вывозе и продаже пушнины представлены в табл. 1 (Приложение).

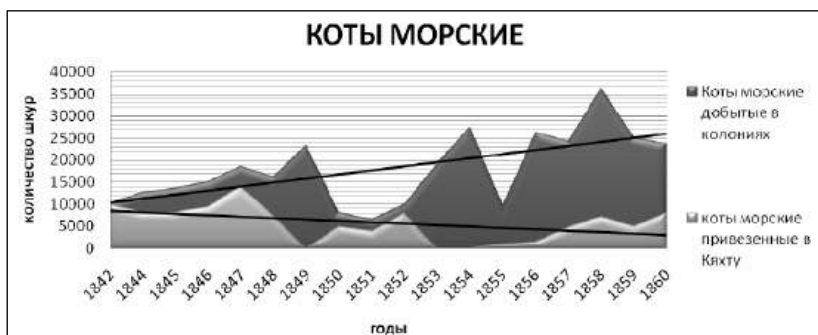
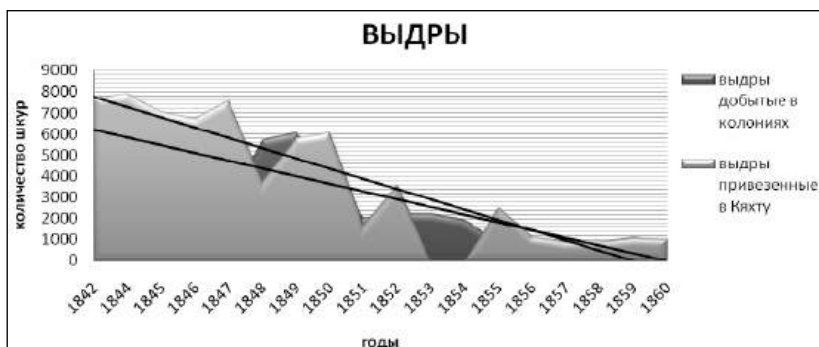
Вывоз пушнины в Кяхту можно разделить на два периода: докризисный (1842–1852) и послекризисный (1853–1860). В докризисный период ежегодно добывалось в колониях в среднем 1 303 морских бобра, вывозилось в Кяхту 564 бобра, или 42 %; речных бобров добывалось в среднем 9 036, вы-

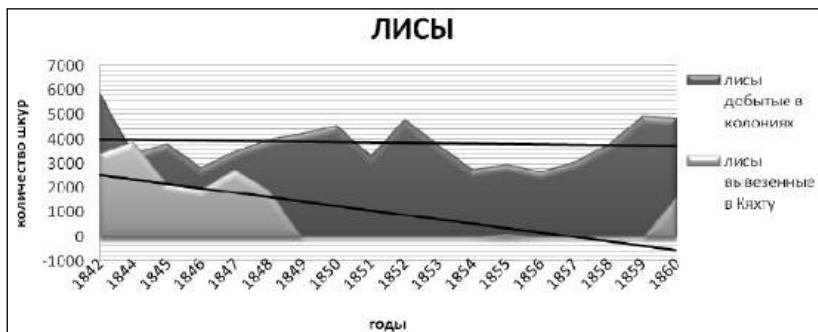
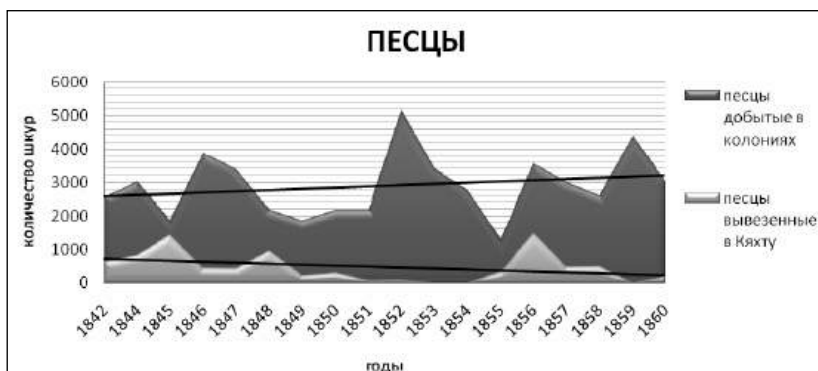
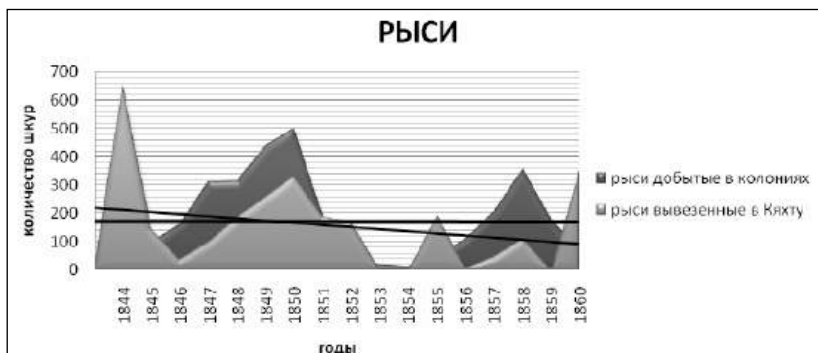
возилось в Кяхту 8 481 (93 %); выдр добывалось 4 593 штуки, вывозилось в Кяхту 5 756 (125 %). Выдр в Кяхте продавалось больше, чем их добывалось в колониях. Это объясняется тем, что на китайский рынок поступали не только те выдры, которые добывала сама Российско-американская компания, но и те, которые она получала в качестве арендной платы с Компании Гудзонова Залива за устье р. Стахин. Котов морских добывалось 13 448 штук, вывозилось в Кяхту 7 432 (55 %), рысей добывалось 476 шкур, вывозилось в Кяхту 282 (59 %), песцов добывалось 2 821 штука, вывозилось 532 (18,8 %), лис добывалось 4 055 штук, вывозилось 1 606 (39,6 %).

То есть в целом добывалось ежегодно 35 732, а вывозилось в Кяхту 24 653 шкуры (69 %). По некоторым видам пушнины кяхтинский рынок был основным местом сбыта. Например, речные бобры и выдры практически полностью сбывались в Кяхте, морских бобров, рысей и морских котов сбывалось около половины от всех добытых.

Для большей наглядности добычу пушнины в колониях и привоз ее для промена в Кяхту можно представить графически. Данные представлены в графиках по видам пушнины. Указаны только основные виды промысловых животных. Сведения о шкурах волков, лап разных животных, хвостов бобровых в графиках не приведены. Волков доставлялось в Кяхту всего по несколько шкур в год, а их лапы полностью сбывались китайцам, численность лап соответствовала численности шкур тех животных (лис, песцов, рысей), от которых они отделялись.

Из графиков видно, что в период с 1842 по 1860 г. динамика добычи пушнины в колониях была различна по разным видам. Количество добытых морских бобров, морских котов и песцов выросло. Особенно внушительным был рост добычи морских котов. Если в начале 1840-х гг. их добывали в среднем по 10 тыс. штук, то в к 1860 г. — до 25 тыс. в год, рост в 2,5 раза. Количество добычи морских бобров и песцов выросло незначительно. Добыча речных бобров, выдр, рысей и лис в колониях в это время сократилась. Особенно резко сократилась добыча выдр. К 1860 г. их вообще перестали добывать в Русской Америке. Что же касается вывоза пушнины в Кяхту, то он сократился по всем видам животных. Причем падение вывоза произошло в разы. Только количество шкур морских котов и песцов, вывозимых в Кяхту за указанный период времени, оставалось относительно стабильным, хотя и оно сократилось.

Первоначально все привезенные шкуры животных выменивались полностью, без остатка. Однако уже со второй половины 1840-х гг. компания не могла сбыть весь привезенный в Кяхту товар. Так, из числа привезенных в 1846 г. в 1847 г. остались непроменянными 92 морских бобра, 8 кошкоков и 2 тыс. морских котов. Всего в 1847 г. было привезено 34 212 шкур различных животных, осталось непроменянными 2 100 шкур (6 %). В следующем 1848 году ситуация еще ухудшилась. Остались не променяны практически все виды пушнины. Причем по некоторым видам пушнины не удалось реализовать практически половину, а то и более имеющихся запасов. Так, из привезенных 10 тыс. шкур речных бобров более 5 тыс. променяно не было. Что же касается морских котов, то не удалось променять все шкуры, завезенные в предыдущем году. Всего в 1848 г. было завезено 25 344 шкуры, остались непроменянными 15 803 шкуры (62 %). В 1849 г. ситуация не улучшилась. Спросом у китайцев не пользовались морские и речные бобры, выдры. Удалось променять только незначительное количество речных бобров, песцов и рысей. В то же время скопилось 454 шкуры морских бобра, что было даже больше завезенного количества в том же году. Всего в этом году было завезено 15 826 шкур, не променяно осталось 10 392 (65 %).

В 1850 г. в Кяхте скопилось 654 морских бобра (большая часть — это остатки от прошлых лет, завезено было только 200 штук), 12 451 шкура речных бобров, 5 тыс. шкур морских котов, 8 901 шкура выдр, 304 шкуры песцов, 332 шкуры рысей, кроме того, 1 254 хвоста и 7 307 пар лап. Расторжка в

этом году была более успешной. Удалось продать почти всех морских бобров (осталось только 93 шкуры), 4 186 речных бобров (осталось 8 265 шкур), 3 300 морских котов (осталось 1 700 шкур), 6 562 выдры (осталось 2 339 шкур), 330 рысей (осталось 2 шкуры) и всех песцов, все лапы и хвосты [9]. В 1851 г. промен тоже проходил лучше, чем в предыдущие годы. Удалось променять почти всех морских бобров (осталось только 86 штук), значительную часть речных бобров (порядка двух третей), больше половины морских котов, почти всех рысей, выдр и песцов. В 1852 г. весь промысел, завезенный в Кяхту, и остатки от прошлых лет удалось реализовать полностью.

КРИЗИС КЯХТИНСКОЙ ТОРГОВЛИ 1853 ГОДА

Казалось бы, ситуация нормализовалась, но, как показало время, это был только временный успех торговли в Кяхте. В 1853 г. торговля пушниной практически прекратилась. Причиной тому послужили внутренние беспорядки в Китае. В 1851 г. в Китае вспыхнуло восстание тайпинов. Вскоре волнениями был охвачен практически весь Китай. Весной 1853 г. тайпины взяли г. Нанкин и провозгласили его столицей своего государства. Тайпинское восстание нанесло большой урон кяхтинской торговле. Дело в том, что чай в Кяхту доставлялся из Южного Китая. В результате восстания перевозки чая практически прекратились, тайпины конфисковали все караваны с чаем, направлявшиеся в Кяхту. В 1853 г. торговля в Кяхте замерла [10]. Российские и китайские купцы несли большие убытки. Российско-американская компания в этом году не смогла променять ни одной шкуры животных.

После того как стало ясно, что обмена в Кяхте производиться не будет, руководство компании приняло решение весь назначенный для обмена товар отправить на границу с Западным Китаем в провинцию Синьцзян. Как известно, торговля на среднеазиатских границах России велась с начала XIX в., но она носила полулегальный характер. Китайские власти разрешали торговать своим купцам только с казахами, поэтому русские купцы вели торговлю через посредников. В 1851 г. был заключен Кульджинский торговый договор. Согласно ему официально разрешалась торговля между российскими и китайскими подданными в двух приграничных китайских городах — Кульдже и Чугучаке. Торговля объявлялась меновой, использование денег запре-

щалось. Пошлины за торговлю не взимались, цены на товар устанавливались путем обоюдного сговора между торгующими сторонами [11].

Караван с пушиной компании был отправлен из Кяхты 23 июля 1853 г. и, проследовав через Иркутск, Томск, Барнаул и Семипалатинск, 1 сентября того же года прибыл в Чугучак. Перевозкой груза руководил помощник правителя Иркутской конторы РАК Титов. Синьцзянские купцы не были знакомы с пушными товарами компании, поэтому они очень осторожно отнеслись к приобретению мехов. Удалось выменять на чай только часть привезенного в Чугучак товара. Правда, Титову удалось договориться, чтобы китайские купцы определили на будущее, сколько им нужно пушнины и каких сортов. Тогда компания будет знать, сколько нужно привозить мягкой рухляди в Синьцзян.

К внутренним беспорядкам в Китае добавилась другая серьезная проблема — Крымская война. Она тоже отрицательно повлияла на кяхтинскую торговлю Российско-американской компании. В условиях войны морские перевозки компании были очень ограничены. Существовала реальная опасность потери кораблей от действий англо-французского флота, появившегося в Тихом океане. Российско-американская компания вынуждена была перевозить грузы на зафрахтованных кораблях, что удорожало их стоимость. Внутренние беспорядки в Китае стали причиной плохого обмена пушнины на чай, и в следующем 1854 году компании удалось променять только 27 шкур морских боров, 51 шкуру морских котов и чуть более 2 тыс. лап различных животных [12].

Между тем вопрос о прекращении кяхтинской торговли привлек внимание высшего российского правительства. В ноябре 1853 г. был создан специальный комитет, которому было поручено изучить кяхтинскую торговлю и выработать меры к ее развитию. Правительственный комитет пришел к выводу, что для восстановления торговли необходимо разрешить хождение в Кяхте звонкой монеты и серебряных изделий. Спрос на серебро в Китае возрос после поражения в опиумной войне, по результатам которой Китай должен был заплатить огромную контрибуцию Англии и Франции. Местные сибирские власти в лице генерал-губернатора Н.Н. Муравьева-Амурского и кяхтинского градоначальника Ребиндера также выступали за либерализацию торговли и использование звонкой монеты.

В результате длительного обсуждения вопроса в Сибирском комитете было принято решение о подчинении

кяхтинской торговли общим правилам. 1 августа 1855 г. император подписал указ, разрешающий использование денег, серебряных и золотых изделий в торговле с Китаем. Правда, были наложены ограничения. Оплата китайских товаров деньгами не должна была превышать одной трети от стоимости российских мануфактурных изделий и половины — от стоимости пушнины. Цены на все товары были объявлены свободными, они формировались лишь продавцами и покупателями. К торговле были допущены купцы 2-й гильдии [13].

Российско-американская компания воспользовалась решением продавать серебро и монеты всего лишь один раз. Сразу же после опубликования указа от 1 августа 1855 г. РАК доставила в Кяхту 15 пудов 16 фунтов и 19,5 золотника серебра в различных изделиях. Наравне с пушниной серебро было променяно на чай. Всего на пушнину и серебро было выменено в том году 1 157 ящиков чая [14]. В дальнейшем компания больше ни разу не воспользовалась правом на продажу серебра, монет и золота, так как этот товар ей нужно было прежде где-то закупить. Гораздо проще было по старинке променивать пушнину.

После кризиса 1853 г. и введения в действие новых правил торговли ситуация немного улучшилась. Добыча основных видов пушнины практически не изменилась, а по некоторым видам даже возросла, но сбыт в Кяхте уже не смог подняться на прежний уровень. В период с 1853 по 1860 г. морских бобров в среднем добывалось 1 434 штуки в год, а в Кяхту вывозилось только 202 (14 %), речных бобров добывалось 7 553 штуки, а вывозилось — 3 517 (46,5 %), выдр добывалось 1 222 штуки, а в Кяхту поступало 950 (77,7 %), морских котов добывалось очень много — 23 994 штуки, а в Кяхту доставляли только 3 462 (14,4 %), рысей добывалось 126, поступало 90 (71,4 %), песцов добывалось 3 003, сбывалось — 369 (12,2 %), лис добывалось 3 615, а сбывалось 224 (6,2 %).

В целом ежегодно добывалось 40 947 шкур различных животных, а в Кяхту поступало для промена только 8 814 шкур, или 21,5 %. Таким образом, в период кризиса и в послекризисные годы сбыт пушнины в Кяхте компания сократила более чем в три раза, с 69 % от всех шкур до 21,5%. Данные по промену пушнины представлены в табл. 2.

**Пушная торговля Российско-американской
компаний в Кяхте в 1840–1863 гг.**

Год	Реализация	Бобры мор-ские	Хвосты бобров	Бобры речные	Коты мор-ские	Лисы разные	Песцы белые	Рыси	Волки	Выдры	Лопы раз-ные	Всего мехов
1840	Привезено и промняно	511	1 035	10 617	9 959	3 906	752	443	21	1 682	7 495	27 891
1841	Привезено и промняно	700	1 183	8 993	9 000	3 513	606	149	0	1 798	8 712	24 759
1842	Привезено и промняно	468	891	8 160	10 000	3 370	609	755	52	7 652	7 470	31 066
1844	Привезено и промняно	1028	1 514	8 368	8 179	3 885	815	653	11	7 893	9 181	30 832
1845	Привезено и промняно	756	1 203	5 802	8 202	2 200	1 409	146	4	7 041	8 355	25 560
1846	Привезено и промняно	600	1 444	5 836	9 417	1 949	436	39	1	6 713	5 059	24 991
	Привезено	600	1 042	8 680	14 084	2 735	426	100	0	7 587	6 781	34 212
1847	Промняно	500	841	8 680	12 084	2 735	426	100	0	7 587	6 781	32 112
	Осталось	100	201	0	2 000	0	0	0	0	0	0	2 100
		500	1 441		7 497							25 344
1848	Привезено	100	201	10 566	2 000	1 927	944	187	1	3 722	4 373	2 100
	Промняно	400	1 369	5 214	1 597	1 262	780	150	1	2 237	3 677	11 641
	Осталось	200	273	5 352	7 900	665	164	37	0	1 485	696	15 803
		353	1 508	9 215	0	0	219	258		5 781	6 911	15 826
	Привезено	+	+	+	+	+	+	+	0	+	+	+
1849		200	273	5 352	7 900	665	164	37		1 485	696	15 803
	Промняно	99	1 781	7 460	7 900	665	383	295	0	4 431	7 607	21 233
	Осталось	454	0	7 107	0	0	0	0	0	2 831	0	10 392

1850	Привезено	200 + 454	1254	5 344 + 7 107	5 000	0	304	332	0	6 070 + 2 831	7 306	17 250 +
	Променяно	561	1 254	4 186	3 300	0	304	330	0	6 562	7 306	15 243
1851	Осталось	93	0	8 265	1 700	0	0	2	0	2 339	0	12 399
	Привезено	555 +	924	12 191 +	3 900 +	0	73	188 +	1	1 690 +	3 461	18 598 +
	Осталось	93	924	8 291	1 700	0	73	2	1	2 339	3 461	12 425
1852	Променяно	562	924	14 689	3 550	0	73	187	1	4 015	3 461	23 077
	Осталось	86	0	5 793	2 050	0	0	3	0	14	0	7 946
1853	Привезено	580 +	1 552	14 508 +	8 050 +	0	88	170 +	0	3 607 +	6 353	27 003 +
	Осталось	86	5 793	2 050	2 050	0	88	3	0	14	7 946	7 946
1854	Променяно	666	1 552	20 301	10 100	0	88	173	0	3 621	6 353	34 949
	Осталось	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
1855	Привезено и променяно	27	0	0	51	0	0	0	0	0	2 047	78
	Променяно	54	25	6 321	1 016	130	355	194	2	2 520	10 756	10 592
1856	Променяно	180	766	6 240	1 484	0	1 464	8	2	1 146	9 192	10 524
1857	Променяно	265	3 456	4 000	4 839	0	471	49	0	908	7 320	10 532
1858	Променяно	400	3 748	5 772	7 212	0	485	112	0	915	4 657	14 896
1859	Променяно	200	1 126	3 800	5 000	0	8	0	0	1 087	6 125	10 095
1860	Променяно	489	1 996	2 001	8 093	1 659	189	356	0	1 022	10 791	13 809
1861	Променяно	270	0	5	0	0	0	0	0	0	3 771	275
1862	Променяно		3 105									12 645
1863	Променяно											8 670

Таблица составлена по: Отчеты ГП РАК за 1840–1863. СПб., 1842–1865.

ПРЕДМЕТЫ ВВОЗА: ЧАЙ

Главным предметом промена пушнины в Кяхте был чай. Чайная торговля была очень важна для Российско-американской компании. Получение живых денег (звонкой монеты) было возможно только после того, как выменянный в Кяхте чай удавалось продать на внутреннем российском рынке. Без живых денег невозможно было закупать товары для колоний, выплачивать дивиденды по акциям и вообще совершать какие-либо торговые операции на внутреннем и внешнем рынках.

Чай, привозимый китайцами в Кяхту, делился на два главных вида: *черный* и *зеленый*. Различия между черным и зеленым чаем обусловлены главным образом способом сбора и приготовления чая. Зеленый чай получался в том случае, когда листья высушивали очень короткое время (около 3 час.), а затем прожаривали в чугунных котлах до тех пор, пока из них не выпаривалась вся влага. Черный чай получался после длительной сушки листьев сначала на бамбуковых решетках, а затем в кучах. Только после того как листья темнели в кучах, производились их термическая обработка и выпаривание влаги. В каждой провинции Китая плантаторы применяют свои секреты, отчего количество сортов каждого вида чая исчислялось десятками. Часто к названию чая добавлялись слова *фамильный* или *сансинский*. Сочетание «фамильный чай» обозначало, что он продается какой-то китайской фирмой оптом через своего представителя или через приказчика. Сансинский чай — это тоже фамильный чай (т. е. фирменный), но доставленный в Кяхту перекупщиками-купцами из провинции Сан-си.

Черный чай в России получил название *байховый*. Он, в свою очередь, делился на *цветочный* и *ординарный* (или *торговый*). Цветочный чай отличался тем, что в него добавлялись так называемые цветки — молодые и нежные листья чайного дерева. Часто к названию сорта добавлялось еще название провинции, откуда был доставлен чай, или название китайской фирмы, которая торговала этим чаем. Байховые ординарные (или торговые) чаи считались худшего качества, чем байховые цветочные, стоили они дешевле. Самыми низкими по качеству считались *кирпичные* чаи. Название они получили от формы, его запрессовывали в плитку, похожую на кирпич. Чтобы разломить кирпич чаю, часто приходилось использовать пилу или нож. В кирпичках часто попадались камешки, глина, щепки бамбука и другие примеси.

Все чай, покупаемые в Кяхте, упаковывались особым образом. Одна упаковка чая называлась местом (или цибиком). Места бывали двух видов: *квадратные* и *полуторные*. Квадратное место представляло собой деревянный ящик кубической формы размерами по 10 вершков во все стороны. В него помещалось от 50 до 55 фунтов чистого чая. Вес такого места был более 2 пудов. Полуторное место было тоже изготовлено из дерева и имело длину 12 вершков, ширину 9 вершков, высоту 11,5 вершка. В него помещалось от 80 до 85 фунтов чистого чая. Вес полуторного места был более 3 пудов. Внутри ящики выкладывались мягкой бумагой, бамбуковыми листьями и тростником, или чай закупоривался в свинцовые или оловянные банки. Это предохраняло его от проникновения влаги. Как правило, верхний слой места засыпали лучшим (нарядным) чаем. Внутри места чай был похуже. Цветочные чаи имели дополнительные степени защиты от проникновения влаги. Часто они закупоривались в специальные деревянные ящички, покрытые лаком и украшенные различными рисунками и надписями. Места внутри выкладывались оловянными листьями, спаянными между собой. В каждое место укладывалось от 2 до 48 деревянных ящичков. Из-за более плотной упаковки вес чистого цветочного чая в месте был около 35 фунтов [15].

В 1840-х гг. Российско-американская компания вела довольно успешную чайную торговлю. В 1844–1847 гг. приобретение чая было максимальным, ежегодно выменивалось более 6 тыс. мест. Наиболее успешным был 1844 г., когда было выменено 8 176 мест чая. Меньше всего было выменено в 1849 г. — 3 142 места. О качестве вымениваемых чаев трудно судить. Дело в том, что в отчетах РАК не всегда указывалось, какие именно сорта чая приобретались в Кяхте. Только в отчетах за 1840–1843 гг. имелись подробные сведения о сортах вымененного чая. Из этих отчетов видно, что в 1840 г. было выменено более 4 тыс. мест, из них лучших сортов цветочного чая было около половины (1 950 мест). Самого низкого по качеству чая — кирпичного было приобретено только 100 мест. В 1841 г. соотношение цветочного чая и других сортов было примерно таким же. В 1843 г. из 6 654 мест чая лучшие цветочные сорта составляли 4 500 мест, т. е. около 68 % всех мест. Кирпичного чая вообще компания в этот год не приобретала [16]. В последующих отчетах компания указывала только два сорта чая: цветочные третьего сорта и ординарные. Данные промена чая представлены в табл. 3.

Таблица 3

Год	Цветочные чай 3-го сорта (мест)	Ординарные чай (мест)	Кирпичный чай (мест)	Всего чая (мест)
1844	5 589	2 584		8 173
1845	3 900	2 250		6 150
1846	3 950	2 503		6 453
1847	3 450	2 290		5 740
1848	1 820	2 465		4 285
1849	1 176	1 756	210	3 142
В среднем в год	3 314	2 308		5 657

Таблица составлена по: Отчеты ГП РАК за 1844–1849 гг. СПб., 1845–1850.

Таким образом, Российско-американская компания выменивала преимущественно цветочные чай третьего сорта. Они составляли около 68 % всех чаев. При этом кирпичный чай компания практически не приобретала. Известно, что она выменяла 100 мест кирпичного чая в 1843 г. и 210 мест в 1849 г. Российско-американская компания занималась приобретением достаточно дорогих сортов чая. В отчетах за 1850-е гг. не указаны сорта чая, но можно предположить, что у компании не было резона переориентировать свою стратегию. Скорее всего, она продолжала приобретать достаточно дорогие цветочные сорта чая.

В конце 1840-х гг. наметились кризисные явления в кяхтинской чайной торговле. Во-первых, это снижение количества приобретаемых мест чая. Если в 1847 г. было получено 5 740 мест, то в 1849 г. — только 3 142 места. Во-вторых, компания вынуждена была приобретать вместо привычных дорогих цветочных сортов дешевые ординарные сорта чая. В 1848 г. ординарных чаев было приобретено на 645 мест больше, чем дорогих цветочных сортов. В-третьих, возникли сложности с реализацией приобретенного в Кяхте чая. В отчете за 1849 г. впервые указано, что не удалось продать 1 256 мест чая, что составляло почти треть всего приобретенного в Кяхте чая.

Первоначально кризисные явления конца 1840-х гг. не повлекли за собой серьезных изменений в кяхтинской торговле Российско-американской компании. В 1850–1852 гг. ситуация с приобретением чая нормализовалась. В течение трех лет удавалось закупать ежегодно около 4 тыс. мест, причем весь выменянный чай сбывался в России на внутреннем рынке.

В 1840-х гг. главными местами сбыта кяхтинского чая были Нижегородская ярмарка и Москва. Очень небольшое количество чая Российско-американская компания перевозила в колонии и в Аянский порт. Например, в 1844 г. в колонии было направлено всего 12 ящиков. В 1850 г. в Русскую Америку было направлено уже 489 мест чая. Однако собственное колониальное потребление чая все равно было очень мало по сравнению с тем количеством, которое продавалось на внутреннем российском рынке. Подробные сведения о сбыте чая имеются в отчетах за 1840–1841 и 1843 гг. Из них видно, что Российско-американская компания продавала в Москве ежегодно около 1 тыс. мест чая, что составляло порядка 20–25 % всего поступившего в продажу кяхтинского чая. Большую часть, 3–4 тыс. мест, компания продавала на Нижегородской ярмарке. Около половины проданного чая оплачивалось живыми деньгами, а остальное — векселями на срок до 18 месяцев. Стоимость одного места чая в 1840 г., как в Москве, так и в Нижнем Новгороде, была очень высокой и равнялась 180 р. за место. В 1841 и 1843 гг. место чая стоило только 150–155 р. [17].

БОРЬБА КУПЕЧЕСТВА ЗА ЛИБЕРАЛИЗАЦИЮ ТОРГОВЛИ И РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКАЯ КОМПАНИЯ

В 1853 г. промен чая на пушнину прекратился. О причинах кризиса сказано выше. Меры правительства по поддержке кяхтинской торговли оказали определенное воздействие. С 1855 г. торговля чаем стабилизировалась. Правда, Российско-американская компания уже не смогла выйти на прежние показатели. Приобретение чая в послекризисные годы, хотя оно и было стабильным, в 2–3 раза уступало по количеству по сравнению с 1840-ми гг. В период с 1855 по 1863 г. компания ежегодно выменивала в среднем около 1,5 тыс. мест чая. Правда, 1861 г. был очень неудачным, удалось приобрести только 85 ящиков чая. В 1860 г. был произведен максимальный обмен, он составил 2 425 мест чая. В указанный период времени появилась еще одна важная тенденция. Приобретенный в Кяхте чай не всегда удавалось продать по выгодным для компании ценам. С 1857 до 1863 г. ежегодный непроданный остаток чая составлял около 970 мест. То есть более 60 % выменянных в Кяхте мест чая компания не могла продать. В диаграмме представлено соотношение выменянных в Кяхте мест чая и непроданного остатка за каждый год.

Непроданный чай поступал на продажу в следующий год, при этом его качество и цена снижались. Таким образом, с конца 1850-х гг. компания стала испытывать большие сложности в чайной торговле в Кяхте. Приобретение чая сократилось в три раза — до 1,5 тыс. мест, при этом значительная его часть не находила сбыта на внутреннем российском рынке.

Подобные сложности в торговле испытывали и другие купцы, торговавшие в Кяхте. По мнению купечества, для устранения всех затруднений необходимо было проводить политику дальнейшей либерализации торговли и освобождения ее от слишком плотной опеки таможни. В апреле 1857 г. торгующие в Кяхте купцы подали докладную записку со своими предложениями на имя генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева. Купцы просили отменить некоторые таможенные процедуры, сковывающие свободу торговли: повторные досмотры грузов, использование гербовой бумаги для переписки, составление многочисленных дублирующих друг друга реестров товаров, неоднократную декларацию ценности приобретенных чаев. Кроме того, купцы просили разрешить им торговать съестными припасами, скотом и мясом, фруктами и овощами с китайцами. Прошение было подписано наиболее состоятельными купцами и приказчиками (комиссионерами) различных фирм и купцов: Д. Старцевым, М. и К. Кандинскими, Н. Сидневым, И. Носковым, В. Дмитриевым, О. Стрижевым, С. Деревянновым, В. Басмановым, Н. Игумновым, А. Кузнецовым, Г. Киселевым, Д. Синицыным, М. Макарьиним, И. Окуловым, Н. Ширяевым, В. Сабашниковым, С. Скорняковым, Я. Немчиновым, А. Лушниковым, В. Волокитиным. Правитель конторы РАК М. Сабашников тоже поддержал прошение [18].

Генерал-губернатор распорядился создать специальный комитет для рассмотрения прошения купцов. Комитет возглавил кяхтинский градоначальник Василий Матвеевич Федорович. В его состав были приглашены комиссар по пограничным делам Александр Иванович Деспот-Зенович, представитель таможи надворный советник Спицын, прокурор градоначальства Грибовский и три купца — Яков Немчинов, Василий Сабашников и Иван Носков. Правитель конторы РАК в комитет не вошел. Комитет открыл заседания в июне 1857 г., в ноябре он закончил рассмотрение 26 вопросов, поступивших на имя его председателя.

Кроме указанных мер по либерализации торговли, купцы дополнительно подали в комитет еще одно прошение. Они ходатайствовали о разрешении оставлять любые товары в залог; переводить пошлину без поручителей; разрешить отсрочку взноса пошлин без векселей сроком до 8 месяцев; отменить пошлины на все китайские товары (кроме чая); отменить ограничения на использование звонкой монеты и драгоценных металлов и и т. д. [19]. Большинство предложений купечества комитет рекомендовал утвердить и просить у высшего начальства издать соответствующие распоряжения [20]. Заметим, что правитель конторы РАК Михаил Сабашников, как и все остальные купцы, выступал за либерализацию кяхтинской торговли.

Пользуясь благожелательностью властей, кяхтинские купцы стали действовать еще смелее и активнее. В ноябре 1857 г. они составили специальный документ, в котором подвергли жесткой критике деятельность Кяхтинской таможи. Купцы писали, что таможня нарушает высочайше утвержденное Положение Сибирского комитета о разрешении использования денег при торговле с Китаем. Таможня пытается ввести ограничения на сделки с использованием денег и вообще ограничивает употребление звонкой монеты даже в том объеме, который разрешен правительством. В результате действий таможи купцам пришлось ограничить покупку чая за деньги, а 6 ноября 1857 г. торговля с китайцами вообще была прекращена [21].

Требования купечества поддержал градоначальник В.М. Федорович. Направляя на имя генерал-губернатора Н.Н. Муравьева рапорт, он отметил, что «кахтинская таможня после трехлетнего применения закона, разрешающего вывоз в Китай металлов и монеты, придумала и привела без моего ведома в исполнение новое толкование закона, по которому количество вывозимой монеты должно быть значительно

уменьшено. Такое распоряжение произвело ужас между купечеством и прекратило торговлю и расчеты с китайцами». По мнению Федоровича, пересмотр ранее действовавших правил произошел по инициативе нового директора таможни Петра Даниловича Месса, который «никогда не был начальником и желает высказать власть свою неуместно» [22]. Известно, что между В.М. Федоровичем и П.Д. Мессом сложились личные неприязненные отношения. Причем Федорович не упускал случая донести на Месса высшему начальству [23].

В дальнейшем купцы подали еще несколько жалоб на Кяхтинскую таможню. Везде они подчеркивали, что ее действия ограничивают торговлю и способствуют тому, что китайцы предпочитают продавать чай англичанам на юге страны и неохотно везут его в Кяхту. В конце концов купцы потребовали вообще отменить ограничения на использование денег при расчете с китайцами, а также разрешить использовать кредит при сделках с ними. Генерал-губернатор Н.Н. Муравьев распорядился рассмотреть эти требования в комитете под председательством кяхтинского градоначальника [24].

Очередной комитет под председательством В.М. Федоровича был создан в феврале 1858 г. Состав его был прежний: А.И. Деспот-Зенович, Спицын, Грибовский, И. Носков, В. Сабашников, Я. Немчинов. Торгующее в Кяхте купечество под руководством старшин И. Носкова, Окулова и Деревяннова подготовило обширную записку с требованиями по дальнейшей либерализации кяхтинской торговли. Купцы просили освободить торговлю от опеки таможни, дать возможность торговле развиваться «без всякой искусственной обстановки, предоставив течение оной естественному ходу». Кроме того, купечество ходатайствовало об учреждении в Кяхте торговой биржи, как это было принято во многих торговых городах страны. «С учреждение сего проекта, — писали купцы, — всякая зависимость старшин купечества и самой торговли от кяхтинской таможни устранится». В указанной записке купцы повторили свои ранние просьбы об отмене ограничений на использование звонкой монеты и изделий из драгоценных металлов, а также продолжали настаивать на разрешении кредита и залога при торговле с китайцами. Кроме старшин документ подписали 23 купца и комиссионера: Ксенофонт Кандинский, Алексей Лушников, Яков Немчинов, Василий Сабашников, Евлампий Котовщиков, А. Белозеров, Василий Смирнов, Гаврила Киселев, Василий Дмитриев, Федор Климин, Владимир Волокитин, Павел Шешуков, Николай Игумнов, Михаил Немчинов, Михаил Осокин, Александр

Игумнов, Александр Байбородов, Михаил Шахов, Николай Сиднев, Осип Стрижев, Савватий Скорняков, Александр Кузнецов и Павел Москалев [25].

Любопытно отметить, что правитель конторы РАК Михаил Сабашников не подписал указанное прошение. Как известно, ранее он всегда поддерживал ходатайства купечества, направленные на либерализацию торговли. Теперь же его подписи под документом не оказалось. Вероятно, он и руководство компании стали понимать, что либерализация торговли может иметь не только положительные, но и отрицательные последствия. Российско-американской компании нужно было сбывать пушнину. Простой обмен здесь как раз являлся выгодным способом сбыта товара. Использование денег при торговле в Кяхте лишало возможность РАК обменивать там пушнину. Как ни странно, но акционерная (по сути, передовая компания) могла столкнуться с трудностями после либерализации кяхтинской торговли, введения в оборот денег и кредита.

Кяхтинский комитет, рассмотрев данный акт купечества, а также другие документы, полностью поддержал требования о либерализации торговли. В журнале заседаний комитета была сказано, что законом 1 августа 1855 г. были сняты некоторые ограничения на торговлю, теперь настала необходимость ликвидировать все оставшиеся ограничения, так как «от свободы торговли, предоставленной естественному ходу и не стесненными никакими ограничениями, зависит успех коммерческий, с которым неразрывно связаны и государственные пользы и политические интересы». Комитет ходатайствовал перед правительством о снятии всех ограничений на кяхтинскую торговлю [26].

Дальнейший ход событий достаточно подробно описан в литературе. Министерство финансов занялось изучением кяхтинской торговли. В 1861 г. было принято решение о переводе Кяхтинской таможни в Иркутск. В том же году был утвержден новый таможенный тариф. Все ограничения на вывоз монеты и изделий из драгоценных металлов были сняты. Пошлины были значительно сокращены. С фунта цветочного чая пошлина составила 40 к., с фунта черного чая — 15 к., с фунта кирпичного чая — 2 к. Этим же тарифом была установлена пошлина с чая, привозимого морем в европейские порты России. Она была выше сухопутной: с цветочного чая — 65 к. с фунта, с черного чая — 30–35 к., с кирпичного — 5 к. Наконец, в феврале 1862 г. в Пекине были подписаны «Правила сухопутной торговли между Россией и Ки-

таем». Согласно этим правилам, подданным обоих государств разрешалась беспошлинная торговля вдоль русско-китайской границы на расстоянии 100 ли (около 50 км) от линии границы как на русской, так и на китайской территории. Русским купцам разрешалась беспошлинная торговля на всей территории Монголии. Таким образом, в начале 1860-х гг. многие ограничения на кяхтинскую торговлю были сняты [27].

На заключительном этапе борьбы купцов за либерализацию Российско-американская компания перестала поддерживать предпринимателей. Мы не располагаем какими-то документами самого кяхтинского комиссионерства, где была бы четко обозначена позиция по этому вопросу. Однако можно заметить, что объективные обстоятельства складывались как в пользу, так и в ущерб компании. Полезной была тенденция на понижение пошлин, что удешевляло приобретаемый чай. Выгодным для компании было введение кредита при расчете с китайцами. В то же время использование денег не было на руку компании. Дело в том, что она не располагала денежными средствами, нужными для закупки чая. Кяхта была для компании надежным рынком сбыта пушнины, обменяемого на чай. Продать пушнину за деньги в Китае было практически невозможно. После опиумных войн Китай испытывал острый дефицит в серебре и других драгоценных металлах. Китайские купцы были заинтересованы в получении монеты. По подсчетам М.И. Сладковского, после разрешения использовать деньги при расчете с китайцами во второй половине 1850-х гг. пассивное сальдо в русско-китайской торговле быстро достигало 50 %. То есть Россия вывозила товаров в два раза меньше, чем ввозила [28]. Через Кяхту в Китай пошел поток русского золота и серебра, которым оплачивался китайский чай. Именно поэтому либерализация кяхтинской торговли несла для Российско-американской компании не только положительные, но и отрицательные тенденции. Как показало время, негативных последствий для компании оказалось больше, чем позитивных.

ДОЛЯ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ В КЯХТИНСКОЙ ЧАЙНОЙ ТОРГОВЛЕ

Теперь обратим внимание на то, какое место занимала Российско-американская компания среди других русских торговых домов и купцов в чайной торговле. Известно, что в период с 1840 по 1863 г. в Кяхте торговало ежегодно около

75 купцов и купеческих объединений. При подсчете данных обрабатываемого капитала нужно учитывать одно важное обстоятельство. Дело в том, что обменные операции в Кяхте стали причиной складывания так называемой обменной цены, которая была достаточно условной. Эта цена складывалась из обоюдных договоренностей, заключаемых между собой русскими и китайскими купцами. Соответственно рыночная цена на товар была совершенно другой. Зная обменную и рыночную цену на товар, можно высчитать доходность торговых операций. Это можно сделать путем вычета из рыночной цены обменной цены, а также расходов на транспортировку, укупорку и пошлин на чай. В данных, представленных А. Корсаком, указаны обменные цены (обменный капитал). В отчетах Российско-американской компании таких цен нет, но указаны «цены промыслов, поступивших в мену», т. е. обменные цены на пушнину, продаваемую в Кяхте. Меновой характер торговли обуславливал тождество обменной цены пушных товаров и обменной цены чая. Обменная цена пушнины всегда равнялась обменной цене чая. Таким образом, можно применять данные об обменной цене на пушнину в качестве данных об обменной цене на чай (табл. 4).

Таблица 4

Год	Купцы и купеческие дома		Российско-американская компания	
	Число	Капитал (тыс. р.)	Обменная цена пушнины (чая) (тыс. р.)	Доля РАК (%)
1843	71	4 639	279	6,0
1845	75	6 745	231	3,4
1846	76	6 952	250	3,5
1847	74	6 750	229	3,4
1848	78	5 305	118	2,2
1849	82	5 127	177	3,5
1850	80	6 852	190	2,7
1851	91	6 689	196	2,9
1852	87	7 727	225	2,9
В среднем	79	6 310	210	3,3

Таблица составлена по: Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII — первой половине XIX вв. Барнаул, 1998. С. 190; Отчеты ГП РАК за 1840–1853 гг. СПб., 1842–1854. Данные приведены в серебряных рублях.

Таким образом, доля Российско-американской компании в кяхтинском торговом обороте в 1840–1853 гг. составляла в среднем 3,3 % всего торгового оборота. Если сравнивать РАК с другими купеческими торговыми домами и индивидуальными предпринимателями, то можно заметить, что она не занимала среди них ведущие позиции. По сведениям А. Корсака, из 57 купеческих торговых домов, торговавших в Кяхте в 1854 г., 8 фирм (7 московских и 1 пермская) имели оборот от 300 до 350 тыс. р. каждая; 4 фирмы — от 200 до 300 тыс. р.; 42 фирмы — от 100 до 200 тыс. р. и 3 фирмы — от 50 до 100 тыс. р. [29]. Таким образом, Российско-американская компания с оборотом в 200 тыс. р. была лишь одной из крупных, но не ведущих фирм в кяхтинской торговле.

Данный вывод подтверждается сведениями известного сибирского историка В.Н. Разгона. Проанализировав участие сибирских купцов в кяхтинской торговле в 1840-х — начале 1850-х гг., он пришел к выводу, что было 2–3 крупных участника кяхтинского торгового оборота из числа сибирских купцов. Оборот их достигал 0,5 млн р. в год. К ним относились такие предприниматели, как И. Хаминов, С. Сабашников, И. Носков, Я. Немчинов. Большую часть участников кяхтинской торговли составляли купцы с оборотом в 90 тыс. р. [30].

В то же время необходимо отметить одну важную особенность, которая заключается в том, что со временем позиции Российско-американской компании в кяхтинской торговле начинают ухудшаться. Если в 1843–1844 гг. компания проводила торговлю в размере 6 % всего кяхтинского денежного оборота, то в 1850–1852 гг. ее доля сократилась в 2–3 раза. Обороты компании в эти годы составляли лишь 2–3 % всего кяхтинского торгового оборота. При этом общий капитал, обращавшийся в Кяхте в эти же годы, практически не изменился, он составлял около 6 млн р. Таким образом, в начале 1850-х гг. Российско-американская компания сдала свои позиции.

ПОШЛИНЫ НА ЧАЙ

Длительное время, с 1800 по 1841 г., действовал таможенный тариф на чай, согласно которому большим сбором облагались дорогие сорта чая. По этому тарифу с лучших сортов зеленого чая взималась пошлина в размере 10 р. с пуда, с простого зеленого чая — 5 р., с черного — 7 р. с кирпично-

го — 1 р. с пуда. В 1812 г. был введен дополнительный сбор с чая: с зеленого лучшего — 1,8 р. с фунта ассигнациями, с зеленого простого — 1,2 р. с фунта, с черного — 1,5 р. с фунта, с кирпичного — 1,15 р. с фунта. Дополнительный сбор потребовался по причине военных действий, которые вела Россия в начале XIX в. В целом он утроил таможенный сбор по тарифу 1800 г. Несмотря на то что Россия вышла победителем из наполеоновской войны, континентальная блокада была отменена, пошлины на чай по дополнительному сбору 1812 г. не были отменены. В 1819 г. был принят новый таможенный тариф, по которому пошлины на большинство товаров были снижены, на чай же пошлина была оставлена высокой [31].

По тарифу 28 ноября 1841 г., введенному в действие с 1 ноября 1842 г., таможенная пошлина на чай практически не изменилась, она просто была округлена и переведена на пофунтовое исчисление. Чай был обложен пошлиной следующим образом: зеленый лучший — 75 к. серебром с фунта, зеленый простой — 47 к., черный — 60 к., кирпичный — 10 к. с фунта. В 1845 г. пошлины были изменены. С черного чая вместо 60 к. стали брать только 40 к. с фунта серебром, а с зеленых сортов лучшего чая — 80 к. В 1849 г. пошлина с этих сортов была вновь уменьшена до 70 к. с фунта. Таможенная политика России способствовала тому, что купцы стали закупать больше черных чаев, приобретение зеленых чаев лучшего сорта уменьшилось. Чайные пошлины были очень высокие. Обменная цена зеленого чая за фунт равнялась 1 р. серебром. Торговый (ординарный) черный чай обходился при промене на товар в 50 к. серебром за фунт. Таким образом, пошлина составляла от 60 до 120 % объявленной цены чая. В среднем пошлина составляла около 80 % цены чая [32].

Имеются официальные данные о сборе пошлин за чай в Кяхте, опубликованные А. Корсаком. В отчетах РАК также имеются сведения об ежегодном уплате пошлин за чай. По ним можно определить долю компании в общем таможенном сборе. Данные приведены в табл. 5.

Таблица 5

Год	Пошлины в Кяхте	Пошлины РАК в Кяхте	Проценты РАК по пошлинам
1845	5 087 854	246 757	4,8
1846	5 485 727	272 303	4,9
1847	5 317 293	250 994	4,7
1848	5 541 326	162 764	2,9

1849	3 865 132	138 945	3,6
1850	4 311 314	121 569	2,8
1852	4 883 547	224 989	4,0
1854	2 891 282	118 692	4,1
1855	3 287 790	163 649	4,9
1856	4 410 154	231 793	5,2
1857	5 560 526	58 946	1,0
Среднее	4 603 813	181 036	3,9

Таблица составлена по: Корсак А. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань, 1857. С. 296; Доклад штаб-офицера корпуса жандармов по Иркутской губернии о кяхтинской торговле, 1858 г. // ГАИО. Ф. 24. Оп. ОЦ. Д. 576. Л. 194–196; Общее обозрение кяхтинской торговли за 1851 год // НАРБ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1. Л. 55; Отчеты ГП РАК за 1845–1857 гг.

Таким образом, Российско-американская компания платила 3,9 % всех собираемых с чая пошлин в Кяхте. Это подтверждает место компании среди других торговых фирм как достаточно высокое, но не лидирующее. Разница между долей обменных цен РАК (3,3 %) и уплатой пошлин (3,9 %) очень небольшая, всего несколько десятых долей процента.

Дифференцированные таможенные пошлины на каждый из сортов чая, большое количество сортов и видов чая, а также конкурентная борьба между купцами и разногласия предпринимателей с таможней провоцировали возникновение различных спорных ситуаций по сбору пошлин. Чаще всего купцы пытались выдать какой-нибудь сорт чая за менее дорогой и заплатить за него низкую пошлину. На внутреннем российском рынке этот сорт потом старались продать по более высокой цене и тем самым получить дополнительную прибыль. Это была типичная для коммерции и торговли тех времен ситуация. Любопытно, что Российско-американская компания не являлась исключением и наравне с компаниями других частных предпринимателей тоже прибегала к таким хитростям.

В ноябре 1857 г. Кяхтинская таможня донесла кяхтинскому градоначальнику, что тарский 1-й гильдии купец Яков Немчинов через свое доверенное лицо Александра Дунаева предъявил таможне чай сорта «тян-дзи» в количестве 10 760 фунтов. Этот сорт чая он объявил кирпичным, соответственно с него была взята пошлина 6 к. серебром с фунта. Но прежде чем чай был выпущен из таможни, его осмотрел градоначальник, заметивший, что несколькими годами ранее этот сорт чая оценивался как торговый и с него взималась пошлина в

40 к. с фунта. Кяхтинская таможня действительно нашла в своем архиве дело, в котором содержалось распоряжение Департамента внешней торговли от 1851 г. о взимании пошлин с чая сорта «тян-дзи» и «кон-дзи» в размере 40 к. с фунта. Таможня потребовала от А. Дунаева выплатить дополнительно 3 658 р. 40 к. Дунаев категорически отказался это делать, ссылаясь на своего хозяина купца Я. Немчинова. Вскоре в таможню явился сам Немчинов и тоже отказался платить пошлину, заявив, что другие купцы оплачивали этот сорт чая по низкой цене.

Кяхтинская таможня изучила все документы за прошлые годы и обнаружила, что данные сорта чая закупали многие купцы. Таможенная пошлина к ним применялась как к кирпичному чаю и составляла 6 к. серебром за фунт. Пересчитав все пошлины заново, таможня объявила, что все купцы должны доплатить таможенные сборы. Среди должников были селенгинские предприниматели: купчиха Аграфена Сабашникова (долг 1 002 р. 66 к.), купец Дмитрий Старцев (долг 1 705 р. 44 к.) и несколько других купцов с небольшим долгом от нескольких десятков до нескольких сотен рублей. Кроме того, выяснилось, что Российско-американская компания в 1852 г. закупила чай сорта «кон-дзи» и недоплатила пошлин на 1 142 р. 40 к. Всего за 1852, 1856–1857 гг. таможня недобрала пошлин на 5 360 р. с копейками [33].

Исправляющий должность кяхтинского градоначальника В. Федорович тут же донес об этом в Департамент внешней торговли Министерства внутренних дел. Вскоре группа купцов и приказчиков в составе Я. Немчинова, И. Носкова, В. Сабашникова, Д. Синицына и Н. Соколова составила жалобу, в которой объяснила свои действия тем, что сорта «тян-дзи» и «кон-дзи» низкие по качеству, и поэтому они не согласны с постановлением таможни о взимании с них пошлины как за чай торгового сорта [34]. Представитель Российско-американской компании не подписал данное ходатайство, видимо, пытаясь выждать и выяснить, чем закончится дело.

Для улаживания спорной ситуации решено было привлечь старшин из числа купцов, торгующих в Кяхте. По распоряжению градоначальника им было предложено изучить сорта чая и определить, к какому виду (торговому или кирпичному) нужно отнести сорта «кон-дзи» и «тян-дзи». Старшинам были предложены сорта «тян-дзи», «луган» и пекинский кирпичный, сорта «кон-дзи» предоставлено не было. Оказалось, что чай сорта «луган» имеет «отвратительный запах», пекинский кирпичный чай «имеет запах лучше лугана, но

вкусом гораздо хуже». Чай сорта «тян-дзи» не подходит к кирпичному чаю, так как «находится в рассыпном виде, а не в склеенном, как луган и пекинский чай», кроме того, он «не содержит в себе нечистот, находимых постоянно в кирпичном чае... он имеет не противный вкус и запах, подходящий ближе к байховым чаям низкого разбора, нежели к кирпичным». «По заварке чая «тян-дзи» в фарфоровом чайнике кипящую водой, сей чай получил цвет чистый, красноватый, подобный байховому чаю, но без аромата, обоняемого в черном торговом чае». Старшины проделали даже эксперимент, они смешали сорт «тян-дзи» с некоторыми сортами черного торгового чая и выяснили, что данная смесь «положительно составляет вкус и цвет чая байхового». Заключение старшин было таково: «тян-дзи» не является сортом ни кирпичного, ни торгового чаев; поэтому они ходатайствовали о введении для него отдельной пошлины в размере 20 к. с фунта. Кяхтинская таможня поддержала выводы старшин и предложила утвердить новую пошлину специально для «тян-дзи» в размере от 15 до 20 к. за фунт [35].

Пока вопрос о пошлинах с сортов «тян-дзи» и «кон-дзи» не был окончательно решен, Кяхтинская таможня предприняла попытки собрать долги с купцов. Всем купцам были направлены соответствующие уведомления. Правитель конторы РАК тоже получил такое предписание в конце 1857 г. Однако никто не торопился выплачивать долги. В результате таможня решила дожидаться окончания рассмотрения вопроса в Санкт-Петербурге. При этом и. д. директора таможни П.Д. Месс продолжал настаивать на том, что указанные сорта чая нельзя относить к кирпичным, с них необходимо взимать пошлину как с торговых чаев. Настойчивость чиновника понятна, он пытался собрать как можно больше пошлин, тем более что в деле появился новый аргумент. Директор таможни Месс заметил, что Российско-американская компания объявляла променную цену чая «кон-дзи» в 35 ½ к. за фунт. А променная цена «тян-дзи», объявленная Я.А. Немчиновым, была еще выше — 45 к. за фунт. В то же время и контора РАК, и Немчинов объявляли таможне, что ценность выменянных ими чаев составляет от 18 до 23 к. за фунт. То есть контора компании и купец скрывали истинную цену сортов «кон-дзи» и «тян-дзи» [36].

Из составленных в таможне сводных данных видно, что Российско-американская компания в марте 1852 г. выменяла 40 мест чая сорта «кон-дзи» (3 360 фунтов) по объявленной цене 1 200 р. Этот же сорт чая выменивала в 1856 г. купчи-

ха Сабашникова. Остальные купцы выменивали сорт «тян-дзи».

Исправляющий должность кяхтинского градоначальника В.М. Федорович с самого начала конфликта занял странную позицию. Он объявил, что сорта «тян-дзи» и «кон-дзи» являются совершенно разными и их нельзя отождествлять. В январе 1858 г. он отправил подробное донесение в Департамент внешней торговли, в котором признал действия Кяхтинской таможни слишком мягкими и даже нарушающими закон. Федорович заявил, что необходимо признать пошлину за чай сорта «тян-дзи» в 40 к. и взыскать все долги с купцов. Кяхтинской таможне нужно сделать выговор за упущения по сбору пошлин. Что же касается сорта «кон-дзи», то Федорович заявил, что поскольку образцов этого чая сейчас нет, а из документов видно, что он «показан плохим и подходящим к кирпичному, каковым признан старшинами и таможней», сбор с него пошлины в размере 6 к. с фунта необходимо признать правильным и «дальнейшую о сем переписку прекратить». Таким образом, градоначальник Федорович поддержал Российско-американскую компанию, торговавшую сортом «кон-дзи» [37]. Мотивы действия градоначальника мы рассмотрим ниже.

Если Российско-американскую компанию такое мнение вполне устраивало, то торгующие в Кяхте купцы были им очень недовольны. Причем они увидели в этом несправедливое отношение к себе и даже дискриминацию по сравнению с компанией. В январе 1858 г. купцы составили прошение на имя министра финансов. Документ подписали все закупщики чая сорта «тян-дзи»: Яков Андреевич Немчинов, Иван Андреевич Носков, Василий Никитич Сабашников (комиссионер селенгинских купцов Дмитрия Дмитриевича Старцева и Аграфены Степановны Сабашниковой), Дмитрий Синицын (комиссионер тюменского купца Федора Климина), Николай Константинович Соколов (доверенный селенгинского купца Николая Хрисанфова Кандинского). Купцы заявили, что Российско-американская компания закупила в 1852 г. рассыпной чай такого же сорта, как «тян-дзи», но «под названием “кон-дзи”» и очистила его в таможне с пошлиной 6 к. за фунт. При этом Кяхтинская таможня «взяла только с правителя дел компании Сабашникова подписку в доплате пошлины, если таковая впоследствии потребуется». Прошло несколько лет, а таможня не взыскала с компании дополнительных пошлин. В 1856 г. таможня очистила большую партию чая сорта «тян-дзи» с пошлиной в 6 к., закупленную

купцом Аполлоном Курбатовым. В ходатайстве купцы намекали, что данные примеры свидетельствуют об избирательном отношении Кяхтинской таможни к торгующим на Кяхте предпринимателям: одним было разрешено очистить чай по низкой цене, а другим — по высокой. По мнению купцов, сорта чая «тян-дзи» и «кон-дзи» являются совершенно одинаковыми, они заявили, что не собираются выполнять несправедливые требования таможни [38].

В министерстве отказались признавать аргументы Я.А. Немчинова и других купцов. Кяхтинской таможне было предписано взыскать со всех дополнительные пошлины, а чиновников, допустивших очистку чая в 1852 и 1856 гг. по низкой пошлине, — наказать, «сделав им строгое замечание, с обращением на них недовзысканной пошлины, в случае если купцы, вывезшие эти чаи из таможни, откажутся внести требуемую с них дополнительную пошлину». Исправляющий должность градоначальника В.М. Федорович объявил о таком решении кяхтинским купцам весной 1858 г. Как и следовало ожидать, те категорически отказались платить пошлины, тем более что министерство считало виновными в недоборе пошлин не столько купцов, сколько чиновников таможни. Любопытно, что Федорович продолжал настаивать на том, что сорт «кон-дзи» нельзя приравнивать к сорту «тян-дзи», так как он был очень низкого качества. Сознательно он продолжал поддерживать Российско-американскую компанию, закупившую именно сорт «кон-дзи» в 1852 г. [39].

Странная позиция Федоровича заинтересовала Департамент внешней торговли. В течение 1858 г. там занялись тщательным изучением сортов «тян-дзи» и «кон-дзи». Наконец, в декабре департамент вынес твердое решение: «чай “кон-дзи” наравне с чаем “тян-дзи” должен подлежать платежу пошлины по 40 коп. с фунта». Департамент выяснил, что «“тян-дзи” и “кон-дзи” есть один и тот же чай, только под разными наименованиями». Поэтому департамент потребовал взыскать все недостающие пошлины за ранее очищенный в таможне чай. Правда, Российско-американская компания в решении департамента не упоминалась. Она опять оказалась в стороне, хотя наравне с другими занималась закупкой сорта «кон-дзи» [40].

Даже такое строгое решение Департамента внешней торговли несколько не смутило ни Я.А. Немчинова, ни его товарищей. Опытные купцы не собирались сдаваться. Они решили перевести дело на рассмотрение в Правительствующий сенат. Купцы написали соответствующее ходатайство в этот

высший судебный орган. До окончания рассмотрения дела они отказались подчиняться решению Департамента внешней торговли. При этом купцы не забыли намекнуть на несправедливость: «между тем мы бы желали знать, почему не взыскивается дополнительная пошлина за этот же чай с Американской компании, как находящейся в сем случае на одних с нами условиях» [41].

В августе 1859 г. Сенат вынес свое решение. Он постановил: сорта чая «тян-дзи» и «кон-дзи» нельзя относить к кирпичным, следовательно, пошлина с них должна составлять 40 к. с фунта как с торгового чая. Вместе с тем Сенат возложил всю ответственность за недобор пошлин не на купцов, а на чиновников таможни, которые нарушили ранее изданные указы и очистили чай по низкой пошлине. В указе было сказано: «Распоряжение исправляющего должность кяхтинского градоначальника о взыскании с просителей дополнительной пошлины за выпущенные из таможни в 1856 и 1857 гг. чаи “тян-дзи” и “кон-дзи” с пошлиной по 6 коп. с фунта отменить, обратив означенное взыскание на чиновников Кяхтинской таможни, виновных в неправильной очистке чаев» [42].

После получения этого указа кяхтинский градоначальник В.М. Федорович и директор таможни П.Д. Месс занялись поиском виновных чиновников и взысканием с них всех недоплаченных пошлин. Можно сказать, что купцы одержали победу в данном непростом споре. При этом вся эта история продемонстрировала, что Российско-американская компания пользовалась негласным покровительством В.М. Федоровича, неоднократно пытавшегося выгородить компанию и спасти ее от уплаты дополнительных пошлин. Каковы были мотивы его действий, выяснить довольно легко, если обратить внимание на карьеру этого чиновника. Дело в том, что в 1848–1856 гг., когда компания очистила чай по низкой цене, он являлся не кем иным, как директором Кяхтинской таможни [43]. Следовательно, именно на нем лежала ответственность за то, что компания очистила большую партию чая по низкой пошлине. Выполняя решение Сената о поиске виновных в недоборе пошлин, ему нужно было привлечь к ответственности самого себя. Именно это и явилось главной причиной того, что Федорович занял прокомпанейскую позицию, он спасал не столько Российско-американскую компанию, сколько собственную карьеру и свой кошелек. Надо сказать, что ему повезло. Дело в том, что в указе Сената было отмечено, что необходимо собрать пошлины только за чай, закупленный у

китайцев в 1856 и 1857 гг., а в это время он был уже исправляющим должность кяхтинского градоначальника.

В Департаменте внешней торговли обратили внимание на то, что В.М. Федорович был директором таможни в 1852 г. В одной из записок департамента было прямо сказано: «В этом упущении виновны бывшие директора таможни: Федорович и Месс», а также различные чиновники — контролеры, бухгалтера и старшины торгующего в Кяхте купечества, «то есть все те лица, которые присутствовали при досмотре чаев тян-дзи и кон-дзи и определяли с них пошлину». По оценке департамента, всего по делу можно привлечь до 30 чиновников и купцов. Поиск всех виновных, по мнению департамента, может привести к излишней обширной переписке, тем более что некоторые чиновники уже переведены в другие места службы, а другие вовсе уволены от должности. К тому же многие лица были вовлечены в дело не по какому-то умыслу, а по ошибке. В результате департамент решил прекратить данное дело, а недособранные пошлины списать на убытки [44].

Кяхтинский градоначальник Федорович все же не избежал наказания. По донесению генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева, в котором было отмечено, что Федорович явно выступает в поддержку купцов и к удовлетворению их незаконных домогательств, было принято решение устранить градоначальника от всякого влияния на дела Кяхтинской таможни. Федоровичу было предложено уйти в отставку, что он и сделал в январе 1859 г. На его место был назначен А.И. Деспот-Зенович [45].

ЗАКАТ КЯХТИНСКОЙ ТОРГОВЛИ РАК

В начале 1860-х гг. кяхтинская торговля Российско-американской компании окончательно пришла в упадок. В 1860 г. китайцы привезли в Кяхту чай не очень высокого качества. Компания променяла 2 425 мест без всякого использования серебра и монеты. На следующий год Главное правление сделало распоряжение правителю Кяхтинской конторы, чтобы «размен чая для соблюдения выгод компании был произведен без всякого прибавления серебра» [46]. Таким образом, из отчета самого Главного правления РАК видно, что компании было невыгодно использование денег при кяхтинской торговле. В то время как все купцы с успехом использовали звонкую монету при расчетах с китайцами,

компания настаивала, чтобы правитель конторы продолжал заниматься простым натуральным обменом.

Расчеты Главного правления РАК не оправдались. В 1861 г. удалось выменять только 85 мест чая. В отчете объяснялось это тем, что китайцы поддерживали очень высокие променные цены на чай. При этом с успехом они продавали чай за серебро и звонкую монету, которых у РАК не было. Менять пушнину с убытком было невыгодно. Компания пыталась выйти из затруднительного положения путем отправки во внутренние регионы Китая каравана с мягкой рухлядью. Такая торговля была разрешена 5-й статьей Пекинского договора 1860 г. Первый караван с товарами был отправлен весной 1861 г. Компания отправила с караваном небольшую партию пушнины под присмотром своего агента. В Тяньцзине была сделана попытка продать товар, но никто из китайских купцов не захотел приобретать пушнину по цене, предложенной агентом РАК. В результате товар был оставлен на попечение компанейского агента «до тех пор, пока откроется возможность к сбыту мехов» [47].

1862 г. оказался довольно неплохим для кяхтинской торговли РАК. Удалось выменять 2 344 места чая «без всякого прибавления металла в счет условленной платы». Однако это был последний удачный год для компании. Караванная торговля не оправдала себя. Даже несмотря на то что агент компании разделил партию пушнины на несколько мелких частей и направил их в разные города Внутреннего Китая, ему все равно не удалось ничего продать по выгодным для РАК ценам. В 1863 г. в Кяхте было променено 8 670 шкур различных животных, получено 1 005 ящиков чая. Постепенное сокращение кяхтинской торговли, большие сложности со сбытом выменянного чая, отсутствие серебра, требуемого китайцами за чай, и вообще отсутствие каких-либо перспектив дальнейшей Кяхтинской торговли заставили Главное правление РАК пойти на закрытие Кяхтинской конторы. Согласно распоряжению директоров контора была закрыта с 1 января 1864 г. Все пушные товары, скопившиеся в Кяхте, были перевезены в Иркутск. При этом Главное правление надеялось, что все же трудности со сбытом пушнины в Кяхте временные, поэтому рекомендовало Иркутской конторе следить за ситуацией в Кяхте и в случае появления спроса на пушнину возобновить торговлю мягкой рухлядью [48]. Правда, нам не удалось найти никаких сведений о том, возобновлялась ли кяхтинская торговля Российско-американской компании после закрытия ее конторы в 1864 г.

ВЫВОДЫ

Торговля Российско-американской компании через Кяхту в 1840–1860-е гг. прошла сложный путь от расцвета до полного упадка. Если в начале указанного периода компания с успехом променивала до 70 % всех пушных товаров, добываемых в колониях, именно в Кяхте, то к концу периода ей удалось с большим трудом выменивать только около 20 % пушнины, добываемой в колониях. Рубежным был 1853 г., когда кяхтинская торговля вообще прекратилась. После этого кризиса компания так и не смогла выйти на прежние показатели. Причинами упадка кяхтинской торговли компании были как внешние факторы: восстание тайпинов в Китае, Крымская война, таможенная политика Российского государства, так и внутренние, заложенные в сущности самой компании и ее кяхтинской торговли. Дело в том, что РАК была не обычным предпринимателем, торгующим в Кяхте. В отличие от всех купцов, которые при торговле с китайцами реализовывали обычную торговую схему: деньги — российский товар — китайский товар (чай) — деньги, а следовательно, были заинтересованы в отмене променных операций и в использовании звонкой монеты и кредита, Российско-американская компания использовала кяхтинскую торговлю лишь для превращения товара в деньги. Другими словами, схема ее торговых операций была проще: российский товар (пушнина) — китайский товар (чай) — деньги. Компания изначально не покупала обменный товар (пушнину), а добывала его в колониях. При этом она затрачивала на его добычу минимум усилий, так как делала это с помощью алеутов и эскимосов, обязанных участвовать в промыслах и работать на компанию. Именно поэтому для компании самым выгодным был натуральный обмен пушнины на чай, а затем продажа его в России и превращение его в деньги. Либерализация кяхтинской торговли, использование денег и кредита подорвали саму сущность торговых операций Российско-американской компании и неизбежно вели к вытеснению ее с кяхтинского рынка. Конечно, РАК могла бы просто продавать пушнину китайцам за деньги и отказаться от приобретения чая. Но по объективным причинам (опиумные войны, сложная внешнеполитическая ситуация) это было невозможно. Поднебесная сама остро нуждалась в звонкой монете, серебре и золоте. Очевидно, что для успешного развития Российско-американская компания должна была искать другие рынки сбыта пушнины и реализации своей торговой схемы: товар — деньги. Именно это она и пыталась делать, продавая пушнину в Нью-Йорке, Лондоне, Шанхае. Только за счет расширения рынков сбыта пушнины РАК могла сохранить свою экономику и развиваться.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Добыча пушнины в Русской Америке и доставка ее в Кяхту для промена китайцам

Год	Бобры морские		Бобры речные		Выдры		Коты морские		Рыси		Песцы		Лисы	
	Добы- тые в коло- ниях	Приве- зенные в Кях- ту	Добы- тые в коло- ниях	Приве- зенные в Кях- ту	Добы- тые в коло- ниях	Приве- зенные в Кях- ту	Добы- тые в коло- ниях	Приве- зенные в Кях- ту	Добы- тые в коло- ниях	Приве- зенные в Кях- ту	Добы- тые в коло- ниях	Приве- зенные в Кях- ту	Добы- тые в коло- ниях	Приве- зенные в Кях- ту
1842	910	468	8 522	8 160	6 365	7 652	10 172	10 000	2 666	755	2 545	609	5 949	3 370
1844	1 105	1 028	9 050	8 368	6 703	7 893	12 680	8 179	34	653	3 020	815	3 418	3 885
1845	1 448	756	8 683	5 802	6 847	7 041	13 637	8 202	100	146	1 869	1 409	3 832	2 200
1846	1 445	600	10 676	5 836	2 934	6 713	15 099	9 417	162	39	3 869	436	2 856	1 949
1847	1 062	600	9 458	8 680	2 824	7 587	18 606	14 084	311	100	3 385	426	3 515	2 735
1848	1 693	500	10 313	10 566	5 704	3 722	16 198	7 497	314	187	2 176	944	4 012	1 927
1849	1 387	353	8 937	5 352	6 055	5 781	23 383	0	437	258	1 854	219	4 251	0
1850	1 641	200	8 691	5 344	4 236	6 070	8 147	5 000	498	332	2 170	304	4 562	0
1851	1 192	555	9 239	12 191	2 036	1 690	6 564	3 900	192	188	2 171	73	3 335	0
1852	1 142	580	6 791	14 508	2 229	3 607	9 997	8 050	49	170	5 152	88	4 824	0
В среднем	1 303	564	9 036	8 481	4 593	5756	13 448	7 432	476	282	2 821	532	4 055	1606
1853	1 278	0	12 032	0	2 236	0	19 235	0	20	0	3 403	0	3 761	0
1854	742	27	6 004	0	1 948	0	27 501	51	14	0	2 767	0	2 773	0
1855	1 741	54	9 405	6 321	847	2 520	9 607	1 016	50	194	1 292	335	2 988	130
1856	1 086	180	4 559	6 240	906	1 146	26 327	1 484	112	8	3 567	1 464	2 684	0
1857	1 227	265	7 245	4 000	943	908	24 250	4 839	207	49	2 989	471	3 087	0
1858	1 258	400	5 849	5 772	881	915	36 256	7 212	356	112	2 610	485	3 811	0
1859	2 150	200	6 909	3 800	1 127	1 087	25 096	5 000	178	0	4 384	8	4 954	0
1860	1 988	489	8 420	2 001	885	1 022	23 678	8 093	73	356	3 015	189	4 860	1 659
В среднем	1 434	202	7 553	3 517	1 222	950	23 994	3 462	126	90	3 003	369	3 615	224

Источники: Выписка о добываемых ежегодно в колониях промыслах с 1842 по 1861 год // Головин П.Н. Обзор русских колоний в Северной Америке капитан-лейтенанта Головина. СПб., 1862. С. 142–161; Отчеты ГП РАК за 1840–1860 гг. СПб., 1842–1861. В выписке данные представлены по отделам колоний, включая Курильские острова. Сводные показатели за каждый год подсчитаны автором. В некоторых отчетах РАК (за 1850–1863 гг.) имеются данные о вывозе пушнины из колоний. Показатели Головина и отчетов РАК имеют небольшое расхождение. Это объясняется тем, что не все пушные товары, добываемые в колониях, вывозились из них. Очень незначительная часть оставалась в Русской Америке. Мы выбрали данные Головина, так как его сведения охватывают весь период и при составлении ведомостей он опирался на документы колониального архива.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Корсак А. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань, 1857; Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974; Хохлов А.Н. Кяхтинская торговля и ее место в политике России и Китая (20-е годы XVIII в. — 50-е годы XIX в.) // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М., 1982. С. 99–148; Он же. Кяхта и кяхтинская торговля (20-е гг. XVIII в. — середина XIX в.) // Бурятия XVII — начала XX вв. Экономика и социально-культурные процессы. Новосибирск, 1989. С. 15–50; Единархова Н.Е. Кяхта и кяхтинская торговля (40–60-е годы XIX в.) // Взаимоотношения России со странами Востока в середине XIX — начале XX вв. Иркутск, 1982. С. 12–25; Она же. Кяхтинская торговля и ее влияние на экономическое развитие России, Монголии и Китая: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979. 17 с.

2. Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени. СПб., 1861–1863. Т. 1–2; Петров А.Ю. Российско-американская компания: деятельность на отечественном и зарубежном рынках (1799–1867). М., 2006; Единархова Н.Е. Торговля Российско-американской компании с Китаем через Кяхту // Земля Иркутская. 2000. № 12. С. 10–11.

3. Корсак А. Указ. соч. С. 95–96.

4. Записка департамента мануфактур и внутренней торговли, 29 июля 1840 г. // АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 365. Л. 42–42 об.

5. Записка департамента мануфактур и внутренней торговли, 27 ноября 1845 г. // РГИА. Ф. 560. Оп. 4. Д. 1224. Л. 5.

6. Там же. Л. 7 об.

7. Там же. Л. 9–9 об.

8. Заключение Совета министра финансов, сентябрь 1848 г. // Там же. Л. 109.
9. Отчет ГП РАК за 1850 год. СПб., 1851. Приложение № 3.
10. Сладковский М.И. Указ. соч. С. 225–226.
11. Там же. С. 230–232.
12. Отчет ГП РАК за 1854–1855 года. СПб., 1856. С. 22, приложение № 3.
13. Волчек В.А. Осуществление имперской политики на восточных окраинах России в деятельности Второго Сибирского Комитета. Новосибирск, 2006. С. 368.
14. Отчет ГП РАК за 1854–1855 года. Приложение № 4.
15. Корсак А. Указ. соч. С. 302–307.
16. Отчет ГП РАК за 1840–1841. СПб., 1842. С. 26; за 1843. СПб., 1844. С. 12.
17. Отчеты ГП РАК за 1840–1841. С. 27; за 1843. С. 13.
18. Докладная записка торгующего на Кяхте купечества — генерал-губернатору Н.Н. Муравьеву, 21 апреля 1857 г. // НАРБ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1327. Л. 4–7.
19. Дополнительная записка купечества, торгующего в Кяхте, б.д. // НАРБ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1515. Л. 48–50 об.
20. Краткая выписка о действиях комитета, учрежденного в Кяхте для рассмотрения некоторых вопросов по кяхтинской торговле, ноябрь 1857 г. // Там же. Д. 1327. Л. 32–40.
21. Отзыв кяхтинского купечества на действия таможи, 6 ноября 1857 г. // ГАИО. Ф. 24. Оп. ОЦ. Д. 576. Л. 136–139 об.
22. Рапорт Федоровича — генерал-губернатору, 9 ноября 1857 г. // Там же. Л. 123.
23. Переслегина И.В. История формирования и деятельности Кяхтинской таможи: 20-е гг. XVIII — начало 60-х гг. XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004. С. 145.
24. Генерал-губернатор Восточной Сибири — и. д. кяхтинского градоначальника, 21 февраля 1858 г. // НАРБ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1515. Л. 72–73.
25. Акт торгующего на Кяхте купечества, январь 1858 г. // Там же. Л. 76–83.
26. Журнал заседаний комитета, сентябрь 1858 г. // ГАИО. Ф. 24. Оп. ОЦ. Д. 576. Л. 297–300 об.
27. Субботин А.П. Чай и чайная торговля в России и других государствах. СПб., 1892. С. 463, 476; Сладковский М.И. Указ. соч. С. 246–247, 266–268, 396–399.
28. Сладковский М.И. Указ. соч. С. 268.
29. Корсак А. Указ. соч. С. 412.
30. Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII — первой половине XIX вв. Барнаул, 1998. С. 192.

31. Субботин А.П. Указ. соч. С. 470–471.
32. Корсак А. Указ. соч. С. 102–104; 294–299.
33. Донесение кяхтинской таможни — кяхтинскому градоначальнику, 4 ноября 1857 г. // НАРБ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1342. Л. 3–5 об.
34. Прошение купцов — и. д. кяхтинского градоначальника, 9 ноября 1857 г. // Там же. Л. 10–11.
35. Донесение кяхтинской таможни — кяхтинскому градоначальнику, 23 декабря 1857 г. // Там же. Л. 26–32.
36. Донесение кяхтинской таможни — кяхтинскому градоначальнику, 13 января 1858 г. // Там же. Л. 36–37 об.
37. Донесение и. д. кяхтинского градоначальника — в департамент внешней торговли, 28 января 1858 г. // Там же. Л. 41–47 об.
38. Прошение купцов на имя министра финансов, 15 января 1858 г. // Там же. Л. 50–55.
39. И. д. кяхтинского градоначальника — кяхтинской таможне, 26 апреля 1858 г. // Там же. Л. 87–88 об.
40. Департамент внешней торговли — и. д. кяхтинского градоначальника, 15 декабря 1858 г. // Там же. Л. 125–126 об.
41. Прошение кяхтинских купцов на имя императора Александра II, 8 декабря 1858 г. // Там же. Л. 142–147 об.
42. Указ Правительствующего сената кяхтинскому градоначальнику, 17 августа 1859 г. // Там же. Л. 182–189.
43. Переслегина И.В. Указ. соч. С. 143.
44. Записка «Относительно недобора пошлин с чаев “тян-дзи” и “кон-дзи”», 31 октября 1860 г. // НАРБ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1342. Л. 226–228.
45. Переслегина И.В. Указ. соч. С. 146.
46. Отчет ГП РАК за 1860 г. СПб., 1861. С. 8.
47. Отчет ГП РАК за 1861 г. СПб., 1862. С. 8–9.
48. Отчет ГП РАК за 1863 год. СПб., 1865. С. 42–43.

РОЛЬ КЯХТИНСКОЙ ТАМОЖНИ В ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ С КИТАЕМ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ

Регулирование внешнеторговых отношений — один из властных рычагов государства, существующих для создания условий, способствующих развитию экономики и имеющих влияние на политику, а также один из способов защиты интересов самого государства. В таможенной политике государства, которое желает укрепления и процветания, доминирует влияние на ввоз и вывоз товаров из сопредельных стран, а также осуществляется политика протекционизма, защищающего собственного производителя от зарубежной конкуренции.

Таможенное дело Сибири развивалось одновременно с производством и местной промышленностью, способствовало укреплению и развитию как внутренней политики, так и дипломатических отношений с сопредельными государствами.

Таможенное дело Сибири имеет ряд особенностей, а именно:

— во-первых, в чисто организационном отношении таможенное дело в Сибири сформировалось значительно позже, чем в европейской части страны;

— во-вторых, Сибирь включалась в общероссийский рынок, развивалась, строила таможенную систему в тесной связи с Россией, потому что была и остается до сих пор ее неотъемлемой частью.

Эволюция экономических процессов формирует особенности развития таможенного дела, определяет эффективность функционирования таможенных органов.

В обстановке военного давления 29 августа 1689 г. был подписан Нерчинский договор, действие которого почти на 200 лет приостановило заселение берегов Амура и Уссурийского края и после которого начались и по сей день не прекращаются дипломатические переговоры по пограничным проблемам дальневосточных границ между Россией и Китаем. По Нерчинскому договору демаркация границы проведена не была и она носила неопределенный характер. Ее географическими ориентирами к северу от Амура и близ него служили горы и реки с неточными названиями или совсем без таковых. Фактически по этому договору граница устанавливалась только

по р. Аргунь, а размежевание земель в бассейнах Амура, Усури и других рек, впадающих в Японское море, вообще откладывалось. Заключен был этот договор со стороны русских от имени царей братьев Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича (Петр I) Романовых, а с китайской стороны от имени императора маньчжурской Цинской империи.

Договор не был подкреплён точными картами. По нему Россия была вынуждена уступить маньчжурской Цинской империи освоенную обширную территорию Приамурья. Причём цинские послы требовали закрепить за китайской империей все Забайкалье и земли к востоку от р. Лены, хотя в то время граница их империи проходила в 800–1 000 км к югу от Амура. Впоследствии Нерчинский договор не был ратифицирован ни русским царем, ни китайским императором, а значит, не получил юридического статуса. Албазинским спором китайцы добились ухода русских с Амура. Потому россияне направили свои усилия на север и северо-восток континента. Изучая устья северных рек — Лены, Индигирки, Колымы и прибрежных зон северных и восточных морей, составляя карты и строя остроги в устьях материковых рек от Чукотки до Японского моря, они заодно осваивали и заселяли Камчатку, Сахалин, Алеутские острова, Аляску.

Через 38 лет после подписания Нерчинского договора по поручению российского правительства граф С.Л. Рагузинский подписывает с китайцами Буринский и Кяхтинский договоры (1727), по которым определяется граница от Кяхты до перевала Шабин–Дабаста. По Буринскому и Кяхтинскому трактатам русские осваивали новые территории в районах Забайкалья и нынешней Амурской области. «Кяхтинский трактат служил правовой основой взаимоотношений России и Цинской империи (Китая) по дипломатическим и экономическим делам до середины XIX века» [1].

Торг в Кяхте был открыт в августе 1728 г. Первоначально торгующая шла довольно вяло, так как купцам разрешалось торговать «всякими товарами, кто чем хочет, кроме провианту и мягкой рухляди. С платежом обыкновенных пошлин». Купцы должны были ехать через с. Селенгинск, где предъявляли свои товары для досмотра. В самой Кяхте для сбора пошлин с китайских товаров был назначен надзиратель с ларечным и несколькими служилыми людьми. Первое время местные власти не только определяли состав товаров для продажи на границе, но и ограничивали доступ торговцев. Так, российские купцы могли приезжать в Кяхту только с разрешения Сибирского приказа. Сибирские же торговцы поль-

зовались правом свободной поездки в пограничные торговые пункты.

Значение Кяхты стало возрастать с 1741 г., когда через нее был открыт новый путь движения казенных караванов в Пекин. В 1743 г. Кяхта получила статус торговой слободы и в ней разрешено было селиться «всяким охочим людям». Уже в следующем году сюда переселились до ста семей посадских и крестьян из разных городов Европейской России и Сибири.

После основания Кяхты продолжалась посылка в Пекин казенных караванов. Но караванный торг к середине XVIII в. пришел в упадок из-за конкуренции со стороны частной легальной и особенно нелегальной торговли. Несмотря на все запреты, процветала контрабандная торговля пушниной. В 1739 г. казенный караван обнаружил на пекинском рынке втрое больше мехов, привезенных китайскими купцами с границы, чем имел сам. Большой ущерб казне приносил и ввоз китайских товаров в Россию из Европы. В 1743 г. правительство вынуждено было даже его запретить.

Особенно значительный размах незаконная торговля мехами приняла в середине XVIII в. Борьба с контрабандой вызывала усиление таможенного контроля, увеличение штатов таможен и пограничных караулов. В 1744 г. Сенат предложил селенгинскому коменданту Якоби (Якобию) «для предосторожности от тайного провозу товаров по китайской границе между реками Чикоем и Селенгой сделать ров и надолбы» [2]. С этой же целью в Кяхте вводилось клеймение всех товаров государственной печатью. Все китайские товары без клейм предписывалось «конфисковывать бесповоротно, а купцам, у кого какие товары явятся — чинить жесткое наказание, бить кнутом нещадно, дабы всеконечно то воровство пресечено было вовсе» [3].

Все эти меры помогали мало, так как в незаконной торговле нередко участвовали представители пограничной стражи и таможенные служители. Так, в 1749 г. большому денежному штрафу подверглись купцы и их пособники — кяхтинский таможенный бургомистр Поникаровский и ларечный Сибиряков. В тайной торговле пушниной были замечены даже представители высшей администрации края. Например, иркутский вице-губернатор Жолобов за взятки разрешал иркутским купцам вывозить запрещенные товары в Кяхту, что и послужило одним из пунктов его обвинения.

Близость Кяхты к границе создавала благоприятные условия для развития мелочной беспощинной торговли ее жителей, уследить за которой было крайне сложно. Сибирский

губернатор Соймонов даже предлагал перенести торговую слободу подальше от границы. Но правительство не согласилось с ним, предложив в отношении «покупки и продажи товаров наиприлежное смотрение иметь», а с виновными поступать по закону.

В XVIII в. организация таможенного дела в России видоизменилась. В 1753 г. были отменены внутренние таможенные сборы и упразднены внутренние таможи. Главной сибирской таможней стала приграничная Кяхтинская, но и Иркутская во многом сохранила свои позиции. Во времена, когда пограничная торговля нарушалась, таможенные операции переносились из Кяхты в Иркутск. К тому же в Иркутске дважды в год проходила крупнейшая в Сибири торговая ярмарка. На ярмарке ожидалось прибытие чая из Кяхты, так как его стоимость определяла стоимость всего товара на торге. Ежегодный торговый оборот превышал 500 тыс. р. Купеческое сообщество насчитывало более 1,5 тыс. человек, 57 из них вели внешнеторговую деятельность, а остальные участвовали в торговых операциях на общероссийском рынке.

Стимулировал приток торговцев в Кяхту и обороты самой торговли. Правительство провело целый ряд мероприятий, а именно учреждение в Петербурге купеческого банка и открытие в Москве в 1758 г. «Банковской конторы вексельного производства», благодаря чему купцы из европейской части страны получили возможность оплачивать таможенные сборы не наличными, как было раньше, а векселями.

В 1752 г. правительство издало еще один указ, запрещающий купцам торговать «мягкой рухлядью». Это была последняя попытка удержать монополию внешней торговли с Китаем в руках государства. Караван, отправленный в 1758 г., вновь отторговался в Пекине неудачно и окончательно убедил правительство в нецелесообразности продолжения государственного торга с китайцами.

В 1762 г. казенная караванная торговля с Китаем была упразднена. С этого времени начинается неуклонный рост русско-китайской торговли через Кяхту.

Благоприятно на развитии кяхтинской торговли сказалась реорганизация сибирской таможенной системы. В 1754 г. были ликвидированы все внутренние таможи, за исключением Верхотурской, а в 1755 г. закрылась и она. В Сибири остались лишь пограничные таможи, главной из которых стала Кяхтинская. В связи с этим изменился штат таможи. Ей полагалось иметь директора, цольнера, бухгалтера, двух канцеляристов, четырех копиистов, переводчика и двух сто-

рожей. Кроме того, из числа купечества выбирались четыре ларечных и восемь целовальников. В 1756 г. в Кяхтинскую таможенную был назначен еще один директор, чтобы в случае болезни одного деятельность таможни не прекращалась. Спустя несколько лет в штат таможни были введены специальные оценщики пушнины из числа местных купцов. Это было вызвано тем, что во второй половине XVIII в. пушнина становится главным товаром российского вывоза в Китай [4].

В 1774 г. в Кяхте была открыта нотариальная контора для оформления обязательств и векселей.

В течение XVIII в. кяхтинский торг неоднократно прекращался, главным образом по инициативе китайских властей. Видя заинтересованность России в сохранении и развитии торговли, китайская дипломатия использовала ее как средство дипломатического давления. Одна из причин закрытия торгова в 1762–1768 гг. заключалась в требовании китайской стороны отменить пошлины с русских товаров, ссылаясь на их дороговизну для китайских торговцев. Столь настойчивые протесты объяснялись не тем, что китайцы стояли за идеальное соблюдение условий Кяхтинского трактата. Они сами нарушали их, тайно беря пошлины со своих купцов в Урге и Калгане. Просто Китай был заинтересован в торговле с Россией, а таможенную политику, проводимую на границе, рассматривал как некоторое препятствие. Русские власти вынуждены были пойти на уступки. В октябре 1768 г. в Кяхте было подписано соглашение, по которому русские власти обещали снести надолбы и рогатки против контрабандной торговли и отменить пошлины с российских товаров. В связи с этим Кяхтинская таможня была перенесена в Петропавловскую крепость на Стрелку, в Санкт-Петербург. В самой же Кяхте осталась коммерческая экспедиция, которая должна была осматривать китайские товары, начислять на них пошлины, оплата которых производилась в Петропавловской таможне. В 1775 г. таможня была перенесена в Иркутск [5].

В 1781 г. право уплаты таможенных сборов по векселям получили и сибирские купцы. Для взноса по векселям в Москве и Петербурге был назначен годичный срок с платежом 6 %, а в сибирских городах девятимесячный с взиманием 4 %. В 1794 г. вышел новый указ, позволяющий вносить пошлины полностью или частично на месте или переводить их в Москву, Петербург, Тобольск и Иркутск. Срок для уплаты был назначен одинаковый — девятимесячный, с платежом 5 %.

Рост кяхтинского торгова отмечался еще в связи с деятельностью Шелехова, так, в 1794 г. иркутский генерал-губернатор

в своем всеподданнейшем распоряжении по поводу возобновления торговли в Кяхте справедливо писал: «Шелехов много способствовал развитию кяхтинской торговли и поддержал получаемые от нее выгоды, несмотря на все ухищрения со стороны китайцев, и тем поднял курс на наши товары» [6].

Расцвет кяхтинской торговли пришелся на конец XVIII – первую половину XIX в. Общий товарооборот ее достиг к 1824 г. 16 млн р. Затем последовало некоторое снижение, и в 1830-е гг. объем торговли уже не превышал 14 млн р.

Позитивное воздействие на рост торговли оказал новый таможенный тариф 1800 г., согласно которому понижались пошлины на все вывозимые товары, а отечественное сукно вообще не подлежало обложению. В то же время повышались пошлины на ввозимые в Россию чай, хлопчатобумажные ткани и некоторые другие товары. В 1800 г. было принято еще два законодательных акта, способствующих лучшей организации кяхтинской торговли, — «Положение о торговле в Кяхте» и «Инструкция Кяхтинской таможне и компаньонам».

В 1807 г. правительством России принят манифест — с Китаем разрешено торговать только купцам 1-й гильдии. Количество купцов в Кяхте сокращается. Купцы из европейской части России завышают договорные цены на пушнину, чтобы сделать более выгодным обмен своих мануфактурных товаров. Обороты сибирских купцов сокращаются. В 1839 г. у сибирских купцов осталось необменянной пушнины на 4 млн р., что было 1,5 раза больше среднегодовой торговли. Позднее купцам 2-й гильдии разрешили торговлю в Кяхте, но их обороты не должны были превышать 90 тыс. р. Еще через год последовало разрешение относительно частной торговли за деньги.

5 августа 1827 г. была учреждена новая таможенная пограничная стража с военной организацией по типу регулярной армии и со своей символикой. Непосредственно на местах она подчинялась таможенным округам, а в центре — Департаменту внешней торговли Минфина, т. е. возглавлялась гражданскими чиновниками. В 1827 г. в страже состояло 37 кадровых, 275 запасных офицеров и 3 282 рядовых. Воинские начальники таможенной стражи подчинялись начальникам пограничных таможенных округов, которых в это время насчитывалось 130. Ряд нормативных документов и служебных инструкций, вышедших в этот период, способствовал расширению прав пограничных командиров, более действенной борьбе с нарушениями таможенных правил. 23 августа 1827 г. зеленый цвет окончательно утвердился в качестве отличия

тельного признака обмундирования таможенных чиновников и служащих.

Почти на 30 лет (1822–1850) торгово-промышленный курс, в сущности, порывал с фритредерскими (либеральными) тенденциями в интересах отечественного народного хозяйства. От пошлины освобождались лишь сырье и продукты питания, не производимые в стране. Высокие экспортные пошлины и запретительный тариф на импортные товары снижали спрос на русское сырье, повышали цены на товар и способствовали росту контрабанды. При задержании контрабанды не обходилось и без вооруженных стычек. Контрабандисты, как правило, были хорошо вооружены.

В 1856 г. к торгам были допущены купцы 2-й гильдии, а в 1861 г. купцы 3-й гильдии и крестьяне. Эти меры способствовали еще большему укреплению позиций сибирского купечества, которое в дальнейшем начинает играть основную роль в кяхтинской торговле.

В 1861 г. было дозволено вывозить и ввозить золото и серебро без всякого ограничения. В марте того же года русское правительство уменьшило пошлину с китайского чая, а уже в октябре разрешило свободную, т. е. беспошлинную, торговлю в Кяхте и в Забайкалье. Еще раньше существенно расширили круг торгующих на Кяхте.

Эти меры, однако, не спасли торговлю в Кяхте. После введения порто-франко* и легализации русской караванной торговли с Синьцзяном по Кульджинскому договору 1851 г. Кяхта постепенно утратила значение международного транзитного центра, единственного на границе между Россией и Китаем.

Падение роли Кяхты заставило правительство предпринять меры к переносу операций Кяхтинской таможни в другой сибирский город. Выбор пал на Иркутск. Директор таможни, обосновывая выбор, отмечал стратегическое положение Иркутска, где с Московским трактом соединяются две дороги с востока: по Байкалу и Кругоморская к югу от него. Для борьбы с контрабандной торговлей предполагалось устроить на Байкале и подступах к Иркутску таможенную линию. На возможных путях продвижения незаконных товаров устраивались караулы и разъезды. Они устраивались в с. Листвен-

* Порто-франко (итал. *porto franco* — свободный порт) — порт, пользующийся правом беспошлинного ввоза и вывоза товаров. Порто-франко не входит в состав таможенной территории государства. Часто создается при сооружении нового порта с целью привлечения грузов и увеличения товарооборота.

ничном, Голоустном, на острове Ольхон, в Култуке и Тунке. Кроме того, несколько постоянных караулов предполагалось устроить вблизи города. Главная цель этих мер заключалась в предупреждении тайного провоза товаров с китайской границы в Иркутск и далее внутрь империи.

Итак, с 1861 г. Иркутская таможня вновь становится ведущей в регионе. Таможня разместилась в двух дворах, занимающих целый квартал на углу Луговой (ул. Марата) и набережной Ангары. Штат ее был первоначально определен в 29 чиновников и 24 вольнонаемных досмотрщиков с помощниками и сторожами.

Для охраны таможенной линии назначался казачий отряд в сто человек с четырьмя унтер-офицерами. При досмотре груза на таможенной заставе торговцам выдавался ярлык с указанием числа мест чая, который позднее вместе с накладными предъявлялся в таможне.

«Фабриканты наши, — писали кяхтинские купцы в 1857 г. в докладной записке, представленной генерал-губернатору Восточной Сибири, — только из личных своих интересов стараются поддерживать существующие ныне правила по кяхтинскому торгу, потому что необходимость в товарах при промене за границу металлов доставляет им случай продавать кяхтинским торговцам свои произведения в полтора раза дороже против цен, прежде существовавших, а это ведет не к уменьшению, а к увеличению ценности чая, ибо при нетребовании китайцами товаров наших мы, не нарушая правил, должны их при металлах отдавать почти за бесценнок» [7].

Но правила все-таки нарушались, поскольку, учитывая преобладание промышленных товаров в структуре русского экспорта в Китай, ценность драгоценных металлов не могла превышать 30–40 % ценности промениваемых вместе с ними товаров.

Между тем с 1855 по 1858 г. удельный вес золота и серебра превышал предусматриваемый этими правилами процент, составив, скажем, в 1856 г. 65 %.

В восьмилетие 1854–1861 гг. в среднем в год через Кяхту вывозилось товаров на 4 825,2 тыс. р., в то время как ввозилось на 7 089,3 тыс. р.

Эти данные, свидетельствуя о дефицитном для России характере русско-китайской торговли в рассматриваемый период, несколько искажают реальную тенденцию изменения соотношения товарных и денежных масс, вывозимых в сопредельную державу. Дело в том, что вторым обстоятельством, которое не могло предусмотреть в 1857 г. торгующее в Кяхте

купечество, было уменьшение до 1861 г. удельного веса драгоценных металлов в структуре экспорта. Если в первый послереформенный год он, как уже отмечалось, составлял 65 %, то в 1860 г. упал до 21 %. Значительное возрастание доли монеты в экспорте в последующие годы было вызвано усиленным разменом наших фондов, начавшимся в 1862 г. [8], т. е. обстоятельствами общеэкономического порядка, связанными с финансовыми реформами.

Сокращение вывоза золота и серебра в Китай в конце 1850-х гг. произошло оттого, что китайский чай стал покупаться дешевле. Не оправдались опасения купечества и по поводу неизбежного, при сохранении элементов режима прямого товарообмена, повышения цен на чай и снижения их на русские товары. В ходе реформ ценность основного русского экспортного товара — сукна повысилась внутри Китая с 27 ланов серебра за половину до 40 лан. В то же время цена чая на кяхтинском рынке понизилась, так как при незначительном увеличении общего объема экспорта (включая драгоценные металлы) ввоз байхового чая в натуральном исчислении возрос почти вдвое.

Таким образом, стабилизацию кяхтинской торговли во второй половине 1850-х гг. нельзя относить только на счет известных нам реформ, поскольку возрастание ее результативности происходило до 1861 г. в условиях возврата, точнее, приближения к старой системе прямого товарообмена. Видимо, в данный период благоприятному течению дел в кяхтинской торговле способствовали внешние факторы, не связанные напрямую с ситуацией в Кяхте. В качестве одной из возможных причин достаточно быстрого выхода торговли через Кяхту из кризиса середины 1850-х гг. можно считать положение, сложившееся во внешней торговле России в связи с Крымской войной. Азиатская торговля, конечно, не могла серьезно повлиять в течение этой войны на общий баланс внешней торговли России и, тем более, возместить упадок товарооборота по европейской границе. Ее доля во всем русском импорте в 1854–1855 гг. составляла 22–23 % (вместо 16 % для довоенных лет). Скорее, имела значение обратная связь: неблагоприятная ситуация в торговле России с европейскими странами объективно улучшала конъюнктуру азиатской торговли, в частности с Китаем. Также в пользу кяхтинской торговли сложилась обстановка и на Дальнем Востоке. Результаты широкомасштабной экспансии западных стран в Срединную империю скажутся во всей силе позднее.

В конце же 1850-х гг., в ходе военных действий, бесперебойное поступление европейских товаров в Китай было вре-

менно нарушено, чем не могло не воспользоваться торгующее аналогичными товарами кяхтинское купечество [9].

Следовательно, во второй половине XIX в. российско-китайская торговля через Кяхту претерпела значительную эволюцию. Если в «переходный» постреформенный период истории кяхтинской торговли действие реформы 1855 г. было частично нейтрализовано влиянием факторов временного, форс-мажорного порядка, то в последующие десятилетия эта торговля подчинялась императивам развития мирового рынка с присущей ему тенденцией к поглощению традиционных, локальных рынков и к уничтожению таких же традиционных торговых путей.

Серьезным фактором стабильности кяхтинской торговли являлось ее исключительное, до начала 1860-х гг., значение как важнейшей хозяйственно-коммуникационной линии, обслуживающей экономические отношения России и Китая. Безусловно, контрабандная торговля чаем через западные границы, составляя в 1850-е гг. 7–8 млн фунтов в год, негативно сказывалась на состоянии торговли через Кяхту. О том, что представляемые Министерством финансов и купечеством достаточно условные цифры чайной контрабанды не являлись преувеличением, свидетельствует внушительный объем импорта чая через европейскую границу в первый же год после ее легализации (в 1862 г.). Вместе с тем по сухопутной границе вплоть до вступления в силу Пекинского договора 1860 г. Кяхта оставалась единственным реальным центром русско-китайской торговли.

Объективное положение кяхтинской торговли кардинально изменилось в 60-е гг. XIX в. До конца столетия ее развитие обуславливалось комплексом новых факторов, предопределивших многие особенности этой торговли на последнем этапе почти двухвековой истории.

Во-первых, с начала 1860-х гг. Кяхта перестала играть роль общерусского универсального торгового центра на границе с Китаем. Уже Айгунский договор от 16 (28) мая 1858 г. разрешил свободную торговлю подданным обоих государств вдоль новой границы по рекам Уссури, Амуру и Сунгари. Тяньцзинский трактат 1 (13) июня 1858 г. санкционировал русскую торговлю в ряде морских портов Китая и распространил на Россию режим наибольшего благоприятствования в торговле с ним. Наконец, дополнительный Пекинский договор 2 (14) ноября 1860 г. предусматривал свободную торговлю на всем протяжении русско-китайской границы. Согласно этому договору, китайская сторона соглашалась на посещение русскими куп-

цами Пекина с разрешением им торговать по пути в Монголии (в Урге и Калгане). В свою очередь, китайские купцы также получили право торговать в России. В дополнение к этим договорам 20 февраля 1862 г. в Пекине были подписаны «Правила сухопутной торговли между Россией и Китаем» на трехлетний срок, которые затем были продлены в 1869 г. на пятилетний срок с правом продления их на последующих пять лет [10].

Правительство не нашло возможным создавать в Кяхте монополию для обогащения только нескольких крупных коммерсантов и вместо исполнения желания группы кяхтинских купцов разрешило повсеместный ввоз чая в Россию с понижением пошлин, отчего и контрабанда сама собой должна уменьшиться, и потребление чая сделаться более доступным, увеличив вместе с тем доходы казны. До конца столетия чайная торговля будет осуществляться под знаком соперничества на российском рынке чая, доставляемого морем и сухопутным путем, преимущественно через Кяхту [11].

Уменьшению роли кяхтинской торговли как важнейшего фактора русско-китайских экономических отношений способствовало включение стран Дальнего Востока, в первую очередь Китая, в систему мирового хозяйства. Большое значение в этом имели успехи промышленной революции в Европе и Северной Америке, усилившие конкурентоспособность фабричных изделий на рынках стран Дальнего Востока.

Влияние мирового рынка становилось все более действенным и по мере развития торгового флота и средств связи. Так, открытие в 1869 г. Суэцкого канала сократило путь из Англии в Китай почти на треть, соответственно ускорив оборот судов и уменьшив транспортные расходы. Прокладка морского телеграфного кабеля между Лондоном и Гонконгом и установление телеграфной связи Шанхая с Европой и Америкой в 1871 г. сделали более оперативной деятельность английских предпринимателей в Китае. В результате постепенного усиления связей с мировым рынком и неуклонно расширяющейся экономической экспансии западных держав за три десятилетия (1864–1894) объем внешней торговли Китая увеличился со 105 млн до 290 млн таможенных лянов. Анализ многообразных последствий этого процесса для китайской экономики выходит далеко за рамки круга проблем данной работы. Остановимся лишь на тех его сторонах, которые непосредственно повлияли на ход кяхтинской торговли и определили специфику ее развития во второй половине XIX в.

Таможенная статистика второй половины XIX в., безусловно, подтвердила правоту российский фабрикантов, опасав-

шихся ликвидации меновой торговли в Кяхте. Неспособность российской легкой промышленности в режиме свободной торговли полноценно конкурировать на китайском рынке с западными производителями предопределила ярко выраженный дефицитный характер российско-китайской торговли в целом и кяхтинской в частности.

Кяхтинская торговля постепенно теряет значение для общероссийского рынка, перемещая свою активность на освоение и сохранение рынка Сибири. Наконец, приметой постреформенного периода стали чрезвычайные усилия правительства по сохранению сухопутного направления поставок чая на российский рынок. Манипулируя уровнем таможенного тарифа на различных участках поступления чая в Россию, ему удавалось, вопреки экономической целесообразности, сохранять значительные объемы импорта через Кяхту вплоть до постройки Транссибирской железной дороги. Мотивы государственного протекционизма в данном случае можно объяснить стремлением России активизировать восточное направление своей внешней политики, используя все доступные ей в тех условия средства, в том числе реанимируя сухопутное направление российско-китайской торговли через Кяхту. Также обращают на себя внимание активные выступления сибирского купечества в пользу сохранения кяхтинской торговли, которые не могли не оказать влияния на позицию местной администрации и правительства в целом.

Приграничная торговля с Китаем способствовала развитию различных отраслей сибирской экономики: торговли, пушного промысла, транспорта, скотоводства, земледелия, кожевенной промышленности и т. д. Капиталы, вырученные от торговли в Кяхте, вкладывались в добычу золота, пароходства, промышленность и благотворительность.

Так, 1 декабря 1880 г. Николаем Львовичем Родионовым, купцом 1-й гильдии, и Шишеловым, иркутским купцом 1-й гильдии, был заключен «Договор кяхтинских купцов об учреждении пароходной компании “Кяхтинское пароходное товарищество”» [12].

Русско-китайская торговля приносила значительные доходы казне. Во второй половине XVIII в. ее товарооборот возрос в десять раз, составив в 1800 г. более 8 млн р. Если в 1760 г. кяхтинский торг давал в российский бюджет 20,4 % всех таможенных поступлений, то в 1775 г. эта доля увеличилась до 38,5 %. Следует отметить, что из поступающих таможенных сборов часть денег оставалась в самой Кяхтинской таможне. Из пошлинных сумм еще по указу 1783 г. в пользу сибирских городов соби-

ралось по 2 копейки с каждого рубля с китайских товаров и по 1 копейке — с российских. Кроме того, в Кяхте собирался местный сбор — акциденция, которым облагалось каждое место китайских товаров. Эти деньги шли на благоустройство города, содержание его служб, исправление дорог, строительство церквей. В это время в Кяхте широко вели торговлю Торговый дом Собенникова и братьев Молчановых, купец Перевалов, Торговый дом Расторгуевых, кяхтинский купец Алексей Лушников, Торговый дом Евграфа Кухтерий и сыновей [13].

Санкт-Петербургский договор 1881 г. и заключенные одновременно «Правила для сухопутной торговли» в целом подтвердили условия русско-китайской торговли, сложившиеся в начале 1860-х гг. Правила 1862 г., в частности, разрешали беспошлинную торговлю на расстоянии 100 ли (около 50 км) от линии границы как на русской, так и на китайской территориях. Также, согласно этим правилам, русские купцы могли торговать беспошлинно по всей территории Монголии, входившей тогда в состав Цинской империи. В это же время Забайкалье и Амурский край были объявлены порто-франко-местами свободной беспошлинной торговли.

Так как новые условия русско-китайской торговли сделали невозможным эффективный таможенный контроль на границе, в 1861 г. таможня из Кяхты была переведена в Иркутск.

Так закончилась монополия Кяхты в торговле с Китаем.

Морские экспедиции, организованные иркутскими купцами в XVIII в. на Курильские и Алеутские острова, дали для Сибири рынки сбыта многих товаров, в том числе и китайских. Такие иркутские купцы, как Трапезников, Югов, Бичевин, Мыльников и др., принимавшие участие в морском промысле, были связаны с Кяхтой. Эта связь способствовала развитию кяхтинского торгова, так как в Кяхту поступали пушные товары, высоко ценимые китайцами, а «новые земли», открытые купцами, служили местом для выгодной продажи китайских изделий. Большая заслуга в этом отношении принадлежала Григорию Ивановичу Шелехову. «Колумб российский», как назвал его Державин, родился в г. Рыльске в 1748 г. «и в самых цветущих летах жизни начал торговлю в Сибири». В начале 80-х гг. Шелехов договорился с курским купцом Голиковым составить особую компанию сроком на 10 лет. Капитал компании был определен в 70 тыс. р. На эти деньги предполагалось построить два или три судна, которые должны были отправиться «на аляскинскую землю, называемую американскою, на известные и неизвестные острова для про-

изводства пушного промысла и всяких поисков и заведения доброго торго с туземцами.

План Шелехова осуществился. В Охотске были построены три галиота, которые 16 августа 1783 г. вышли в далекий путь. Один из галиотов под названием «Святой Михаил» потерялся. Это заставило Шелехова зазимовать на острове Берингове.

Весной следующего года Шелехов посетил остров Уналашка, где произвел небольшой ремонт собравшихся галиотов, и, запасшись пресной водой, отправился к острову Кадыак. 3 августа 1784 г. суда благополучно прибыли к острову и вошли в гавань, названную по имени судна, на котором находился Шелехов, Трехсвятительской. Сломив сопротивление местных жителей, русские приступили к строительству крепости на новой земле. Заняв остров Кадыак, Шелехов положил основание российским колониям в Америке [14].

В апреле 1787 г. Шелехов прибыл в Иркутск и, как представитель компании, названной им «Американской», явился к иркутскому генерал-губернатору Якобию, которому представил описание своей поездки и попросил возбудить ходатайство перед центральным правительством о предоставлении его компании исключительного права «на производство промысла» в новых землях. Якобий в своем донесении Екатерине II указал на такую необходимость. Компания Шелехова за открытие новых земель и за успех в торговых «предприятиях» получила 200 тыс. р. В Иркутске Шелехов расширил состав своей компании: в нее вошли иркутские купцы Шарапов, Михаил Сибиряков, Илья Сизов, Петр и Иван Мичурины, Андрей Пахолков и др.

Большие успехи компании Шелехова «пробудили ревность» у многих крупных иркутских купцов, которые, в свою очередь, организовали промысловую Иркутскую коммерческую компанию. Во главе ее стал «первостатейный» купец Мыльников, принимавший большое участие в кяхтинской торговле. В 1798 г. эта компания соединилась с шелеховской, составив общий капитал в 724 тыс. р. Через год она была принята под покровительство центральной власти и получила название Российско-американской компании.

3 августа 1798 г. в Иркутске был подписан официальный акт, удостоверявший появление Соединенной американской компании. Двадцать человек, подписавших «акт соединения», принадлежали в основном к богатым и влиятельным в Иркутске купеческим фамилиям. Купцы полагали, что слияние компаний принесет пользу государству и обществу.

В первых строчках устава Соединенной американской компании была сформулирована ее задача: «распространить и

усовершенствовать предпринятое с прошлого 1781 года стараниями именитых граждан, рыльского Шелехова и курского Голикова мореплавание к Северо-Восточной и Северной Америке, к Северным, Алеутским и Курильским островам и к другим местам и землям в северной части Тихого моря лежащим» [15]. Эта задача более подробно изложена в § 1 устава. Верноподданническое усердие купцы считали необходимым проявлять в распространении «греко-кафолической миссии истинного христианства — среди непосвященных американских и островных народов». Поэтому вся коммерческая деятельность должна была быть основана на правилах чести и человеколюбия. «Купеческий промысел» компания намеревалась производить на северо-западе Американского континента и прилегающих к нему островах. Кроме того, допускалось «чинить прииски новых земель и островов в Северном, Тихом и Южном морях лежащих». С согласия монарха планировалось начать мореплавание в Японию и Кантон. Компаньоны выразили уверенность, что Главная контора должна быть неизменно только в Иркутске. Ей подчинялись конторы, находившиеся в Охотске, на Кадьяке, Уналашке и Курильских островах.

Между тем для удобства ведения торговых операций учреждались новые конторы в Якутске, Кяхте и Москве. Главная контора была обязана также информировать императора обо всех аспектах деятельности компании и поддерживать тесные связи со всеми филиалами, руководители которых назначались Главной конторой и были перед ней ответственны.

Некоторые «наиболее важные дела», по мнению составителей устава, директора решать не могли. Они должны были решаться собранием наличных компаньонов. Интересно, что этот параграф устава явился одним из самых непродуманных в правовом отношении, что выразилось не столько в отсутствии разъяснения, что считать «наиболее важными делами», сколько в уведомлении всего за один день о намечаемом собрании; причем необходимость наличия большинства или какого-то определенного количества компаньонов не оговаривалась вообще. Более того, все неявившиеся компаньоны обязаны были подчиняться любым решениям состоявшегося собрания.

Для выполнения директорами их обязанностей «актом соединения» был утвержден штат, состоящий из конторщика, бухгалтера, кассира и некоторого числа подчиненного конторе персонала. Работа этих людей была очень важной, так как акт предписывал им хранить информацию о наличном капитале компании, прибыли, расходах, кредитах, сделках, ассортименте товаров, снабжении (колонияльных постов компании),

о служащих компании, в том числе о размере их жалованья и задолженности, и прочие подобные сведения. Хотя на бумаге структура административного аппарата выглядела довольно сложной, в действительности она была простой [16].

Образование Российско-американской компании произошло тогда, когда ее основоположника уже не было в живых. Шелехов умер 20 июня 1795 г. в г. Иркутске и похоронен в ограде Знаменского женского монастыря. В 1800 г. на его могиле был поставлен памятник, на одной стороне которого высечены стихи Державина:

Колумб здесь русский погребен,
Преплыл моря, открыл страны безвестны,
И зря, что все на свете тлен,
Во океан небесный направил парус свой
Искать сокровищ горних, не земных —
Сокровище благих!

На другой стороне памятника помещено стихотворение Ивана Дмитриева:

Как царства падали к стопам Екатерины,
Росс Шелехов без войск, без громоносных сил
Притек в Америку чрез бурные пучины
И нову область ей и богу покорил.
Не забывай, потомок, что Росс,
твой предок, и на востоке громок [17].

Российско-американская компания имела явные преимущества перед массой мелких компаний. В Петербурге понимали, что Россия пока не в состоянии иметь на Тихом океане ни мощный военно-морской флот, ни первоклассные крепости, ни отборные сухопутные воинские части. Поэтому защиту интересов на Дальнем Востоке самодержавие могло поручить только лишь частным и смешанным компаниям.

РАК получила ряд больших привилегий. Ей отвели для промыслов полосу земли по северо-восточному берегу Америки от 55° северной широты до Берингова пролива, а также Курильские, Алеутские и другие острова Тихого океана.

Компания могла открывать новые земли, заводить на них поселения, вести там торговлю. Ей разрешалось для своих нужд рубить корабельный лес в Охотской области, нанимать рабочих и служащих на семилетний срок, получать от 40 до 50 пудов пороха из Иркутска и до 200 пудов свинца с Нерчинских заводов. Правление компании пользовалось правами

государственного учреждения и имело право «сношений» со всеми местами и должностными лицами. Но самой главной привилегией было то, что компания получала монопольное право на эксплуатацию довольно обширной территории, богатой ценными видами пушнины.

Промышленная и торговая деятельность Российско-американской компании способствовала, до некоторой степени, экономическому развитию Сибири. Вывоз компанией таких ценных мехов, как меха морских бобров и котиков, на русско-китайский рынок увеличивал обороты кяхтинского торгова. Именно кяхтинская торговля, как указывает профессор С.В. Бахрушин, «открыла “верный сбыт” пушным товарам Сибири во владения Российско-Американской компании». Еще в 1797 г. капитал, вложенный шелеховской компанией в русско-китайскую торговлю, был равен 87 079 р. Формально в 1796 г. побережье Аляски с островами стало частью Иркутской губернии, однако контролировалось оно частными компаниями без вмешательства государства.

РАК получила право в течение 20 лет вести пушной промысел на Аляске, Алеутах, Курильских и иных островах и занимать «открываемые ею земли в Российские владения на прежде предписанных правилах». Всем частным промышленникам, не вошедшим в эту компанию, запрещалось на указанной территории заниматься промыслом и торговлей.

Новый император Александр I уделял Российско-американской компании еще больше внимания. Для более жесткого правительственного контроля в 1804 г. был создан временный комитет (с 1813 г. — постоянный совет) из трех акционеров, один из которых назначался царем. В компетенции данного органа находились политические вопросы; коммерческими же делами всецело распоряжалось Главное правление. В конце XVIII и в первые десятилетия XIX в. Российско-американская компания превратилась по существу из торгово-промышленной организации в государственное учреждение по освоению американских владений России.

Российско-американская компания сделала населенный пункт Новоархангельск главным опорным пунктом русского влияния на Американском континенте. Здесь были построены судостроительные верфи, осуществлялся пушной промысел, основная масса продукции которого шла на китайский рынок через Кяхту (и отчасти через иностранных посредников — в Кантон). Компания организовала шесть кругосветных плаваний, научное значение которых трудно переоценить.

К 20-м гг. XIX в. под управлением компании находились обширные владения от острова Итуруп близ берегов Японии до селения Росс в Калифорнии, русское население их составляло 40 тыс. человек.

Главное управление всеми селениями находилось на острове Ситха (Ситка), где жил главный правитель русских колоний в Америке. Главный правитель назначался императором на пять лет из числа кандидатов, представленных Главным правлением Российско-американской компании. Первым главным правителем стал А.А. Баранов. Затем эту должность занимали морские офицеры. Компания контролировалась Морским, а не Коммерц-министерством.

Русские владения в Америке делились на отделы и управлялись конторами во главе с приказчиками. К моменту продажи Аляски существовало шесть отделов: Атхинский, Кадьякский, Курильский, Михайловский, Ситхинский, Уналашкинский.

Компания управляла русскими жителями и местными аборигенами, населявшими Северную Америку. Аборигенное население Аляски и островов обычно подразделялось в документах компании на «действительно зависимых» (островные и береговые алеуты), «полузависимых» (индейцы внутренней Аляски и эскимосы южного и северного ее побережья) и «совершенно независимых» (тлинкиты).

Компания снабжала колонии продовольственными и промышленными товарами, способствовала распространению православия, распространяла медицинские знания, организовывала «образование умственное и техническое», отвечала за развитие народного хозяйства в целом. То есть компанию можно было рассматривать одновременно и как частное предприятие, и как государственное учреждение.

В результате того что торговля в Кяхте пушниной, вывезенной из Америки, стала убыточным делом, Кяхтинская контора была упразднена по решению Главного правления РАК с 1 января 1864 г. Однако торговля с Кяхтой теперь велась через Иркутскую контору РАК. Последующие годы объем торговли был крайне незначителен, а в 1867 г. она совсем прекратилась. Компания перестала существовать в связи с продажей русских владений в Северной Америке США в 1867 г.

Таким образом, объективный ход развития Российского государства показал, что его таможенная политика тесно связана с внутренней и внешней политикой. Охранительная таможенная политика способствовала развитию торговли, покровительствовала развитию промышленного производства.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Таблица 1

Российско-американская компания

Система управления	Основные направления деятельности	Причины упадка
▪ Морское министерство ▪ Глава компании ▪ Акционерное общество (под покровительством императора; император являлся акционером)	▪ Пушная промышленность ▪ Рыбная ловля ▪ Транспортная точка ▪ Взаимодействие с североамериканскими колониями	▪ Истощение пушных и рыбных ресурсов ▪ Сложность управления регионом в силу отдаленности Аляски от центра ▪ Недостаток финансирования и отсутствие долгосрочных перспектив

Таблица 2

Товарооборот кяхтинской торговли

Год	1744	1755	1757	1760	1770	1773	1780	1784	1792	1798	1800
Товарооборот, тыс. р.	580	840	1 333	1 360	2 620	2 251	5 400	6 083	4 940	5 570	8 380

Таблица 3

Численность купцов в Кяхте

Год	1830	1835	1840	1845	1850	1854	1860
Численность купцов	43	122	133	125	92	105	73

Таблица 4

Торговля через таможню на Кяхте

Год	Принятые меры
1820	Приняты «Подтвердительные правила о свободе внутренней торговли»
1822	Разрешен въезд торговцев в кочевья и стойбища инородцев, что стимулировало пушную торговлю
1835	Открылось училище китайского языка, в котором готовили переводчиков для обслуживания торговли
1 августа 1854 г.	Разрешено свободное ценообразование в торговле с Китаем.
1855	Отменены ограничения в обмене товаров, разрешалась закупка товаров на золотую монету

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Единархова Н.Е. Кяхта и кяхтинская торговля (40–60-е годы XIX в.) // Взаимоотношения России со странами Востока в середине XIX – начале XX в. Иркутск, 1982. С. 12–13.
2. Летопись города Иркутска XVII– XIX вв. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1996. С. 262.
3. Единархова Н.Е. Указ. соч. С. 15.
4. Там же. С. 20.
5. О переводе таможи в Иркутск и изменение устава по Кяхтинской торговле с Китаем // Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 153. Оп. 1. Ед. хр. 1.
6. [В. и А. Сибиряковы.] [Летопись г. Иркутска 1652–1763 гг.] // Летопись города Иркутска XVII–XIX вв. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1996. С. 34.
7. Единархова Н.Е. Указ. соч. С. 35–36.
8. Там же. С. 45–47.
9. Там же. С. 48.
10. Там же. С. 53.
11. Там же. С. 40.
12. Договор кяхтинских купцов об учреждении пароходной компании «Кяхтинское пароходное товарищество» // ГАИО. Ф. 480. Оп. 1. Ед. хр. 385.
13. Единархова Н.Е. Указ. соч. С. 67.
14. Силин Е.П. Из истории русской торговли. Иркутск, 1947. С. 182.
15. Тихменёв П.А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и деятельность ее до настоящего времени. СПб., 1861. Ч. 1. Приложение. С. 1–2. Здесь и в некоторых последующих документах компании вместо «северо-восточной» следует читать «северо-западной» (см.: Альперович М.С. Россия и Новый Свет (последняя треть XVIII в.). М., 1993. С. 200).
16. Дмитришин Б. Административный аппарат Российско-американской компании. 1798–1867 // Американский ежегодник. 1993. М., 1994. С. 98.
17. Тихменёв П.А. Указ. соч. Ч. 1. С. 45.

СЛАВНОЕ ПРОШЛОЕ «ПЕСЧАНОЙ ВЕНЕЦИИ» (ИСТОРИЯ КЯХТЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.)

Есть города, значение которых в истории отечества весьма существенно. Одним из них является Кяхта. Его интересное и богатое прошлое давно привлекает внимание исследователей, что объясняется той ролью, которую играл город в истории России. Подъем экономического и политического развития России, образование сильного централизованного государства к середине XVII в. обусловили активизацию внешней политики царизма на востоке [1]. Основание Кяхты явилось следствием продвижения России на восток, расширения российских границ, колонизации Сибири, развития торговли со странами Азии, укрепления границ недавно приобретенных территорий. Нужно отметить роль российского дипломата С.Л. Владиславича-Рагузинского в этих процессах. В августе 1727 г. он заключает Буринский, а в октябре 1727 г. Кяхтинский договоры, которые открыли новую эпоху во взаимоотношениях России и Китая. В том же году С.Л. Рагузинский основал Кяхту на четыре версты южнее Троицкой крепости (впоследствии Троицкосавска), на месте бывшего Барсуковского зимовья, где российские и китайские купцы издавна обменивались товаром [2].

В первой половине XVIII в. Кяхта становится рынком не только для сибирских купцов, но и для купцов из центральной России. В Кяхту приезжали купцы из Москвы, Ярославля, Костромы, Нижнего Новгорода, Суздаля, Вятки, Казани и других городов. Предоставленные льготы, удобства приграничной торговли привлекали сюда многих купцов, тем более, что близость Кяхты к Маймачену (приграничному городу в Монголии) способствовала развитию беспопшлинной торговли. Во второй половине XVIII в. возрастает роль Кяхты в российской экономике. Она становится главным пунктом русско-китайской торговли, дававшей России ряд важнейших преимуществ. Во-первых, Китай был одним из главных рынков сбыта российской пушнины. Во-вторых, из Китая вывозились необходимые для России, а особенно для Сибири товары. Прежде всего это были различные ткани (хлопчатобумажные, шелковые, бархатные), ввоз которых в этот период составлял 60 % всего импортируемого товара.

Для сибиряков большое значение имели такие товары, как сахар, чай, фарфоровая и фаянсовая посуда, лекарства и т. д. В-третьих, торговля с Китаем оказала некоторое влияние на развитие отдельных отраслей отечественного производства, прежде всего суконных мануфактур. Благодаря кяхтинской торговле в Сибири развивались промыслы, судостроение, перевозки [3].

Кяхта издавна привлекала к себе внимание российских и иностранных путешественников. Одними из первых ее посетили ученые: П.С. Паллас, приехавший по приглашению Петербургской академии наук в составе научной экспедиции в 1766 г.; И.Г. Георги, этнограф, натуралист и путешественник; шведский ученый-натуралист Э. Лаксман в 1766–1767 гг., ориенталист Г.Ю. Клапрот в 1805 г. Также в Кяхте побывал французский путешественник, один из основателей Французского Географического общества Ж. Эйрье. Многие путешественники отмечали деловитость, предприимчивость, зажиточность, а особенно радушие и гостеприимство кяхтинцев [4]. Нужно отметить еще одну их характерную особенность. Благодаря жизни на границе Монголии возникло тесное дружеское общение русских с монголами. Как описывают очевидцы, гости Кяхты, в конце XIX – начале XX в. чуть ли не половина населения города работала в Монголии и говорила на монгольском языке. Сообщение между Кяхтой и приграничным Маймаченом было совершенно свободным до 1912 г. Русские выезжали в Монголию по делам, на охоту и рыбную ловлю, на отдых на минеральных источниках (аршанах), на прогулки и экскурсии, выгоняли свой скот на монгольские пастбища. Монголы-возчики, привозившие товары, останавливались в Кяхте, гостили у своих приятелей. По делам, в гости к друзьям русским и бурятам приезжали монголы (ламы, чиновники, князья, араты). Бедные монголы нанимались на работу пастухами, рабочими. Троицкосавский ветеринарный врач А.П. Свечников писал, что в г. Троицкосавске и слободе Кяхте монгола можно было видеть на каждом дворе [5].

В XIX в. основным товаром кяхтинской торговли становится чай. Появляются различные фирмы, конторы и компании по транспортировке и продаже чая. В середине XIX в. торговые обороты в Кяхте достигли 16 млн р. в год, а иногда доходили и до 30 млн. Там было зарегистрировано 54 фирмы. Постепенно вся торговля сосредоточилась в руках наиболее богатых купцов: Лушниковых, Сабашниковых, Кандинских, Старцевых и др. Именно на этот период приходится наивыс-

ший расцвет Кяхты. Она приобретает мировую известность. В столицах Европы Лондоне, Париже, Стокгольме и других городах узнали о «песчаной Венеции». В 1851–1852 гг. городские власти ввели налог, называемый акциденцией. Часть этих денег шла на благоустройство, строительство церквей, шоссе от торговой слободы до Троицкосавска, содержались музыканты, пожарная команда, купеческое собрание (клуб), в котором устраивались пышные балы и пиры. О росте Кяхты свидетельствуют следующие факты. В 1813 г. в городе было 221 здание, в 1825 г. — 498, в 1857 г. — 957, в 1870 г. — 1 016. Городской бюджет зависел от торговли и складывался из сборов с торговых операций, процентов с купеческих капиталов, различных налогов и пошлин с населения. Тем не менее на народное образование, здравоохранение и благоустройство отпускались незначительные суммы. Около половины жителей относилось к мещанам. Большинство из них занималось транспортировкой чая (упаковка, изготовление тары и т. д.). Другой значительной группой населения являлись купцы. В начале XIX в. в городе проживало 80 купцов, в 1861 г. — 500. Постепенно увеличивалась численность других групп населения: крестьян, коренных жителей Бурятии [6].

Кяхта являлась не только крупным торговым, но и культурным центром Восточной Сибири. Здесь жили и работали выдающиеся ученые-востоковеды А.В. Игумнов, О.М. Ковалевский, П.Л. Шиллинг, Н.Я. Бичурин, педагоги и писатели В.П. Паршин, Д.П. Давыдов, ботаник Н.С. Уфтяжинов, энтомолог Н.Н. Попов, врач-литератор А.И. Орлов. В Кяхте часто бывали декабристы Н.А. и М.А. Бестужевы, И.И. Горбачевский, С.П. Трубецкой, И.И. Пущин, К.П. Торсон, С.Г. Волконский, В.И. Штейнгель. Его дом посещали известные путешественники и исследователи Центральной Азии: Н.М. Пржевальский, Г.Н. и А.В. Потанины, Д.А. Клеменц, П.К. Козлов, ученый-геолог В.А. Обручев, американский путешественник Д. Кеннан [7]. В городе бывали известные общественные и политические деятели: М.М. Сперанский, П.А. Словцов, М.А. Бакунин. Общение с декабристами, образованнейшими людьми своего времени, оказало благотворное влияние на местное общество. Благодаря их культурно-просветительской деятельности в Забайкалье появляется круг интеллигентных, демократически настроенных, образованных людей. В 30-х гг. XIX в. любители русской словесности создают здесь литературный кружок. В нем обсуждались вопросы литературы, искусства и политики. В состав кружка входили врачи, учителя уездного учи-

лица, некоторые представители купеческой молодежи, просветитель и поэт Д.П. Давыдов. Возглавляли кружок врач таможен А.И. Орлов и инспектор русско-монгольской школы В.П. Паршин. Они организовали выпуск рукописных изданий «Кяхтинский литературный цветник», «Кяхтинская стрекоза». Активное участие в этом принимали М.А. и Н.А. Бестужевы. По свидетельствам современников, вышло 20 номеров. Декабристы, заключенные в Петровском каземате, были их постоянными читателями [8].

И.И. Попов, известный русский публицист, демократ-народоволец, редактор газеты «Восточное обозрение» и журнала «Сибирский сборник», писал: «Я застал Кяхту в эпоху ее расцвета... В Кяхте многое казалось своеобразным, удивляло и поражало приезжего: и самый поселок миллионеров, и его обитатели, их нравы и обычаи, и соседняя, колоритная Монголия с бесконечной степью и синеющими на горизонте горами, и веяние пустыни... Положение Кяхты на границе не двух, а нескольких культур — европейской, русской, китайской, монгольской и др. — делало этот поселок богачей единственным не только в России, но, вероятно, и во всем мире культурным уголком, брошенным почти на границу пустыни Гоби... А рядом великолепный собор, комфортабельно обставленные апартаменты, картины, гобелены, прекрасные библиотеки, платье от Ворта, из Парижа, из окон льется пение, рояль, скрипка, Моцарт, Бетховен, Чайковский... Кяхтинцы были народ культурный, развитой, много интеллигентнее российского купечества. Многие имели собственные библиотеки, много читали. Это и понятно: кяхтинцам приходилось сталкиваться с людьми различных общественных положений, с иностранцами, учеными, путешественниками» [9].

В сфере культуры и образования здесь сложились свои определенные традиции. По количеству образовательных учреждений Кяхта в середине XIX в. занимала одно из первых мест не только в Сибири, но и в Европейской России. Почти все учебные и благотворительные учреждения были устроены на средства кяхтинского купечества [10]. Первым учебным заведением в Кяхте была школа при пограничной канцелярии, открытая в конце XVIII в. Она готовила переводчиков, давала основы торгового дела. В 1876 г. в Троицкосавске на средства купца М.А. Лушниковой открылось шестиклассное Алексеевское реальное училище с коммерческим отделением — первое мужское учебное заведение в Забайкалье. Купец А. Старцев в 1894 г. пожертвовал свой

двухэтажный каменный особняк отделению Русского Географического общества, а через год в этом же здании разместился Кяхтинский краеведческий музей. В 1897 г. на пожертвования купца М.В. Шишмакова открылось женское приходское училище [11]. В 1862 г. на деньги купцов открылась Троицкосавская женская гимназия. Ими для гимназии был пожертвован дом стоимостью 14 250 р., кроме того, проценты с основного капитала 10 тыс. р., пожертвованного купечеством. При выдаче свидетельства на право торговли с купцов взималась плата в пользу гимназии. Они добровольно платили проценты с вывозимых из Кяхты чаев. В гимназии существовала довольно богатая библиотека. В 1881 г. в ней было 3 290 книг в 5 294 экземплярах [12].

В этот период существовала система попечительства. Многие именитые купцы входили в состав попечительных советов различных культурных и образовательных учреждений. Например, в середине 1870-х гг. купец Я. Немчинов был почетным блюстителем Алексеевского реального училища. В 1880 г. членами попечительного совета училища были купцы А. Лушников, А. Молчанов, М. Перевалов, М. Коковин, И. Сердюков, С. Сибиряков. Почетными блюстителями Троицкосавского уездного училища в 1875 г. были купцы М.Ф. Немчинов, затем М. Осокин [13]. В 1880 г. в попечительный совет Троицкосавской женской гимназии входили: М. Коковин — председатель совета, Н. Молчанов, А. Молчанов, А. Лушников, К. Лушникова, А. Швецов, И. Сердюков и т. д. Попечители занимались материальным обеспечением этих учреждений. Почетный блюститель Усть-Кяхтинского приходского училища купец 1-й гильдии М.В. Шишмаков писал в Кяхтинскую городскую думу: «В течение моего служения содержал учителя монгольского языка с 1869 года по июнь месяц сего 1875 года, для учащихся доставлял бумагу, карандаши, перья и проч., а также разные мелочные по училищу ремонты. Все это стоило мне 1 100 рублей. Сверх сего было выдано смотрителям на библиотеку 225 рублей, кроме сего в нынешнем году на исправление училища и постройку кухни новой с амбаром употреблено 1 200 рублей... а всего в течение шести лет мною употреблено из собственности на Усть-Кяхтинское приходское училище две тысячи пятьсот двадцать пять рублей» [14]. Кяхтинский купец И.Ф. Токмаков в 1879 г. был утвержден почетным блюстителем Троицкосавского уездного училища на три года. В 1880 г. на выписку книг и учебных пособий он пожертвовал 798 р. 27 к. [15]. Эта общественная инициатива была значитель-

ным вкладом в развитие просвещения в Восточной Сибири, тем более, что государство на нужды образования тратило небольшие суммы.

Кроме того, благотворительность кяхтинского купечества была направлена и на строительство православных храмов, впечатляющих современников своей роскошью и красотой (Троицкая, Воскресенская, Успенская церкви). Все храмы, бесспорно, украшали город и способствовали распространению православной ментальности.

Стоит упомянуть литературный салон жены купца В. Сабашникова Серафимы Савватьевны, матери известных русских книгоиздателей М.В. и С.В. Сабашниковых. Глава семьи В. Сабашников был крупнейшим коммерсантом и золотопромышленником, состоял в дружбе с декабристами. Демократические издания А.И. Герцена «Колокол», «Полярная звезда», выходившие в Лондоне, шли через Китай и Сибирь, из Тяньцзина с караванами чая или по русской почте приходили в Кяхту. Здесь их читали и обсуждали. В этом салоне бывали чиновники, писатели, ученые, художники, политические ссыльные, например градоначальник А. Деспот-Зенович, генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Муравьев-Амурский, М. Бакунин, Х. Рейхель, участники польского восстания и др. В 1862 г. в Кяхте издается газета «Кяхтинский листок». В ней публиковались заметки о местной жизни, сведения о торговле, статьи М.А. Бестужева, П.И. Першина-Караксарского, М.А. Зензинова и др., обсуждались проблемы города. Газета печаталась в кяхтинской типографии, ее тираж составлял 300 экземпляров. Первое периодическое издание было большим культурным событием в жизни Кяхты и всего Забайкалья. 30 лет в городе не выходило ни одной газеты. И только в 1896 г. было получено разрешение на издание. Осуществил выпуск И.А. Багашев, историк и литератор, человек незаурядный, преданный журналистике, большой патриот родного края. В 1897 г. вышел первый номер газеты «Байкал». В ней освещались события культурной жизни, печатались обзоры новостей из России и из-за рубежа, местная хроника, критические статьи. Газета поддерживала идеи демократизации общества. В ней была рубрика «Современная летопись Троицкосавска-Кяхты», представляющая и поныне большой интерес для историков и краеведов. Газета отличалась прогрессивной направленностью, и нередко в ней печатались статьи, критикующие политику царизма. Вследствие этого после поражения Русской революции 1905 г. она была закрыта властями [16]. Эти пер-

вые периодические издания принесли несомненную пользу обществу, способствовали развитию края в культурном, просветительском отношении, расширяли кругозор, воспитывали в людях демократичность.

Другим важным культурным событием в жизни города явилась организация общественной библиотеки. В 1887 г. на заседании городской думы было решено открыть общественную библиотеку, ввести умеренную плату и в дальнейшем сделать ее бесплатной. Основанием для нее послужили приобретенные у купца И.М. Немчинова книги на сумму 1 200 р. Также он пожертвовал 223 р. 62 к. Инициаторами создания библиотеки явились И.И. Попов и супруги-народовольцы Н.А. и А.Д. Чарушины [17]. Книги и свои труды в дар библиотеке прислали: исследователь Центральной Азии Н.М. Пржевальский, ученый-геолог В.А. Обручев, бывший градоначальник А.И. Деспот-Зенович. 13 декабря 1887 г. состоялось открытие библиотеки. Это событие совпало с возвращением из Китая Г.Н. Потанина, который прочитал платную лекцию о своем путешествии по Южному Китаю. Сбор с нее в сумме 100 р. ученый пожертвовал библиотеке. В год ее открытия фонд составлял 1 062 книги в 2 540 томах. Обязанность библиотекаря исполнял учитель городского училища А. Хатемкин. Средства на содержание библиотеки складывались из городской субсидии в 300 р., взносов членов попечительного комитета около 1 000 р., абонементной платы от 300 до 4 тыс. р. в год, случайных пожертвований в виде книг, из сборов с благотворительных концертов и лекций, устраиваемых попечителями. Книжный фонд библиотеки состоял из восьми отделов: 1) богословие, 2) история и биографии, 3) сочинения по общественным вопросам, 4) журналы, 5) художественная литература, 6) смесь, 7) драматическое искусство, 8) земледование. Читателями библиотеки были духовенство, учителя, врачи, чиновники, мелкие торговцы и приказчики, рабочие, учащиеся. Большой популярностью у кяхтинских читателей пользовались произведения Л.Н. Толстого, Н.А. Некрасова, В.И. Немировича-Данченко, Ф.М. Достоевского, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, А.Н. Островского, М.Е. Салтыкова-Щедрина; из иностранных авторов — М. Рида, Ж. Верна, Ф. Купера, Э. Золя, В. Гюго, А. Дюма, Ч. Диккенса, В. Шекспира, В. Гете. Постепенно увеличивался книжный фонд библиотеки. В 1893 г. он составлял 3 032 книги в 5 762 экземплярах. Читателей было 326. Выписывалось 37 периодических изданий. В 1905 г. фонд вырос до 7 220 книг в 13 534 экземплярах. Читателей в ней состояло

1 767 [18]. С увеличением доли грамотного населения росла потребность горожан в чтении и самообразовании. Благодаря организации Троицкосавской общественной библиотеки небогатые слои населения (мещане, учителя, учащиеся, рабочие) получили доступ к культурным ценностям.

Не менее значительным учреждением культуры стал Кяхтинский краеведческий музей. Он был основан в 1890 г. по инициативе И.И. Попова, Н.А. и А.Д. Чарушиных, а также преподавателей Троицкосавского реального училища и женской гимназии Н.Н. Сарычева, Н.П. Левина, В.С. Моллесон, М.В. Лисовского, П.С. Михно, А.Н. Орловой и др. Одним из первых коллекционеров и хранителей музея был краевед П.С. Михно. В 1891 г. в музее числилось 310 экспонатов. Официально организация музея была разрешена только в 1894 г. В 1894 г. было официально открыто Троицкосавско-Кяхтинское отделение Императорского Русского Географического общества. Возглавил отделение местный краевед, окружной врач, а впоследствии профессор Краковского университета Ю.Д. Талько-Грынцевич. Для более полноценного научного изучения края было решено объединить силы этих двух научных учреждений. С этой целью музей переходит в ведение отделения Географического общества. В эти годы складываются богатейшие коллекции старейшего музея в Забайкалье. Усилиями членов отделения и сотрудников музея в ходе проведения научно-исследовательских экспедиций было собрано большое количество ценных материалов по географии, ботанике, зоологии, палеонтологии, археологии, антропологии и этнографии. Активными сотрудниками Троицкосавско-Кяхтинского отделения были Ю.Д. Талько-Грынцевич, Г.Н. Осокин, В.С. Моллесон, М.И. Моллесон, Я.С. Смолев, А.П. Мостиц [19]. Созданию музея и отделения РГО в Кяхте содействовали и принимали активное участие в их работе ученые, деятели Восточно-Сибирского отдела ИРГО: Г. Потанин, Н. Ядринцев, Д. Клеменц, В. Обручев, П. Козлов, И. Палибин, В. Котвич, Г. Рамstedт, А. Самойлович и др. [20]. С первых лет существования Кяхтинский музей и отделение ИРГО развивают научные связи со многими ведущими зарубежными центрами (Сиднейский и Берлинский университеты, Парижская Антропологическая школа и т. д.). Безусловно, эти учреждения внесли существенный вклад в развитие науки, культуры и образования в Забайкалье.

С проведением Сибирской железной дороги начинается упадок Кяхты. После ее постройки чай из Южного Китая

везли на пароходах через Владивосток, а оттуда по железной дороге через Сибирь. Его перестали возить через Монголию. В первые десятилетия XX в. большинство старых кяхтинских купцов умерло, дети их выехали, многие фирмы закрылись. Былое благополучие «песчаной Венеции» кануло в прошлое [21].

В заключение необходимо отметить роль Кяхты в политической, социально-экономической и культурной жизни Восточной Сибири. Особенно следует подчеркнуть значение города в активизации внешней политики России на востоке, развитии отношений с Китаем и Монголией, в частности в российско-китайской торговле. Кяхта являлась своеобразным культурным гнездом Забайкалья, в котором были сосредоточены наиболее образованные и демократические силы сибирского общества, оказавшие благотворное влияние на общественно-политическую обстановку в Восточной Сибири. Также нужно отметить наиболее характерные черты кяхтинцев: практицизм, предприимчивость, открытость, демократичность, широту кругозора и гостеприимство.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Чимитдоржиев Ш.Б. Русско-монгольские торговые связи в XVII–XVIII вв. // Кяхте — 250 лет: сб. ст. Улан-Удэ, 1978. С. 80.
2. Тугутов Р.Ф. Прошлое и настоящее города Кяхты: (краткий очерк). Улан-Удэ, 1954. С. 5, 18–21.
3. Силин Е.П. Кяхта в XVIII веке. Из истории русско-китайской торговли. Иркутск, 1947. С. 19, 53, 65, 71, 83, 84.
4. Евдокимова С.В. Русские и иностранные путешественники XVII – I пол. XIX в. в Кяхте // Краеведческий сборник. Улан-Удэ, 1995. Вып. 2. С. 33, 34, 35.
5. Даревская Е.М. Изучение Монголии Троицкосавско-Кяхтинским отделением Русского Географического общества // Труды Кяхтинского музея им. акад. В.А. Обручева и Кяхтинского отдела Географического общества СССР. Улан-Удэ, 1961. Т. 18. С. 60, 61.
6. Евдокимова С.В. Хозяйственная жизнь и население города Кяхты в XIX в. // Кяхте — 250 лет: сб. ст. Улан-Удэ, 1978. С. 70, 76, 77.
7. Кяхта. Памятники истории и культуры: Путеводитель / сост. Е. Попова. М., 1990. С. 15.

8. Андреев В.И. Д.П. Давыдов — выдающийся учитель и просветитель // Выдающиеся учителя и просветители Бурятии. Улан-Удэ, 1961. С. 32, 33.
9. Попов И.И. Минувшее и пережитое. Сибирь и эмиграция: Воспоминания за 50 лет. Л., 1924. С. 7, 8, 11.
10. Осокин Г.М. На границе Монголии. СПб., 1906. С. 25.
11. Голубев Е.В. Купцы — меценаты // Былого память воскрешая: историко-краеведческие очерки. Улан-Удэ, 2004. С. 11.
12. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 261. Оп. 1. Д. 275. Л. 154, 156 об.
13. Там же. Л. 44, 52, 106; Д. 54. Л. 8.
14. Там же. Ф. 261. Оп. 1. Д. 275. Л. 151; Д. 54. Л. 17.
15. Там же. Ф. 172. Оп. 1. Д. 352. Л. 31, 39.
16. Петряев Е.П. Живая память. М., 1984. С. 156–160; Он же. Кяхтинский листок: К столетию первой забайкальской газеты. Улан-Удэ, 1963. С. 5, 6, 8.
17. НАРБ. Ф. 349. Оп. 1. Д. 16. Л. 19 об., 20.
18. Там же. Ф. 261. Оп. 1. Д. 725. Л. 36–38, 41, 42, 64; Ф. 349. Оп. 1. Д. 16. Л. 25.
19. Тугутов Р.Ф. Старейший музей Забайкалья. Улан-Удэ, 1954. С. 33–35.
20. Даревская Е.М. Указ. соч. С. 62.
21. Обручев В.А. От Кяхты до Кульджи. Путешествие в Центральную Азию и Китай. 3-е изд. М., 1956. С. 14.

РОЛЬ КЯХТЫ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ СИБИРИ

Исторически так сложилось, что Кяхта стала ключевым пунктом в торговых отношениях России и Китая. Знаменитый чайный путь начинался именно с нее. До того как в 1869 г. был введен в эксплуатацию Суэцкий канал, через Кяхту-Троицкосавск осуществлялся транзит чая из Китая в Россию и Западную Европу.

Время основания Кяхты восходит к 1727–1728 гг. Первоначально С.Л. Владиславич-Рагузинский на берегу р. Кяхты при впадении в нее Малой Кяхты основал Ново-Троицкую крепость, впоследствии — город Троицкосавск. Возведение торговой слободы Кяхты относится к 1728 г., времени подписания торгового договора между Россией и Китаем. В 1809 г., в соответствии с указом Александра I, слобода Кяхта была определена как место проживания купечества, все же остальные сословия должны были жить в Троицкосавской крепости. Это дало мощный импульс для развития города, получившего официальное название Троицкосавск. К середине XIX в. в нем насчитывалось 54 торговые фирмы, которые были известны далеко за пределами России [1]. В 1934 г. Троицкосавск был переименован в связи с объединением с торговой слободой Кяхта.

Кяхта являлась единственным пунктом, через который совершалась льготная русско-китайская торговля. По мере возрастания интереса к чаю у населения европейских стран и России она приобрела особую известность. Именно этот аспект во второй половине XIX в. сыграл определяющую роль в выдвижении ее в число крупных культурных центров Забайкалья.

В России употребление чая зафиксировано с 1640-х гг., но особых размеров оно достигло только в начале XIX в. Приход его из Китая — древнего центра культуры чая, который стал главным предметом торговли, был вполне очевиден. Российской казне караванная торговля чаем первоначально принесла существенную выгоду (караваны Байкова, Перфильева, Аблина), что побудило правительство к более широким торговым контактам с южным соседом. Следует отметить, что торговля России и Китая изначально строилась на взаимовы-

годных отношениях: первая рассматривала китайский рынок достаточно перспективным для сбыта пушнины, а второй полагал российский рынок выгодным для реализации шелка и чая.

Путь от Тобольска до Пекина был долгим и опасным, поэтому российские подданные — посол Спафарий и торговый человек Никитин — проложили новый путь — через Забайкалье и Иркутск. Торговые отношения России и Китая выстраивались неоднозначно: с запретом частной торговли государственная караванная торговля, в силу ее нестабильности, большого дохода не принесла. Так, в период 1693–1728 гг. 11 караванов вывезли товаров на сумму около 1 160 р.

Новая эпоха взаимоотношений России и Китая началась в 1727–1728 гг., когда Рагузинскому удалось заключить Буринский, а затем Кяхтинский договоры, ставшие правовой основой взаимоотношений России и Китая вплоть до середины XIX в. Начало кяхтинской торговли принято датировать 1728 г., когда из Пекина прибыл русский караван.

В середине XVIII в. контрабанда пушнины в Китай нанесла серьезный урон караванной торговле, которая постепенно пришла в упадок. Экстренные меры, принятые на государственном уровне, как-то отмена казенной монополии на торговлю пушниной и внутренних таможен, способствовали оживлению, а затем и развитию торговли в Кяхте. Предметом экспорта из Китая являлись хлопчатобумажные ткани, шелк, сахар, чай. Из России вывозилась пушнина. Постепенно с увеличением товарооборота в числе российских товаров существенное место стали занимать сибирские кожи.

Во второй половине XVIII в. на правительственном уровне были приняты меры, способствовавшие развитию Кяхты. В 1743 г. было дано разрешение селиться в Кяхте всем желающим, «не положенным в подушный оклад, если они не беглые крестьяне или солдаты», с освобождением на несколько лет от уплаты податей и рекрутского набора. С 1745 г. разрешение на поселение в Кяхте получили купцы, ремесленники и крестьяне из Московской, Казанской, Архангелогородской губерний и сибирских городов. Купцы Европейской (в 1754 г.) и Азиатской (в 1769 г.) России получили право уплачивать пошлину в Кяхтинской таможене не деньгами, а векселями. Купцам Европейской России, торговавшим в Кяхте, срок уплаты пошлин по векселям в Москве и Петербурге был продлен в 1781 г. до года (с платежом 6 %), а в сибирских городах — до 9 месяцев (с взиманием 4 %) [2].

В конце XVIII в. сибирский капитал основывался на кяхтинской торговле. Купцы, мещане, крестьяне, казаки, жившие вблизи границы, имели возможность вести торговлю продуктами скотоводства и земледелия. Дополнительный доход они получали за счет извозного промысла, в котором была занята огромная масса людей, обеспечивавших работы по загрузке, ремонту дорог, содержанию лошадей и прочие услуги.

Кяхтинская торговля стимулировала развитие сибирских ярмарок, которые постепенно вовлекали в свою орбиту аборигенное население, не только приносили прямую экономическую выгоду, но и знакомили с особенностями культурного развития соседей. Так, в середине XVIII в. при Онинском зургане у хоринских бурят с разрешения местного тайши стали проводиться ярмарки, в которых принимало активное участие кяхтинское, селенгинское и верхнеудинское купечество. Предметом торговли являлись, с одной стороны, китайские чай, табак, шелк, лаковая столовая посуда, с другой — пушнина, кожи, сало, говядина. В 1769 г. товарооборот такой ярмарки составил 150 тыс. р. [3].

В Европейской России с середины XVIII в. начинается увлечение «китайщиной», которое исходило от императорского двора и способствовало невероятной популяризации ввозимых товаров. Известно, что императрица Елизавета Петровна устраивала аукционы по распродаже китайских редкостей, которые привозили в Петербург казенные караваны. Ее увлечение продолжила Екатерина II, обладавшая изрядной коллекцией китайских предметов роскоши: шелковыми тканями, коврами, картинами, фарфоровыми и лаковыми изделиями и др. Придворная знать старалась подражать императрице. Так, граф Я.В. Брюс являлся хозяином коллекции из более чем 200 китайских предметов [4].

Уже в XVIII в. благоприятное влияние кяхтинской торговли на экономику России стало очевидным. С середины XVIII в. за счет завоза чая Китай поглощал 60 % экспорта и давал 43,8 % импорта в «азиатской торговле» России. Чай доставляли из Сибири до Перми, где грузили его на суда, а затем по Каме и Волге везли в Нижний Новгород, отгрузив по пути часть товара в Казани.

В 60-е гг. XVIII в. торговля в Кяхте составляла 7,3 % внешнеторгового оборота России. К концу царствования Екатерины II только таможенные сборы от кяхтинской торговли достигали 1 млн р. ежегодно (50 % всех собираемых госу-

дарством пошлин), или 2 % государственного бюджета того времени.

Таким образом, осуществлялась взаимовыгодная меновая торговля, которая стимулировала быстрое развитие ряда отраслей отечественной мануфактуры. Так, на китайский рынок попадало 53 % экспортируемой выделанной кожи мелкого рогатого скота, сафьяна и юфти [5]. В 1757–1762 гг. Россия променяла в Кяхте собственных и иностранных товаров на 2,85 млн р.; в 1796–1800 гг. — на 1,55 млн р.; в 1850-х гг. торговый оборот достиг 16 млн, а в 1860-е гг. он уже составлял 30 млн р. в год. В кяхтинской торговле Россия выступала в роли страны с развитым производством, так как ввозила преимущественно сырьевые товары, а реализовывала товары промышленного производства. В 1875 г. было ввезено товаров на 0,13 млн р. и экспортировано на 5 млн р. В 1880-е гг. при общем ежегодном ввозе в страну 2 млн пудов кирпичного чая через Иркутскую таможню проходило около 0,8 млн пудов.

Первоначально главную роль в русско-китайской торговле играло государство, реализовывая свое монопольное право через отправку в Пекин в конце XVII — начале XVIII в. казенных торговых караванов. Подобные действия вскоре стали приносить убытки казне. Потому в 1728 г. было принято решение о разрешении частной торговли в Кяхте, а с 1762 г. отменены казенные караваны. Эти меры правительства способствовали стремительному взлету иркутского и кяхтинского купечества.

С 1768 по 1774 г. число кяхтинских купцов возросло с 380 до 488, а цеховых — с 874 до 908. В результате увеличения постоянного торгово-ремесленного населения в Кяхте в 1774 г. возник магистрат. Расширилась и застройка. В 1772 г. в Кяхте деревянный гостиный двор насчитывал уже 60 лавок и тогда же был заложен каменный гостиный двор; имелись церковь, казармы, гауптвахта, комендантский дом, амбары, таможенный двор (с 26 таможенными чиновниками), казенные дома для приезжих купцов и около 120 обывательских домов.

Кяхтинское купечество владело монополией на чайном рынке России, что позволяло ему устанавливать такие цены, которые не только компенсировали огромные накладные расходы и пошлины, но и обеспечивали получение высоких доходов. Продажная цена (оптовая) часто превышала тарифную в 4–6 раз. Китайский чай, доставляемый кяхтинцами, являлся своего рода индикатором торговых операций на внутреннем рынке России. На Нижегородской ярмарке, куда стека-

лись купцы со всей России, Сибири, Средней Азии, Персии, Кавказа, частью из Западной Европы и Америки, торговля не считалась начавшейся, пока не происходила реализация китайского чая. Вырученные средства использовались для приобретения отечественных мануфактурных товаров для китайского рынка [6]. Разрешение на продажу чая в Кяхте за деньги (1855 г.) негативно сказалось на российской, в том числе татарской кожевенной промышленности. Когда в 1862 г. чай начали доставлять водным путем, что обходилось в два раза дешевле, кяхтинский чай перестал быть главным рычагом Нижегородской торговли [7].

В Кяхте велась оживленная мелочная торговля, которая привлекала значительное количество мелких предпринимателей и «являлась для них единственной возможностью выйти на внешний рынок». Следует отметить, что торговые отношения с Китаем этим не исчерпывались, в приграничных районах процветала контрабандная торговля. Это существенно расширяло круг участников торговых операций, способствовало развитию межобластных связей и росту капитала [8].

В 1768–1785 гг. в числе предметов, имевших приоритет на импорт через Кяхту, значительное место занимали китайские хлопчатобумажные и шелковые ткани, составлявшие почти 2/3 всего ввоза. Расширение импорта стимулировало развитие китайской хлопчатобумажной и шелковой промышленности.

Что касается экспортируемых российских товаров, то до отмены государственной монополии на вывоз пушнины купечество реализовывало через Кяхту кожи и кожевенные изделия, скот, грубошерстные сукна, овчины, овчинные шубы, железные товары. С 1762 г. пушнина стала занимать доминирующее положение среди товаров, вывозившихся купцами, и в 1768–1785 гг. составила 85 % общего вывоза. Достаточно высокий спрос в Маньчжурии и Китае на российскую пушнину стимулировал развитие пушных промыслов в Сибири и способствовал втягиванию коренного и русского населения края в товарно-денежные отношения.

В начале XIX в. произошло существенное увеличение вывоза российских товаров за счет новых «предметов сбыта», которые поставляла развивавшаяся в России промышленность [9]. В 1825 г. русский вывоз на Восток составил 11 853 р., в том числе в Китай — 35,1 %.

К концу XVIII в. оборот кяхтинской торговли достиг 10 млн р., «что по стоимости было эквивалентно 1/6 бюджета».

В этот период в Кяхте проживало немногим более 3 тыс. человек, 20 из которых являлись миллионерами. В 1855 г. совокупный капитал кяхтинских предпринимателей превысил 160 млн р., что делало Кяхту крупнейшим торговым и финансовым узлом государства.

Таким образом, расцвет кяхтинской торговли принято датировать концом XVIII – первой половиной XIX в. В этот период товарооборот вырос на 90% и достиг к 1874 г. 16 млн р. Затем последовали застой и постепенное снижение объемов торговли [10]. Исследователи называют XIX в. «золотым веком» в истории Кяхты. В этот период она являлась не только центром международной торговли России, но и культурным центром Забайкалья [11]. Русские купцы, успешно осуществляя торговые операции, получали огромные прибыли, что позволяло им вкладывать средства в общественно полезные дела. В Кяхте жили и занимались торговлей богатейшие люди Сибири А. Лушников, Н.В. Сабашников, И.А. Нерпин, М.В. Шишмаков, И.А. Молчанов и др. [12].

Богатое кяхтинское купечество имело собственные предприятия либо участвовало в крупных предприятиях по всей Сибири. Так, купец 1-й гильдии Я.А. Немчинов помимо участия в русско-китайской торговле являлся владельцем золотых приисков в Восточной Сибири, имел пароходство на Байкале. Он делал крупные пожертвования на общественные и благотворительные цели: в 1844 г. — на основание общественного банка в Кяхте, в 1868 г. — на основание такого же банка в Таре, на благоустройство Иркутска и постройку театра, на пособия бедным жителям и детским приютам Тары и др. [13].

В Кяхте функционировало девять учебных заведений, которые содержались местным купечеством. В 1835 г. по инициативе известного синолога Н.Я. Бичурина была открыта школа китайских переводчиков.

Итак, более полутора веков Кяхта являлась важным торговым центром Российской империи. Прямо или косвенно она стимулировала развитие многих отраслей сибирской экономики, особенно в Восточной Сибири: пушного промысла, транспорта, скотоводства, земледелия, кожевенной промышленности. Безусловно, кяхтинская торговля сыграла свою положительную роль в хозяйственном развитии Сибири и России в целом. На протяжении всего торгового чайного пути огромные массы людей были вовлечены в его обслуживание. Торговля с Китаем сыграла важную роль в становлении крупного сибирского предпринимательства, внесшего свой суще-

ственный вклад в культурное развитие края, выступая в роли меценатов и благотворителей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Нагайцева Н.Д., Манзырева Е.С. Деятельность Я.А. Немчинова и его сиропитательная ремесленная школа в г. Троицкосавске (1886–1917 гг.) // Историко-культурное и природное наследие: проблемы сохранения, трансляции и подготовки кадров: материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Улан-Удэ, 26 ноября 2004 г. Улан-Удэ, 2004. С. 168–169.

2. История Сибири. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. Л., 1968. С. 277.

3. Летопись города Иркутска XVII–XIX вв. / сост. и науч. ред. Н.В. Куликаускене. Иркутск, 1996. С. 205–206.

4. Даревская Е.М. Декабристы в Сибири и соседние страны Востока — Китай и Монголия. Иркутск, 2007. С. 13.

5. Свердлова Л.М. Казанская губерния в системе Великого Волжского пути // Великий волжский путь: прошлое, настоящее, будущее / под ред. А.Г. Гранберга. Казань, 2005. С. 127.

6. Мельников П. Нижегородская ярмарка в 1843, 1844, 1845 годах. Нижний Новгород: губерн. тип., 1846. С. 249.

7. Рожкова М.К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй половине XIX в. и русская буржуазия. М.; Л., 1949. С. 349–350; Свердлова Л.М. Указ. соч. С. 126–127.

8. Шахеров В.П. Взаимоотношение народов России, Сибири и стран Востока: история и современность // II Международная научно-практическая конференция 23–26 сентября 1997 г. ... С. 2.

9. Рожкова М.К. Указ. соч. С. 36–39.

10. Шахеров В.П. Указ. соч. С. 3–6.

11. Евдокимова С.В. Социально-экономическое развитие Верхнеудинска в XVII–XIX вв. // Улан-Удэ в прошлом и настоящем. Улан-Удэ, 1996. С. 33.

12. Нагайцева Н.Д., Манзырева Е.С. Указ. соч. С. 169.

13. Зуев А.С. Сибирь: вехи истории (XVI–XIX вв.). Новосибирск, 1998. С. 311–312.

**РУССКАЯ АМЕРИКА В ИРКУТСКЕ
(ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ КОММЕРЧЕСКИХ ИНТРИГ
ИРКУТСКИХ КУПЦОВ XVIII В.)**

История освоения Русской Америки насчитывает не один десяток направлений; чаще всего освещаются вопросы, связанные с историей освоения Аляски, с персоналиями и причинами продажи владений Российско-американской компании в 1867 г. Поэтому история РАК излагается линейно, по хронологии, большинство фактов отражают специфику вертикали имперской политики России. Уровень культурного понимания проблемы через образы современников, которые по-своему воспринимали действительность и придерживались других точек зрения на Русскую Америку, до сих пор отодвинут на задворки исторического мышления. Слово «домыслы» — характерно для истории Русской Америки, когда речь заходит не о привычном официальном петербургском взгляде на суть вопроса, а о конкретном собрании фактов, предметов и фрагментов частной жизни лиц, связанных с русскими заокеанскими владениями.

Приведем два конкретных примера таких придуманных образов.

1. Аляска — это волшебное место, где перед взором туристов калейдоскопом промелькнут все амплитуды климатических и визуальных переживаний. Суша Аляски похожа на таежные просторы Сибири, а море сложным рельефом прибрежной полосы напечалит, как непрост для понимания русский человек. Россия продала Аляску, и на протяжении уже 160 лет в России продажа Аляски является занозой, отравляющей восприятие исторического прошлого на всех уровнях общественного и политического менталитета.

2. В отечественной академической прессе в последние 10 лет интенсивно обсуждаются возможные варианты социально-политических мероприятий по упрочнению, а быть может, и экономической интеграции россиян и американцев на территории Северного Ледовитого океана. В рамках такой интерпретации «история Российской Аляски» перестает быть историей о продаже земли и становится одной из составных частей истории территориального развития России.

Эти образы живут в истории, потому что востребованы (в основном по политическим мотивам), имеют реальное воплощение (сожаление об утраченных возможностях), выполняют познавательные функции (сослагательные мотивы в истории всегда привлекали внимание больше, чем реальный факт). Именно по этой причине тема Русской Америки в Иркутске изучена намного меньше, поскольку эта история связана с именами купцов, чья биография мало напоминала историю, изложенную в эпохальной рок-постановке про «Юнону и Авось», наш современник знает о Николае Петровиче Резанове и Кончите, о министре коммерции Н.П. Румянцеве, о Калифорнии, но ничего не знает об «Американском» Иркутске.

«Иркутскую Америку» можно воспринимать двояко: в узком смысле слова — все, что связано с РАК [1], и в широком — все, что связано с понятием «Америка» как с тихоокеанской политикой России [2]. Но в обоих случаях героями рассказа становятся сибирские купцы. Сегодня в областном центре насчитывается 14 памятных мест, связанных с деятельностью Российско-американской компании, и одно из них — дом Мыльников — вполне может претендовать на образ-легенду, которая сосредоточит в себе два смысла «иркутской Америки».

Русская экспансия на восток, в основном не подкрепленная ничем, кроме торговых интересов иркутского купечества, приводила к колонизации американского края через торговые фактории, но не через переселения. Россия к востоку от Урала была больше похожа на безлюдную тайгу, нежели на страну. Особенно выпукло это видно на историческом прошлом Русской Америки. Присоединенные ради экономических интересов сибирского купечества, эти территории плохо вписывались в рамки имперской политики. Бескрайнюю американскую периферию невозможно было удерживать только силовыми рычагами. В итоге это приводило сначала к утрате экономического контроля над территорией, а затем могло повлечь потерю политического влияния. Попытки приостановить, а быть может изменить, превратный ход истории в конце XVIII — начале XIX в. предприняли известнейшие на Аляске люди: Г.И. Шелихов, его ставленник А.А. Баранов и излишне поэтизированный карьерист Резанов. Их жизненные пути пересекались с Иркутском.

Роль Иркутска была predetermined его месторасположением. По своим природным условиям Восточная Сибирь являлась поставщиком пушнины. В крупномасштабных объемах эта деятельность началась после Второй Камчатской экспе-

диции В.И. Беринга. Воспользовавшийся ее итогами иркутский купец Е. Югов в 1748 г. получил право монопольного использования пушных богатств на Командорских островах. Пятью годами раньше на этих же островах организовал свой промысел Никифор Алексеевич Трапезников, затем появился Иван Бичевин. В 1761 г. судно «Гавриил», принадлежавшее Бичевину, впервые достигло Американского материка. Купец Трапезников организовал к этому побережью 22 экспедиции, что составляло пятую часть всех походов сибирских промышленников. Во время экспедиций были сделаны открытия многих островов Алеутской гряды, дано их описание.

Постепенно Иркутск превращается в ведущий картографический центр России. В 1766 г. появляется карта Сибири, на которой было изображено побережье Аляски и ближайших островов. Выполнил эту работу секунд-майор М. Татарников, преподававший картографию в иркутской навигационной школе.

Купцы рисковали. Вкладывая в экспедиции половину, а часто и весь свой капитал, при кораблекрушении или при нападении туземцев на ясачные зимовья они полностью разорялись. Кроме того, практически ни один из купцов не мог в одиночку осуществлять морской промысел. Так родилась идея создания торгово-промысловой компании на паях. Инициаторами монопольной компании выступили иркутские купцы, проживавшие в Иркутске и занимавшиеся добычей пушнины на Аляске.

А.Н. Ермолаев утверждает, что среди 20 торговых домов, ставших учредителями Российско-американской компании, было 15 иркутских купеческих семей, на долю которых приходилось около половины всего «складственного капитала» компании, составлявшего в общей сложности 723 тыс. р. Иркутский исследователь А.В. Дулов называет другие цифры: 18 купцов, учредивших компанию, из которых 14 были иркутянами. Расхождение в цифрах могло возникнуть из-за причисления одного или нескольких купцов сразу к двум и более городам, что не раз встречалось в Иркутске. На эту особенность указывал в свое время один из первых исследователей Русской Америки П. Тихменев [3].

Наиболее колоритной фигурой среди тех, кто в Иркутске имел отношение к промыслу на Алеутских островах, а затем вошел в число пайщиков компании, был иркутский купец Николай Прокопьевич Мыльников. Он и его сыновья Дмитрий, Яков и Михаил владели 132 акциями, что составляло 18 % всего капитала компании. В 1799 г. Мыльников продал

5 акций купцу А.М. Мясникову, а томскому купцу Шумилову было выделено 12 валовых паев из капитала Голикова. Таким образом, Шумилова стали считать иркутянином. Наряду с Мыльниковыми крупным паем компании владели наследники Г.И. Шелихова купцы И.Л. Голиков и Е.И. Деларов. Формально они не имели статуса иркутских купцов, но проживали в Иркутске. Примечателен и другой факт: первоначально, до 1799–1801 гг., когда была произведена реорганизация компании с последующим наплывом в нее дворянской аристократии, в числе пайщиков не было высокопоставленных чиновников и компания имела чисто купеческий характер. Ее центром был Иркутск. Данное обстоятельство не было игрой случая или временным маневром промыслового капитала, а являлось закономерностью в экономическом развитии русской тихоокеанской политики, полностью построенной на использовании частного капитала для закрепления позиций империи на востоке. Это подтверждает следующий факт: в ходе промыслового освоения тихоокеанских островов наметились перспективы установления торговых связей с Японией, договор о составлении компании для «первоначального опыта торговли с Японией» (1796 г.) подписали 34 иркутских купца [4]. На этот же факт указывал исследователь А.А. Преображенский, когда давал характеристику сибирским держателям акций РАК [5]. В уже выше упомянутой работе А.Н. Ермалова список А.А. Преображенского был уточнен и дополнен. Приведем этот отрывок полностью:

«Акт соединения подписали два десятка предпринимателей. Крупные пакеты акций оказались в руках наследников Г.И. Шелихова (жена Наталья Алексеевна с детьми и родственниками) и иркутских купцов Мыльниковых (глава семейства Николай Прокопьевич и его дети). Значительные пакеты акций имели иркутские купцы Мичурины (глава семейства Петр Дмитриевич и его дети) и Дудоровские (братья Степан, Федор и Иван Федоровичи и их дети). Кроме того, акционерами Соединенной американской компании стали курский купец Иван Ларионович Голиков; иркутские купцы Семен Алексеевич Старцов, Емельян Григорьевич Ларионов, Андрей Павлович Литвинцов, Лаврентий Иванович Зубов, Алексей Федорович Останин, Петр Федорович Иванов, Иван Михайлович Киселев, Ефим Никитич Сухих, Прокопий Иванович Давыдов; московский купец Евстрат Иванович Деларов».

К 1814 г. в списке больших акционеров компании (имевших 100 и более акций), включавшем 15 человек, значи-

лось лишь две сибирские купеческие фамилии — Мичурины и Старцовы, а в целом среди 158 акционеров компании, имевших право голоса (обладатели 10 и более акций), сибирских купцов было немногим более десяти: П.Ф. Шумилов, М.А. Мыльников, М. Сибиряков, И.В. Оболтин, Ф.Е. Сизых, С.А. Шелихов, Литвинцовы, Мясниковы, Нерпин, Е.Ф. Ларионова, Л.И. Зубов и некоторые другие. Этим лицам принадлежали не только паи компании, но и ремесленные предприятия, снабжавшие своей продукцией русские поселения на Аляске [6].

Это позволяет выделить в истории Русской Америки иркутский период, предшествующий организации РАК, а именно с 1740-х по 1799 г. — время, когда Иркутск по своему функциональному назначению и по концентрации купеческих капиталов, использовавшихся в морских промыслах на Алеутских островах, был первой столицей Русской Америки. Например, во время организации «Американской соединенной компании» из 18 подписавших купцов 14 были иркутянами [7], многие семьи которых за полвека до этой даты осваивали русскую Аляску, строили Иркутск и бороздили просторы северной части Тихого океана [8].

После 1799–1801 гг. история Русской Америки в Иркутске может рассматриваться только в рамках Иркутской конторы РАК, т. е. как один из административно-контрольных институтов в цепочке получения доходов (от С-Петербурга до Ново-Архангельска). На это обстоятельство указывают данные по контент-исследованию документов, собранных в сборнике «Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского севера, 1815–1841 гг.» [9]. После 1815–1822 гг. какой-либо статистический анализ документов РАК, связанных с деятельностью иркутского купечества, вообще затруднительно проводить, так как упоминания малочисленны и неконкретны. Из всех выше указанных имен купцов, которые стояли у истоков зарождения РАК, к концу 1820-х гг. в социальной памяти иркутян сохранились только имена потомков Шелихова, Мыльниковых, Дударовских, Сизых [10]. В первую очередь это связывалось с интригами, которые разворачивались между купеческими кланами за право руководства компаний.

Наиболее выдающаяся деятельность в этом направлении принадлежала Н.П. Мыльникову. Николай Прокопьевич Мыльников основал в Иркутске коммерческую компанию по добыче пушнины на Аляске и в Тихом океане, построил в 1791 г. один из первых частных каменных домов, в этом же

году организовал работу кожевенной фабрики и вместе с братом Петром стал пайщиком в делах Г.И. Шелихова. В своих коммерческих предприятиях Мыльников походил на первого русского правителя Аляски — А.А. Баранова. Баранов, точно так же как и Мыльников, был поставлен перед необходимостью организации отлаженной промысловой деятельности при нулевом ресурсе и экстремальных условиях жизни. У них не было высоких столичных покровителей, как у Шелихова, и им было не до фантазий, какие позволял себе Шелихов. Мыльникову пришлось организовывать корпорацию промышленников, когда среди ее крупных пайщиков и руководителей-владельцев не было единства мнений. В данной ситуации реализовать все предлагаемые идеи и предложения было физически невозможно. Поэтому, расплачиваясь по процентам, оставшиеся средства Мыльников вкладывал в важнейшие предприятия (чайную торговлю, кожевенное производство), позволявшие охватывать все азиатско-тихоокеанское направление внешней политики России. Это позволяло Иркутской конторе РАК контролировать доходные операции на уровне готового выхода: Кяхта — торговля с Китаем, промысел в Охотском море, деловые сношения с испанцами в Мексике, не говоря уже о регулировании отношений на Аляске.

Организованная Мыльниковым промысловая Иркутская промышленная коммерческая компания успешно конкурировала с Американской компанией Г.И. Шелихова.

К концу XVIII в. в городе было два каменных жилых дома. Из них один дом известен мало и является белым пятном иркутского краеведения. Это дом купца Мыльникова. По одному из преданий, дом Мыльникова на протяжении семи лет действия Иркутской конторы Российско-американской компании был ее штаб-квартирой.

Дом построили в 1791 г., о чем в иркутской летописи имеется запись: «Сего лета окончен строением каменный дом иркутского купца Мыльникова» на углу Луговой и Мыльниковской улиц (в настоящее время это угол улиц Марата и Чкалова). Мыльников удачно выбрал место для дома в центре города. Достоверно пока неизвестно, сколько этажей было в этом доме, вероятнее всего, он был одноэтажным. До покупки РАК дома на ул. Спасо-Лютеранской (ныне ул. Сурикова, 24) для Иркутской конторы компании дом Мыльниковых считался неофициальным центром американской промысловой деятельности купцов [11].

Особый статус дом Мыльниковых среди прочих купеческих домов имел по той же причине, по которой, например,

позднее дом купца и известного иркутского литератора Василия Николаевича Баснина стал центром притяжения иркутского купечества, недовольного злоупотреблениями местных чиновников [12]. Достоверно известно, что в доме Мыльниковых критиковали деятельность временщика — сибирского губернатора Н.И. Трескина, притеснявшего купечество. Среди недовольных политикой местных чиновников были купцы Трапезниковы, Дудоровские, Киселевы. В стенах дома Мыльникова обсуждали специальный доклад императрице Екаторины II, подписанный А.Р. Воронцовым, Г.Х. Минихом, И.А. Сомойловым, в котором высказывалась просьба о поддержке промысловой деятельности иркутян в Тихом океане и монополий. После своей поездки в Японию в гостях у семьи Мыльникова побывал сын Э. Лаксмана (одного из организаторов экспедиции) — Адам. Собственно, этот случай и стал поводом считать дом Мыльниковых центром притяжения всех заокеанских мероприятий.

Тем временем наследники Шелихова начали доминировать во всех североамериканских промыслах. Их противники и оппоненты были вынуждены признать такое положение дел и стать партнерами шелиховско-голиковской компании. И вновь это оказалось фикцией, видимой покорностью, пламенем подо льдом. Мыльников в союзе с другим иркутским купцом Старцовым инициировали ряд судебных дел против клана Шелихова, надеясь захватить контрольный пакет акций в свои руки. Не достигнув желаемого, в 1800 г., в тот момент, когда акции компании выросли до 3 600 р., Мыльников со своими сторонниками продают акции по 2 500 р., тем самым пытаясь подорвать доверие общества к клану Шелиховых. Все переговоры по интриге проходили в доме Мыльниковых.

Опасаясь нового обострения отношений с Мыльниковым, наследники Шелихова перевели правление Российско-американской компании из Иркутска в Петербург, где ситуация им благоприятствовала, поскольку делам компании оказывали покровительство высшие сановники и царедворцы империи. В качестве «утешительного приза» Иркутская контора компании была по статусу поставлена выше, чем все прочие конторы, через которые осуществлялось управление Русской Америкой. Так, по воле случая, дом Николая Прокопьевича Мыльникова становится местом Иркутской конторы, пока 13 марта 1807 г. РАК не купила у купцов Осипа и Афанасия Сизых здание по ул. Сурикова, 24.

Хронологически этот период охватывает время с октября 1800 по март 1807 г. Конечно, более точный ответ на

этот вопрос могли бы дать почтовые отправления из Санкт-Петербурга в Иркутск за указанный период, которые в Иркутске, к сожалению, сохранились в небольшом количестве. Известно также, что корреспонденция РАК, адресованная правителям конторы в Иркутске — сыновьям Н.П. Мыльников: Якову и Дмитрию, поступала в дом Мыльников в вплоть до покупки здания по ул. Сурикова, 24.

Данный вывод сделан на основе небольшого числа экспонатов одностендовой коллекции (16 экспозиционных листов), частично представленной в рукописи книги иркутских филателистов «Далеко в стране сибирской». Отмечая этот факт, мы вступаем в полемику с иркутским историком А.Н. Гаращенко, который на конференции в Иркутске в августе 2007 г., ссылаясь на материалы Государственного архива Иркутской области, указал, что до покупки дома у купцов Сизых контора РАК располагалась в доме купца А.И. Лычагова [13].

Возможно, это было после высылки Н.П. Мыльников в г. Баргузин. Точно так же могло быть три адреса конторы: в доме Мыльников, в доме Сизых и в доме Лычагова.

Благодаря своей кипучей энергии и грамотной организации дела Н.П. Мыльников к 1800-м гг. стал самым влиятельным горожанином и снова начал вынашивать планы по захвату контроля над компанией. Это обстоятельство спровоцировало конфликт с Н.И. Трескиным, за что купца сослали в г. Баргузин, где он скончался. Паи в компании перешли к его сыновьям — Якову и Дмитрию. Оба стали правителями Иркутской конторы Российско-американской компании в Иркутске (ул. Сурикова, 24). С их именами связано строительство многих домов, ставших «американскими» местами в Иркутске. До момента ссылки Н.П. Мыльников в г. Баргузин корреспонденция РАК опять-таки поступала по двум адресам: в дом Мыльников и в дом Сизых. Этот факт является доказательством одновременно того, что дом Мыльниковых можно считать первым местом расположения конторы РАК в Иркутске, и того, что Мыльникову приходилось постоянно отстаивать свое право лидерства в «американских» делах среди других иркутских купцов.

При реализации научного проекта, связанного с домом Мыльниковых, появится возможность организовать музейную экспозицию, а затем музей Русской Америки в Иркутске, вполне способный объединить в себе две доминанты регионального культурного развития:

1) сохранение исторической памяти об иркутских промышленниках — первооткрывателях и строителях Аляски;

2) реконструкция ремесленной слободы Иркутска, откуда выходили будущие купцы-промысловики и мореходы, осваивавшие побережье Аляски до организации РАК.

Актуальность проблемы состоит в сохранении исторической памяти об иркутских пионерах Аляски, а также в исследовании роли местного купечества в общем контексте развития Североамериканского континента и колониальной политики в XVIII–XIX вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дулов А.В. Памятники Иркутска, связанные с Русской Америкой // Российские исторические чтения, посвященные 200-летию со дня смерти Г.И. Шелихова. Шелехов, 1995; Гаращенко А.Н. Постройки Иркутска, связанные с Российско-американской компанией // Русская Америка: материалы III Междунар. науч. конф. «Русская Америка». Иркутск, 2007.

2. Эта точка зрения находила и находит отражение в различных источниках на протяжении последних 180–150 лет. Например: Новичкова О.В. Российская провинция первой четверти XIX века глазами французских современников. Саратов, 2007; Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Барнаул, 1998.

3. Тихменёв П. Историческое обозрение деятельности Российско-Американской компании и деятельность ее до настоящего времени. СПб., 1861. Ч. 1. С. 63; приложение № 2.

4. РГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 52. Л. 11–12 об.

5. Преображенский А.А. О составе акционеров Российско-Американской компании в начале XIX в. // Исторические записки. 1960. Т. 67. С. 295–298.

6. Там же.

7. Корытный Л.М. Роль иркутян в открытии, освоении и изучении Русской Америки // Российские исторические чтения, посвященные 200-летию со дня смерти Г.И. Шелихова. С. 39.

8. Дулов А.В. Указ. соч. С. 33.

9. Количественно-качественная характеристика связи Иркутска и иркутян с торгово-промышленной деятельностью РАК за прошедший период составлена по: Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского севера. 1815–1841 / отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М., 2005.

Страница и краткая цитата	Контекст, связанный с Иркутском	Удельный вес объема текста в %	Выводы
С. 17 — контора компании в Иркутске	Содержание компанийских приказчиков, как и прежде, на коште компании	7	Коммерческая покорность иркутян и проезжих приказчиков
С. 29 — вывоз мальчиков-креолов в Иркутск для обучения (контора компании в Иркутске)	Обучение креолов создаст необходимый интеллектуальный резерв компании	5	Инициатива крайне необходима, но не в Иркутске
С. 115 — отпуск средств на промысел (намек на иркутян)	<i>Констатация факта</i>	0,8	Предположения о возможных ухищрениях иркутян
С. 165 — Иркутск — один из центров освоения Тихого океана	<i>Констатация факта</i>	0,3	—
С. 188–193	Список акционеров РАК «с правом имеющего голоса», из 180 фамилий 17 — иркутян	10,6	Наследники иркутских промысловиков-первопроходцев на Алеутских островах
С. 239 — о промысле на Курильских островах и о купце Мыльникове — представителе иркутян	Положительная оценка деловых и организаторских способностей клана Мыльникова	35,6	Мыльников точно выполняет предписания и умело увеличивает доход компании
С. 249 — спор о юрисдикции: какой конторе — Ново-архангельской или Главной — должен подчиняться Мыльников	Констатация факта о разногласиях	45,7	Мыльников должен соотноситься в своих действиях с Ново-Архангельском

Краткие итоги по таблице позволяют сделать следующие заключения:

1) здание конторы РАК в Иркутске связывалось с размещением и временным проживанием приказчиков и других служащих компании;

2) Иркутская контора делала попытки подготовить кадры для решения местных проблем на Аляске;

3) иркутян, заинтересованных в освоении Аляски, было достаточно много, и они в своей коммерческой деятельности

обгоняли оборотистых людей из других городов. Самыми выдающимися среди них оказались купцы из клана Мыльниковых, унаследовавшие способности к колониальным делам.

Полученные заключения больше соответствуют слухам-легендам, циркулировавшим в общественном мнении того времени, нежели реальным обстоятельствам. Распространению таких легенд сильно способствовал имидж Иркутска — опасного соперника в торговых предприятиях.

10. Такой вывод напрашивается после статистического обзора следующих работ: Пежемский П.И. Панорама Иркутской губернии... (Редкий фонд НБ ИГУ); Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост. Ю.П. Колмаков. Иркутск: Оттиск, 2003; Оглы Б.И. Иркутск: о планировке и архитектуре города. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1982.

11. К началу XIX в. к числу главных сибирских акционеров принадлежало 15 человек. Совокупно они владели 776 акциями, что составляет всего 11 % всех акций РАК на то время. Самыми крупными сибирскими держателями акций были Мичурины, им принадлежало 258 ценных бумаг, Старцевы владели 112 акциями. В числе достаточно крупных акционеров можно назвать томского купца Петра Федоровича Шумилова, ему принадлежало 92 акции. Томский же купец Михайло Алексеевич Мыльников и иркутский купец Михайло Васильевич Сибиряков имели каждый по 50 акций. Из старых акционеров продолжали состоять в компании Литвинцовы (22 акции), Сидор Андреевич Шелихов (28 акций) и Лаврентий Иванович Зубов (12 акций). Примечательно, что инициаторы создания Соединенной Американской компании иркутские купцы Мыльниковы, Дудоровские, Киселев, Сухих и др. вышли из состава акционеров РАК. Продажа акций с их стороны была вынужденным шагом, на который купцы пошли потому, что не видели перспектив участвовать в управлении этой организацией. Обиженные иркутские купцы собирались в доме Мыльниковых. Еще одним интересным моментом является то, что в число держателей акций вступили теперь томские предприниматели.

12. В начале XIX в. противниками чиновничьего произвола в Сибири выступали крупные купеческие фамилии, во главе которых стояли иркутские купцы Константин Трапезников и Петр Баснин. Главным их орудием были жалобы, подававшиеся на имя императора Александра I. Однако такой прием борьбы с зарвавшимися чиновниками-временщиками в начале 1790-х гг. с успехом освоил Н.П. Мыльников.

13. Гаращенко А.Н. Указ. соч. С. 54.

РОССИЙСКОЕ ТИХООКЕАНСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ КАК СРЕДОТОЧИЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ И ТОРГОВЫХ ИНТЕРЕСОВ США (СЕРЕДИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)

Освоение Сибири русскими казаками и пашенными крестьянами по времени практически совпало с колонизацией Америки европейцами. По-разному сложилась история вновь приобретенных территорий.

Новые земли в северной части Тихого океана с XVIII в. привлекали к себе внимание западных стран. Причем происходило это уже после того, как Россия начала укреплять здесь свои позиции и пыталась наладить отношения с соседними странами. Один тому пример: в августе 1787 г. в Иркутск прибыл член третьей экспедиции Джеймса Кука англичанин Джон Ледиард, который при встрече с Г.И. Шелиховым пытался выведать намерения России в отношении Северной Америки. После этого по указу Екатерины II Ледиард был арестован и выслан из России [1].

Для России XVIII в. Сибирь сделалась своеобразным форпостом в ее тихоокеанских устремлениях. Об этом свидетельствует история Русской Америки. Когда же в 1867 г. освоенные территории пришлось оставить, назад в Россию потянулись многие русские семьи. При этом известно немало случаев, когда бывшие российские подданные оставались в Новом свете. Впоследствии некоторых из них видели моряками на американских судах, заходивших в наши территориальные воды [2].

Не претендуя на всеохватывающее освещение вынесенной в заголовок темы, отметим лишь основные моменты и приведем в подтверждение некоторые факты.

С середины XIX в. начинается, а затем все возрастает экспансия американских промышленников и торговцев на северо-восточное побережье России. Учитывая особое внимание Соединенных Штатов Америки к тихоокеанским окраинам России, в 1848 г. только что назначенный на должность генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьев намеревался превратить Камчатку, выделенную в особую область под управлением военного губернатора, в важнейший регион Дальнего Востока. Однако мероприятиям в этом направлении

помешали события Крымской войны и осада Петропавловского порта англо-французской эскадрой летом 1854 г. Союзники намеревались отторгнуть от России богатый промысловый район в Тихом океане. После героической обороны порта американские газеты писали, что русские создали «твердыню в таком ничтожном месте, как Петропавловск, где англичане съели такой гриб, который останется позорным пятном в истории просвещенных мореплавателей и который никогда не смоют волны всех 5 океанов» [3].

С открытием судоходности устья Амура и с присоединением Южно-Уссурийского края из-за не до конца решенного пограничного вопроса с Китаем и опасения повторения военной кампании уже в Приамурье российское правительство решило сосредоточить людские и материальные ресурсы намного южнее Камчатки. В результате Камчатка и соседние с ней районы северо-востока России оказались забытыми начальственным вниманием. Камчатка стала округом, войдя в состав Приамурской области.

Еще более ситуация усугубилась после продажи Россией Аляски. Если раньше местная торговля на Камчатке находилась в руках русских купцов и Российско-американской компании, то после упразднения последней и отдачи в аренду (в 1870 г.) котикового промысла на Командорских островах американскому торговому дому «Гутчинсон, Коль и К^о» наплыв американцев на Камчатку сделался значительным и вся внешняя и внутренняя торговля перешла к ним. Об этом писалось в отчете генерал-губернатора Восточной Сибири в 1879 г. [4].

С 1850-х гг. американские промышленники стали активно проявлять себя и на Чукотке, где процветали китобойный и моржовый промыслы. Согласно издаваемому в Нью-Берфорде (США) обозрению китового промысла (Whaleman's Shipping List, New Bedford), за время с 1853 по 1884 г. в северной части Тихого океана занимались добычей китов 2 339 американских судов. Только в Охотском море за 23 года, с 1850 по 1873 г., ими было добыто до 900 тыс. бочек жира и 10 800 тыс. фунтов китового уса на сумму до 51 175 тыс. дол. золотом, что равнялось 107 467 500 р. по курсу 1885 г. Почти столько же продуктов было добыто американцами и другими китобоями с 1853 по 1885 г. в Беринговом море и Арктическом океане. При этом значительная часть улова была добыта в водах вдоль российского берега [5].

В 1889 г. с Чукотского Носа было вывезено в Сан-Франциско китового уса 31 тыс. английских фунтов на сумму 177 127 р.

Туда же ежегодно вывозили до 120 тыс. английских фунтов моржовых клыков, которые при цене в Японии 1 р. 50 к. за фунт составляли стоимость в 180 тыс. р. [6].

В 1870–1880-х гг. добычей котики в российских водах занималась американская компания «Гутчинсон, Коль и К°». Ежегодно она добывала на Командорских островах и островах Прибылова от 100 до 150 тыс. шкур [7]. Одновременно американскими шхунами на Курильских и Алеутских островах велась хищническая охота на калана (морской бобр). Американцы били его, несмотря на запрет американского правительства и риск конфискации судна. Только в 1872 г. в Сан-Франциско было вывезено 1 469 шкур и «столько же через Японию» [8].

Американские китобои, кроме своего основного промысла, занимались бесконтрольной торговлей по всему российскому тихоокеанскому побережью. Тем самым американцы создавали серьезную конкуренцию русским «Сибирскому Северо-Восточному обществу» и «Товариществу котиковых промыслов». Обычно русские закупали у местных жителей китовый ус, моржовый клык и пушнину, американцы же еще оленей и продукты оленеводства. Если раньше товары на Чукотку доставляли из Владивостока, то теперь там стали открывать склады различных мануфактурных изделий и рома американцы. Торг в обмен на алкоголь отрицательно влиял на здоровье коренного населения и на его благосостояние. Один путешественник-пешеход (Иденцеллер), прошедший в одиночку за 5 месяцев от Нижне-Колымска до Берингова пролива, заходил в селение, жители которого были поголовно пьяными от полученного у американцев спиртного [9]. Справедливости ради надо отметить, что так же торговали и русские купцы.

Уже к 1880-м гг. сложилась ситуация, при которой чукчи стали забывать о принадлежности их к русскому государству. Теперь в ходу у чукчей были доллары, карты и ром. На побережье Чукотской земли развеялся американский флаг. Многие чукчи стали говорить по-английски, наниматься на американские китобойные суда и бывать в городах Америки: Сан-Франциско, Сиэтле, Номе. Некоторые дети чукотских эскимосов после обучения на острове Св. Лаврентия в школе американской миссии свободно читали и писали по-английски [10].

В свете раскрытия темы интересными представляются материалы врача-краеоведа Н.В. Кирилова, побывавшего в Сан-Франциско и на Аляске в 1905 г. В 1911 г. Кирилов

выступил на заседании Русского Географического общества с сообщением «об экономическом значении Аляски и ее отношении к Чукотскому полуострову». Кирилов приводил данные о росте пришлого населения на Аляске по отношению к коренному населению. Он отмечал, что в 1890 г. на Аляске проживало 32 052 человека, в 1900 г. — 63 592, а в 1906 г. уже 92 тыс. человек, из числа которых менее 10 % — «туземцы». Помимо белого населения там жили китайцы и японцы. Они трудились на местных рыбоконсервных предприятиях [11].

Обращаясь к экономическому положению жителей Аляски и их занятиям, Н.В. Кирилов сделал вывод о том, что американцы перестали притеснять аборигенов так, как это было раньше. Напротив, американцы способствовали улучшению их благосостояния. На Аляске появились оленеводческие хозяйства, где по закону соблюдался трезвый образ жизни, наряду со свободным употреблением алкоголя белыми людьми. Жители Аляски занимались также земледелием, охотой, рыболовством, горным промыслом, в частности на золотых приисках. Традиционным занятием там было китобойное дело. То же наблюдалось и на другом берегу Берингова пролива: у коренного населения Чукотки этот промысел был не менее давним. Кирилов пришел к выводу, что американцы принесли коренным народам Аляски «интенсивную культуру» и «возможность рационального использования даров северной природы» [12].

Руководствуясь опытом американцев, Н.В. Кирилов предлагал создать свои кадры специалистов-инструкторов для организации оленеводческих ферм и на Чукотке, что, по его мнению, позволило бы «оленеводам жить почти стационарно на небольших площадях тайги или тундры, обладая крупными стадами» [13].

Как отмечал Н.В. Кирилов, особое внимание американцы уделяли добыче лосося на Аляске, которого добывалось столько, что порой «мировой рынок не мог дать места такому обилию рыбы». Добыча лосося началась в 1878 г., когда в южной части Аляски открылись два консервных завода, работавших более 8 тыс. ящиков (по 48 фунтовых банок) консервированного лосося. В 1891 г. уже 38 заводов выпустили 1,5 млн ящиков, а в 1902 г. работало 66 заводов, приготовивших 2,5 млн ящиков на сумму 12 млн дол. Ссылаясь на «The Alaska Clubs Almanac for 1907», Кирилов отметил, что за 29 лет существования рыбопромышленности на Аляске было получено продукции на 90 млн дол. [14].

Кроме того, Н.В. Кирилов собрал статистические данные о торговле Аляски: о ввозе и вывозе золота, серебра и разных товаров, в том числе и с Азиатской Россией (Чукотский полуостров). Вывоз «местных произведений Аляски» на Чукотку в течение нескольких лет падал: в 1903 г. он был осуществлен на сумму в 41 674 дол., в 1904 г. — на 31 713, в 1905 г. — на 26 704 дол. Зато ввоз товаров на Аляску из Азиатской России в эти же годы резко возрос: в 1903 г. — на 4 373 дол., а в 1905 г. — уже на 99 484 дол. [15].

С начала XX в. интересы США начинают распространяться и на внутренние районы России — Дальний Восток и Сибирь. В ГАИО сохранился целый ряд свидетельствующих об этом документов. Так, в 1906 г. американский гражданин Вильям Смит, директор общества «Вестингауз» в России, обратился с ходатайством о разрешении ему промысла золота в системе р. Амазар Нерчинского округа ведомства Кабинета Его Императорского Величества. Разрешение было получено [16].

Аналогичное ходатайство возбудил в 1910 г. американец Эммануил Эйслер — горный инженер, «известный практическими и теоретическими трудами своими в области золотопромышленности». Он просил о разрешении ему приобрести 500 десятин золотоносных площадей, расположенных по р. Киркирот в системе р. Чикой Верхнеудинского горного округа, большая часть которых принадлежала Николаю Валериановичу Агееву. И это ходатайство было удовлетворено [17].

В 1916 г. иркутскому и енисейскому генерал-губернаторам были направлены одинаковые письма от Бостонского отделения промышленности и торговли (Boston Industrial Development Board) с предложением о «восстановлении и улучшении торговых сношений между Соединенными Штатами и Россией». Автор письма Эдмонд Нобль (Edmond Noble) «желал бы иметь сведения насчет того, какие товары и продукты Вы можете высылать сюда из Вашей губернии, уезда или города и на какие американские товары и продукты имеется спрос в Вашем городе, уезде или губернии» [18]. К письмам прикладывался «лист главных американских продуктов и мануфактур», включавший в себя большое количество всевозможных товаров: железные изделия (рельсы, паровозы, печки и др.), «плотничьи наборы» (топоры, пилы, струги и др.), резиновые изделия (сапоги, калоши, верхнее платье и пальто, снаряды для водолазов), земледельческие машины и снаряды (плуги, сенокоски, машины для жатки зерна, молотилки, вязалки

снопов), ружейные изделия (винтовки, пушки, револьверы, амуниция), одежда и обувь, канцелярские и аптекарские товары, ювелирные изделия, стеклянные и фарфоровые изделия, часы (карманные, столовые и стенные, будильники, хронометры), а также трамваи, автомобили, велосипеды, «машины-самопилки», насосы и помпы, «снеговые плуги для очищения снега», «самотушительные снаряды для ограждения от пожара», граммофоны, «самоиграющие фортепианы и рояли», пишущие машины, фотографические камеры и «волшебные фонари», сгущенное молоко, «свежие маринаты-фрукты» (ананасы и др.), овощи, рыба, мясо, устрицы «в жестянках и стеклянных бутылках» и проч., и проч., и проч. [19].

Однако свершившаяся в 1917 г. революция в России остановила развитие торгово-экономических отношений на Тихоокеанском побережье. Советская страна наглухо отгородилась от США плотным железным занавесом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост., авт. предисл. и примеч. Ю.П. Колмаков. Иркутск: Оттиск, 2003. С. 34.

2. Гондатти Н.Л. Поездка из с. Маркова на р. Анадыре в бухту Провидения (Берингов пролив) // Зап. Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества (далее — ПОИРГО). Хабаровск, 1898. Т. 4, вып. 1. С. 21.

3. Маргаритов В. Камчатка и ее обитатели // Зап. ПОИРГО. Хабаровск, 1899. Т. 5, вып. 1. С. 34.

4. Олсуфьев А.В. Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения // Зап. ПОИРГО. СПб., 1896. Т. 2, вып. 1. С. 193.

5. Там же. С. 205–206.

6. Пальчевский Н.А. Потребность учреждения во Владивостоке морской биологической станции // Зап. Общества изучения Амурского края. Владивосток, 1899. Т. 7, вып. 1. С. 70; Олсуфьев А.В. Указ. соч. С. 208.

7. Пальчевский Н.А. Указ. соч. С. 74–75.

8. Лех С. Некоторые наблюдения о морском бобре, водящемся у острова Медного Командорских островов // Зап. Общества изучения Амурского края. Владивосток, 1907. Т. 10. С. 2–3.

9. ГАИО. Ф. 294. Оп. 2. Д. 14. Л. 11.

10. Олсуфьев А.В. Указ. соч. С. 2; Сильницкий А.П. Поездка в Камчатку и на р. Анадыр // Зап. ПОИРГО. Хабаровск, 1897. Т. 2,

вып. 3. С. 19; Кирилов Н.В. Аляска и ее отношение к Чукотскому полуострову // Изв. ИРГО. Пб., 1912. Т. 48, вып. 1–5. С. 340–341; ГАИО. Ф. 294. Оп. 2. Д. 14. Л. 9.

11. ГАИО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–2; Оп. 2. Д. 16. Л. 2. В публикации своего сообщения Н.В. Кирилов приводит иные цифры населения Аляски: в 1867 г. — до 30 тыс. «туземцев» и 600 человек белых, в 1890 г. белых — 4 303, метисов (обрусевших туземцев) — 1 819, инородцев — 23 274 (всего на Аляске по 11-й переписи 1890 г. — 31 795 чел.), в 1911 г. инородцев — 35 тыс. человек, белых — до 27 тыс., причем летом число белых жителей увеличивалось еще на 15 тыс. человек. См.: Кирилов Н.В. Указ. соч. С. 296–297.

12. ГАИО. Ф. 294. Оп. 2. Д. 16. Л. 1.

13. Там же.

14. ГАИО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 17. Л. 1; Оп. 2. Д. 16. Л. 3; Кирилов Н.В. Указ. соч. С. 315–316.

15. ГАИО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 17. Л. 3; Оп. 2. Д. 16. Л. 2 об.

16. Там же. Ф. 25. Оп. 8. Д. 455. Л. 1–3.

17. Там же Д. 844. Л. 1–5 об.

18. Там же Оп. 3. Д. 3293. Л. 1.

19. Там же. Л. 2.

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИННОКЕНТИЯ ВЕНИАМИНОВА

Многие аспекты отечественной истории, а в особенности истории культуры России, самым тесным образом связаны с деятельностью православной церкви (ПЦ) и ее выдающихся представителей. Иннокентий (Вениаминов) — один из них.

45 лет его священнического служения (1823–1868) прошли на дальних окраинах Российской империи — на Алеутских островах, Камчатке, в Якутии и на Амуре, из них 28 лет — в сане епископа. Его подвижническая деятельность была высоко оценена и современниками, и потомками.

С 1868 по 1879 г. Иннокентий (Вениаминов) возглавлял кафедру митрополитов Московских, приняв ее после Филарета (Дроздова). Непростая, но несомненно колоритная фигура Филарета, занимавшего престол митрополитов Московских в течение 46 лет (1821–1867), оставила большой след не только в истории православной церкви, но и в истории государства Российского [1]. Любому претенденту ему в преемники было бы невероятно трудно держать собственную марку так же высоко, потому кандидат должен был обладать не менее значимыми качествами и иметь неоспоримые заслуги на ниве пастырской деятельности.

Иннокентий (Вениаминов) был именно таким человеком. Сирота Иван Попов (впоследствии Иннокентий Вениаминов) являлся выходцем из одного из самых отдаленных уголков Иркутской губернии, образование получал в начале XIX в. в г. Иркутске, который хотя и был столицей Восточной Сибири, но все же в этот период являлся далекой провинцией нашего отечества. Учитывая названные обстоятельства, полагаем целесообразным коротко остановиться на тех личностях, которые оказали несомненное влияние на его формирование, стали знаковыми в судьбе выдающегося просветителя. Это прежде всего:

— ректор Иркутской духовной семинарии архимандрит Павел (Некрасов), заметивший талантливого ученика и опекавший его;

— Иннокентий (Кульчицкий) — первый епископ Иркутский, мощи которого были открыты и канонизированы в 1805 г. [2];

— Вениамин (Багрянский) — епископ Иркутский (окончивший Славяно-греко-латинскую академию и Лейденский университет), в честь которого семинарист Иван Попов был переименован в Вениаминова, дабы достойно сохранить имя покойного преосвященного [3].

Личность любого человека наилучшим образом характеризует круг его общения. Относительно Иннокентия (Вениаминова) в этой связи хотелось бы отметить его достаточно близкие контакты с людьми неординарными и значимыми в различных отраслях жизнедеятельности государства. Это:

— Филарет (Дроздов) — митрополит Московский и Коломенский (1821–1867), великий религиозный писатель;

— Нил (Исакович) — епископ Иркутский (1838–1853), крупнейший и талантливейший миссионер, положивший начало проповедничества на языках восточносибирских аборигенов;

— Николай (Касаткин) — основатель Японской православной миссии (1861–1912);

— А.Н. Муравьев — церковный писатель, агиограф, путешественник;

— Н.Н. Муравьев — генерал-губернатор Восточной Сибири;

— К.Т. Хлебников — выдающийся историк, известный летописец Русской Америки, вдохновивший Иннокентия собирать материал по истории, этнографии и природе края.

Непременным атрибутом профессиональной деятельности священнослужителя является просветительство. Это главный аспект институционального функционирования ПЦ, который в соответствии с вероучительной основой [4] должен быть направлен на совершенствование человеческой личности и общества в целом. В.О. Ключевский, в частности, об этом говорил: «Церковь действует на особом поприще, отличном от поля деятельности государства. У нее своя территория — это верующая совесть, своя политика — оборона этой совести от греховных влечений. Но, воспитывая верующего для грядущего града, она постепенно обновляет и перестраивает град, где пребывающий» [5].

Просветительская деятельность Иннокентия (Вениаминова) на протяжении длительного времени его священнического служения на Алеутских островах, Камчатке, в Якутии и на Амуре реализовывалась через миссионерскую работу, смысл которой заключался в проповеди христианского учения аборигенным народам и переводе его на их языки. Несомненно, это был творческий процесс с наивысшим коэффициентом от-

дачи, который захватил его всего и стал, говоря современным языком, стилем жизни.

Итак, рассматривая просветительскую деятельность Иннокентия (Вениаминова), хотелось бы коснуться искусства проповеди. Его работы в этом плане названы в ряду «лучших памятников миссионерской письменности Православной церкви» [6]. Широкую известность приобрели его огласительные поучения: 1) «Указание пути в Царствие Небесное»; 2) «Почтение посликам или говельщикам»; 3) «Слово в неделю третью святого поста». Причем первая работа с 1839 по 1885 г. издавалась 46 раз [7], в общей же сложности большинство авторов склоняется к мнению о том, что она выдержала более 50 изданий, была переведена на многие языки сибирских аборигенов и пользовалась невероятной популярностью. Названная работа стала прекрасным катихизическим пособием для миссионеров.

Особое внимание в просветительской работе, по мнению Иннокентия, следовало уделять воспитанию детей, о чем он неоднократно писал в своих письмах разного уровня чиновникам и церковным деятелям. Так, в письме графу Н.А. Протасову, обер-прокурору Св. синода (1836–1855), задолго до выхода в свет официального «Положения о церковно-приходских школах» (1864), он со свойственной ему обстоятельностью изложил целую программу церковно-школьного воспитания и образования. Главным в этом процессе он полагал непременно воспитание двух важнейших качеств: «быть христианином и быть полезным обществу» [8].

Рассуждая о проповеди христианского учения аборигенным народам российских окраин, нелогичным было бы не провести исторические параллели между такими выдающимися просветителями первой половины XIX в., как Иннокентий (Вениаминов) и Макарий (Глухарев). Они являлись современниками и начинали свои подвижнические труды практически одновременно. Первый вступил на путь апостольского служения в 1823 г. в российских владениях на Аляске, второй в 1828 г. — на Алтае. Оба принялись за дело с присущей им энергией и стремлением донести основы христианского вероучения до сознания просвещаемых народов. Оба они были чужды формального подхода, потому приступали к крещению после длительного периода оглашения. Неслучайно в проповеднических трудах Иннокентия значительное место занимали огласительные поучения.

Тем не менее в искусство проповеди каждый из них привносил собственные живые черты с учетом места служения и

обстоятельств. Для просвещения алтайцев Макарий избрал народный язык, на котором посредством кантов и песен излагал основы христианского вероучения. Иннокентий испытал сильное влияние крупного церковного деятеля митрополита Московского Филарета (Дроздова). Воспитанный в духе неукоснительного почитания традиций, он тяготел к классическому варианту проповеди, сторонником которого являлся Филарет.

Следует отметить, что Филарет (Дроздов) оказал большое влияние на развитие проповеднического искусства второй и третьей четверти XIX в. Проповедь он видел важным и необходимым средством искоренения пороков и недостатков в обществе. Главным в ней он считал разъяснение истин слова Божия и основ христианской нравственности, но не отрицал и возможности приспособления проповеди ко времени и обстоятельствам [9]. Собрание проповедей митрополита Филарета выдержало семь изданий и было широко распространено по всем епархиям страны.

Выдающиеся просветители Иннокентий (Вениаминов) и Макарий (Глухарев) мечтали, чтобы миссионерство стало делом всей церкви. Претворить в жизнь задуманное удалось первому. Закономерным завершением его целенаправленных действий на ниве просвещения стало основание в 1869–1870 гг. Православного миссионерского общества (ПМО). Оно имело свои филиалы по всей стране, крупнейшими и достаточно деятельными центрами являлись сибирские его отделения в Тобольске, Иркутске, Якутске и др. Силами общества был создан фонд для поддержки миссий, строительства и содержания учебных и благотворительных учреждений. В 1874 г. произошло еще одно важное событие — было основано первое периодическое издание ПМО — журнал «Миссионер», которое быстро распространилось по всем епархиям страны и оказывало существенную помощь миссионерам в организации просветительской работы.

Архиерейское служение Иннокентия (Вениаминова) совпало с интереснейшим периодом отечественной истории — временем присоединения к России амурских территорий. В 1862 г. он перенес епископскую кафедру из Якутска в Благовещенск, что наилучшим образом свидетельствует о его отношении к обозначенному вопросу.

Следует отметить, что в освоении амурских территорий Иннокентий являлся соратником генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева и русского исследователя Дальнего Востока Г.И. Невельского, справедливо полагая присоеди-

ние Амура делом великим, которое по достоинству оценит только история. В «Записках об Амуре» он писал: «...занятие Амура, даже при небольшом заселении берегов одного, скоро и сильно может развить деятельность в Забайкальском крае» [10].

Рассуждая о самом процессе заселения новых территорий с целью наиболее быстрого и рационального их использования, Иннокентий писал: «...лучшее и полезное население, как известно, составлялось переселениями в Сибирь почти целых селений в зачет рекрутства и изгнанием нескольких раскольнических семейств за Байкал. [Они]... принесли с собою все свои... обычаи, свои познания, свои порядки и свое трудолюбие; для них переменялось почти одно только место, а общество, то есть их соседи, те же, что были и в России. Следовательно, начать иной порядок, иной образ жизни значило идти против общего мнения — этого великого двигателя обществ, гражданств и царств» [11]. При этом он отмечал пагубное влияние на благосостояние Сибири двух элементов: ссыльных и заезжих чиновников. Первые он называет безнравственными и праздными, вторых — соблюдающими только свои выгоды «и за глаза начальства позволяющими себе все». В падении нравственности и утрате почтительного отношения к обычаям и вере усматривал выдающийся просветитель главную причину деградации общества.

Иннокентий остро чувствовал политическую борьбу капиталистических держав того времени за колонии и сферы влияния. Дальний Восток в этом плане представлял несомненный интерес для многих. Полагаем, что он не одобрял дискуссий, которые забайкальская и иркутская оппозиция генерал-губернатору Н.Н. Муравьеву вела по поводу освоения амурских территорий. Ее яркими представителями являлись декабрист Д.И. Завалишин и священник К. Стуков [12].

Иннокентий (Вениаминов) прямо не полемизировал, но твердо и четко расставлял все по своим местам в амурском вопросе. «Лишь только мы оставим Амур, то или американцы, или англичане немедленно завладеют, и уж не будут так вежливы с соседями нашими», — писал он [13]. Архидиакон находился в гуще событий, имеющих самое непосредственное отношение к присоединению и освоению амурских территорий. Так, 16 мая 1858 г. он вместе с генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьевым, управляющим дипломатической канцелярией, титулярным советником Е.Г. Бютцевым, статским советником МИД П.Н. Перовским и др. присутствовал при подписании Айгунского договора. Неоднократно

совершал инспекторские поездки по Приамурью. Иннокентий очень хорошо понимал особую миссию духовенства, которому предстояла пастырская деятельность на новых территориях, и то, что далеко не каждый сможет осилить ее. Потому делал все возможное, дабы облегчить его материальное положение. Так, с подачи архиерея состоялся Указ Синода (19. 03. 1858), по которому всем отправляющимся на священнические места в Якутию и Приморский край полагались особые привилегии: двойные прогонные на каждого члена семьи и годовой оклад жалованья, а по выслуге 10 лет — пособие и оплата обратного пути в случае, если кто-то пожелает возвратиться.

Помимо названного еще одно обстоятельство позволяет судить об Иннокентии (Вениаминове) как о церковном деятеле крупного масштаба, для которого стезя просвещения стала задачей первостепенной важности, в особенности если речь шла о закреплении за Россией новых территорий. Так, еще в 1853 г. он назначил на Амур миссионером своего сына — священника Гавриила Вениаминова для обустройства там православной миссии и содействия закреплению левобережья Амура за Россией.

Религиозному воспитанию населения, которому предстояло осваивать новые территории, Иннокентий придавал большое значение, потому полагаем необходимым особо выделить амурский период его деятельности. Он много писал о том, что духовенство для этой цели необходимо было особо готовить и поддерживать. Совместно с Н.Н. Муравьевым-Амурским он разработал «Положение об обеспечении и устройстве духовенства в Приамурском крае», которое было утверждено Синодом 23 декабря 1859 г. [14].

Названный документ детально регламентировал основные вопросы жизнедеятельности приходского духовенства в Приамурье. Первым пунктом в нем был обозначен вопрос по наделу землями, где каждому сельскому причту предлагалось отвести земли под усадьбы, огороды и сенокосы до 80 десятин. Наделы немалые, и, если учесть плодородие осваиваемых земель, они должны были принести существенную экономическую выгоду сельскому духовенству, которое подчас трудилось на своих участках, ничуть не уступая прихожанам — крестьянскому населению. Далее говорилось о том, что обрабатывать земли и вообще извлекать из них какую бы то ни было пользу причты должны собственными силами [15].

В «Положении...» четко регламентировались отношения причта и прихожан. Так, последние обязаны были выплачи-

вать причту денежные пособия сверх жалованья из казны: — в городах: протоиерею — 450–500 р.; священнику — 300–350 р.; протоиереев кафедрального собора — 250 р.; диакону — 150–175 р.; дьячку — по 100 р., пономарям — по 70 р.; просвирне — 40 р.; в селах: священнику — 200–250 р., диакону, если прихожане пожелают его иметь [16], — по 400 р. (потому от казны жалованья им не полагалось), дьячку — 85–100 р., пономарям — от 60–70 р., просвирне — 30–35 р. [17].

Причтам же, в свою очередь, запрещалось принимать от прихожан вознаграждение за исполнение какой бы то ни было духовной требы, кроме молебнов, панихид и поднятия святых икон на дома. Кроме того, священнослужителям, вполне обеспеченным в материальном отношении, вменялось в обязанности всемерно содействовать духовному просвещению своей паствы и вообще заботиться о распространении грамотности в приходах, особенно сельских, как-то: устраивать школы при церквях, принимая на свой счет обучение желающих [18].

Особое место в «Положении...» отводилось приходским советам. Целый ряд полномочий, которыми они наделялись, говорил о той роли, которую им предлагалось выполнять в своих приходах. Советы, например, должны были заботиться об удовлетворении всех нужд приходских церквей и состоящих при них причтов. В состав советов могли входить священнослужители той же церкви, а также представители от всех сословий. Особо говорилось о почетных попечителях, в число которых могли попасть желающие, внесшие определенный взнос в пользу церковных доходов. Периодичность заседаний советов определялась следующим образом: в городских приходах по мере надобности 3–4 раза в год; в сельских — 2 раза в год; осенью — после окончания полевых работ и весной — перед их началом.

Таким образом, в ведении советов находилось удовлетворение всех нужд церкви и причтов: отопление, устройство помещений, капитальный ремонт, доставление прислуги, раскладка денежных пособий и т. п. Кроме того, на них возлагалось попечение о призрении бедных, погребении неимущих умерших, устройство сирот, распространение грамотности и религиозного образования между прихожанами, рассмотрение случаев нарушения правил о безвозмездном исполнении причтами духовных треб, и если потребуется, доведение до сведения епархиальных властей открывшихся нарушений [19].

Приведенный нами документ был несколько необычен для своего времени и принят в виде исключения, т. е. на всю

страну он не распространялся, а действовал только в Приамурье. Вопрос о введении в действие «Положения...» в других епархиях выносился на рассмотрение Синода, но из-за «возражения по многим пунктам Филарета, митрополита Московского... оставлен без дальнейших последствий» [20].

О миссионерской деятельности Святителя Иннокентия написано довольно много как в светской, так и в духовной литературе, потому полагаем, что нет необходимости повторяться. Для уточнения только коснемся этой проблемы с той ее грани, которая довольно тесно связана с научной работой.

Проповедь христианства аборигенным народам могла быть успешной лишь в том случае, если священник хорошо знал их жизнь, быт и традиции. Обозначив миссионерское служение делом своей жизни, Иннокентий (Вениаминов), еще будучи священником, накопил значительный фактический материал, получивший логическое завершение в научных трудах этнографического, лингвистического, исторического и иного характера. Учитывая многоаспектность его научной деятельности, полагаем необходимым классифицировать его работы следующим образом:

- 1) лингвистические сочинения;
- 2) учебная литература на языках аборигенов;
- 3) церковно-педагогические сочинения;
- 4) проповеднические труды;
- 5) этнографические сочинения;
- 6) исторические сочинения;
- 7) прочие.

Кроме того, результативность научной деятельности Иннокентия (Вениаминова) хорошо прослеживается в следующих аспектах:

- 1) в создании переводческого комитета, целенаправленно занимавшегося переложением учебной, богослужбной и иной литературы на языки аборигенных народов;
- 2) во внедрении богослужений на языках аборигенов.

Закладывание основ деятельности переводческого комитета относится к началу 1850-х гг. Ему предшествовала работа в частном порядке над переводом богослужбной литературы, начатая благочинным градо-якутских церквей протоиереем Дмитрием Хитровым, о чем свидетельствует переписка Иннокентия (Вениаминова) и А.Н. Муравьева. Впоследствии Дмитрий Хитров возглавил переводческий комитет. Результаты его деятельности вскоре проявились во вполне конкретных делах.

Так, в апреле 1854 г. произошло знаменательное для Восточной Сибири событие — в Иркутском кафедральном Бого-

явленском соборе на заутрене состоялось чтение Евангелия на 11 языках восточносибирских аборигенов, в том числе на бурятском, якутском, алеутском. Отец Иннокентий принимал в нем участие вместе с архиепископом Иркутским Афанасием.

В 1859 г. в Троицком кафедральном соборе г. Якутска Иннокентий (Вениаминов) совершил божественную литургию на якутском языке. Это событие настолько растрогало якутов, что они обратились к нему с просьбой сделать день 19 июля праздничным навсегда.

Можно перечислять и другие факты, ставшие итогом многотрудной и насыщенной творческой жизни Святителя, но, пожалуй, лучшим признанием его вклада стало избрание его в 1869 г. почетным членом Императорского Русского Географического общества (ИРГО).

Покидая Приамурье, владыка Иннокентий позаботился о том, чтобы передать свое дело в достойные руки. 9 февраля 1868 г. перед выездом в Москву он совершил хиротонию во епископа Якутского своего любимого ученика Дмитрия Хитрова (с именем Дионисий). При посвящении присутствовал преемник Иннокентия, епископ Селенгинский Вениамин (Благонравов), бывший викарий Иркутский.

Таким образом, священническая и архиерейская деятельность Иннокентия (Вениаминова) на Аляске, Камчатке, в Якутии и на Дальнем Востоке носила подвижнический характер, всецело была посвящена благу Отечества. Его служение по праву получило достойную оценку потомков и вошло в анналы истории как жизненный подвиг.

31 марта (ст. ст.) 1879 г. Иннокентий (Вениаминов) скончался, 5 апреля 1879 г. погребен рядом с могилой митрополита Филарета (Дроздова) в Свято-Духовском храме Троице-Сергиевой лавры.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Время его активной деятельности простиралось на три интереснейшие эпохи: завершение царствования Александра I, николаевскую эпоху и начальный период реформаторской деятельности Александра II.

2. Это событие состоялось за два года до поступления Вениаминова в семинарию.

3. В духовных учебных заведениях России XIX в. нередким было так называемое переименование учащихся, когда им вместо их прежних имен или фамилий давали другие. Это происходило в

двух случаях: когда руководство учебного заведения намеревалось увековечить имя какого-либо выдающегося церковного деятеля (как правило, епископа), присваивая его ученику, подающему большие надежды, либо когда давали более «благозвучное» имя вместо прежнего.

4. Деметриос Константелос. Богословские ориентации социальной ориентации Православной церкви // Православное богословие и благотворительность (диакония). СПб., 1996. С. 95–112.

5. Ключевский В.О. Содействие церкви успехам русского гражданского права и порядка // О нравственности и русской культуре. М., 1998. С. 45.

6. Анисов Л.М. Просветитель Сибири и Америки. Сергиев Посад, 2007. С. 79.

7. Gorodetzky, «Missionary Expansion», p. 406.

8. Избранные труды святителя Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского / сост. магистр богословия протоиерей Б. Пивоваров. Новосибирск, 1997. С. 195.

9. Русское проповедничество, исторический его обзор и взгляды на современное состояние. СПб., 1871. С. 267–271; Разумихин А.И. О проповеднической импровизации. М., 1904. С. 121–123.

10. Избранные труды святителя Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского / сост. магистр богословия протоиерей Б. Пивоваров. С. 291.

11. Там же. С. 302.

12. Харченко Л.Н. К вопросу об освоении Амурских территорий (50-е начало 60-х гг. XIX в.) // История русской духовности: материалы двадцать восьмой Всерос. заоч. науч. конф. СПб., 2001.

13. Окладников А.П. От Анги до Уналашки: удивительная судьба Ивана Попова // Вопросы истории. 1976. № 6. С. 129.

14. РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.

15. Там же. Л. 4.

16. С введением «Положения о церковно-приходских школах» (1864 г.) эта должность стала обязательной независимо от желания прихожан.

17. РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Д. 8. Л. 4 об.

18. Там же. Л. 5.

19. Там же. Л. 5–5 об.

20. Там же. Л. 10–10 об.

ДНЕВНИК МИССИОНЕРСКОГО ПУТЕШЕСТВИЯ СВЯТИТЕЛЯ ИННОКЕНТИЯ ВЕНИАМИНОВА

Жизнь и деятельность святителя Иннокентия (Вениаминова) достаточно объемно освещена в научной и даже художественной литературе. Благодаря талантливому агиографу И. Барсукову были изданы в трех книгах «Творения Иннокентия, митрополита Московского» (1886–1888) и так же в трех книгах «Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского» (1897–1901). Об Иннокентии писали И.А. Гончаров в своей книге «Фрегат «Паллада». Очерки путешествия» и Н.П. Задорнов в романе «Капитан Невельской». В XX в., особенно во второй его половине, опубликовано множество исследований, посвященных различным сторонам многогранной личности Святителя. В составленный протоиереем Б.И. Пивоваровым и О.А. Павловой библиографический справочник «Святитель Иннокентий (Вениаминов), митрополит Московский и Коломенский, апостол народов Сибири и Америки» (Новосибирск, 1997), вошло 261 наименование трудов об Иннокентии (Вениаминове). Предполагаем, что в настоящее время, в связи с всемирным интересом к личности Великого святителя, количество опубликованных исследований значительно увеличилось.

Но круг источников, содержащих свидетельства о яркой жизни знаменитого миссионера, уроженца с. Анга Иркутской губернии, еще далеко не исчерпан. В Государственном архиве Иркутской области в фонде Иркутской духовной консистории (Ф. 50), в деле № 4740, которое называется «Путевые журналы Иркутской епархии и рапорты о предоставлении таковых с 1837 по 1839 г.», нами обнаружен «Путевой журнал священника Иоанна Вениаминова, веденный им во время путешествия в Дионисеевский редут» (л. 101–105). Этот интересный документ представляет нам эпизод деятельности на Аляске священника Ситхинской Архангельской церкви Иоанна Вениаминова.

Святитель Иннокентий на Аляске провел в общей сложности 28 лет. С 1824 по 1834 г. он служил священником на одном из Алеутских островов — острове Уналашка. В 1834 г. был переведен в Новоархангельский порт на западном берегу острова Ситха (Ситка) — главном поселении Российско-

американской компании и назначен священником соборной церкви во имя Михаила Архангела. Здесь проявился не только его талант миссионера и богослова, неустанно работавшего во славу Божию, но и большие способности ученого в разных областях естествознания: этнографии, лингвистики, географии и др. Впоследствии за свои ученые труды он был избран почетным членом Московского университета и Императорского Русского Географического общества.

В миссионерской работе и на ученом поприще свт. Иннокентию очень помогали дневниковые записи, которые он на протяжении всей жизни неустанно вел. Из своих путешествий свт. Иннокентий привозил «Путевые журналы», часть которых уже опубликована. Во вторую книгу трехтомника «Творения Иннокентия, митрополита Московского», изданную Иваном Барсуковым в 1887 г., были включены:

1. «Путевой журнал Иннокентия, епископа Камчатского, Курильского и Алеутского, веденный им во время первого путешествия его во вверенной ему епархии в 1842 и 1843 годах (1843)». С. 43–184.

2. «Путевой журнал Иннокентия, епископа Камчатского, Курильского и Алеутского, веденный им во второе путешествие его по Камчатке и Охотской области в 1846 и 1847 годах (1847)». С. 190–253.

3. «Краткий путевой журнал архиепископа Иннокентия Камчатского, веденный им во время путешествия его по Амуру (1856)». С. 406–413.

Еще три путевых журнала были опубликованы в книге В. Крылова «Материалы для истории Камчатской епархии в половине XIX в.» (Казань, 1909):

1. «Путевой журнал Камчатского архиепископа Иннокентия, веденный им в третье путешествие по Камчатке и Охотской области в 1850–1851 гг.»

2. «Путевой журнал Иннокентия архиепископа Камчатского, веденный им в четвертое путешествие его по Камчатке и Охотскому округу и по Якутской области в 1861–1862 гг.»

3. «Путевой журнал, веденный во время путешествия по рекам Амуру и Уссури в 1863–1864 гг.»

Самый ранний путевой журнал был обнаружен в Петровской Кунсткамере исследователем В. Аржанухиным. Документ носит название: «Путевой журнал Северо-Западной Америки острова Уналашки Иркутской епархии Вознесенской церкви священника Иоанна Вениаминова, веденный им во время посещения его жителей восточного края алеут, принад-

лежащих сей церкви, в коем означено, что он занимался касательно своей должности с 17-го числа апреля 1827 года и по 15-е июня того же года» (Аржанухин В. Первый путевой журнал Иннокентия Вениаминова. (К публикации текста) // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1995. Вып. 2–3. С. 321–335).

Все шесть опубликованных путевых дневников относятся к периоду 1840–1860-х гг., когда епископ (затем архиепископ) Иннокентий (Вениаминов) неоднократно объезжал свою Камчатско-Курильско-Алеутскую епархию.

Найденный в ГАИО «Путевой журнал священника Иоанна Вениаминова» является по времени вторым из известных на сегодняшний день путевых журналов-дневников. 29 апреля 1838 г. о. Иоанн Вениаминов оформил «Путевой журнал», в котором, используя черновые заметки, описал свое месячное путешествие (с 23 октября по 27 декабря 1837 г.) из г. Ситха (Ситка) в Дионисиевский редут, расположенный на материковой части в Стахине.

Маршрут поездки миссионера Иоанна и сопровождающего его дьячка проходил через Погибший пролив, отделяющий Ситху с западной стороны от прочих островов, через заливы Чатам, Фридригзунд; побывали они в гавани Переносная бухта, и затем через пролив Врангеля приплыли в Дионисиевский редут, основанный в 1834 г., где в это время проживало около 30 русских людей. Путешествие совершалось на двухмачтовом парусном бриге под названием «Анция». Выйдя из Ситхи 23 октября, в Дионисеевский редут о. Иоанн попал только 7 декабря, причем последние двое суток ему пришлось плыть на шлюпке.

Необходимо отметить мужество Иоанна Вениаминова, который, несмотря на подстерегающие опасности, упорно выполнял свое трудное миссионерское дело. В «Путевом журнале» он описывает одну опасную ситуацию, когда при выходе брига из пролива Врангеля вдруг поднялся сильный ветер, который едва не потопил судно. Таких случаев в его миссионерской практике было множество.

Иннокентий Вениаминов

Документ также свидетельствует о мудрой миссионерской работе о. Иоанна, который разрушил устоявшиеся в то время стереотипное общественное мнение о проживающих за морями диких, зачастую кровавожадных народах. Колоши действительно первоначально враждебно относились к русским, ожидая от них того же зла, что причиняли индейцам другие белые люди. Кроме того, это была реакция на действия русских промысловиков, которые ради наживы были способны на негативные поступки в отношении аборигенов. Иоанн Вениаминов с отеческой любовью относился к своей полудикой пастве, находил благородные черты в характере колошей, старался понять их культуру и приобщить их к православию. Но он не спешил с их крещением, он ждал, чтобы они сами стали приходить и просить об этом. Эта дальновидная политика дала очень хорошие плоды: после эпидемии оспы, вспыхнувшей на острове, когда русские, сделав прививки, спасли многих колошей от смерти, они приняли массовое крещение.

На острове Ситха о. Иоанн провел четыре года. Он устроил здесь школу для новокрещенных и их детей, в которой сам обучал Закону Божьему, грамоте и ремеслам. Итогами научных изысканий о. Иоанна за эти годы стали труды «Мифологические предания и суеверия колошей» и «Замечания о колошенских кадьякских языках».

Свой путевой дневник, в конце которого о. Иоанн добавил короткий отчет о своих занятиях после миссионерской поездки, он послал в епархиальную столицу — г. Иркутск. Иркутский епископ Нил (Исаакович) отчетный «Путевой журнал» о. Иоанна, сопроводив рапортом от 22 января 1839 г., отправил в Святейший синод, о чем свидетельствует запись на первой странице документа.

Вскоре в Санкт-Петербург приплыл сам Иоанн Вениаминов. 8 ноября 1838 г. он отбыл на корабле из Новоархангельска в Санкт-Петербург через Тихий и Атлантический океаны, чтобы решить вопрос о расширении миссионерского дела на Аляске. Плавание длилось более 7 месяцев. В Санкт-Петербурге при содействии Академии наук были опубликованы его труды: «Букварь алеутско-лисьевского языка», «Замечания о Колошенском и Кадьякском языках», «Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка», а также фундаментальный труд «Записки об островах Уналашкинского отдела». После Санкт-Петербурга о. Иоанн посетил Москву, где был произведен в сан протоиерея. В ноябре 1839 г. скончалась в Иркутске его супруга Екатерина Ивановна Шарина. Через

год о. Иоанн был пострижен в монашество, сменив мирское имя Иоанн на монашеское — Иннокентий.

«Ситха.

1838 года.

Апреля.

Путевой журнал священника Иоанна Вениаминова, веденный им во время путешествия в Дионисеевский редут, что в проливах Ситхинского архипелага [1] и выписка из вседневного журнала занятий касательно его должности.

С самого основания редута [2] св. Дионисия в Стахине, т. е. с начала 1834 года, живущие там русские около 30 человек не видели священника, и потому я имел намерения посетить их в нынешнее лето; но обстоятельства заставили меня быть там ранее.

23 октября субб[ота].

И я перебрался на бриг [3] Анция, взяв с собою дьячка, и в 11 часов утра снялись с якоря и пошли в проливы; и отошед верст около 25 в 5 часов остановились.

24 воск[ресенье].

В 8 часов утра снявшись с якоря пошли в Погибший пролив, отделяющий Ситху с западной стороны от прочих островов, и при благополучном ветре и попутном течении прошед самые узкие и быстрые места пролива в вечеру стали на якорь, прошед верст около 25.

25 понед[ельник].

Утром снялись и пошли под гребками [4] и в 4 часа остановились в том же проливе, прошед около 20 верст.

26 втор[ник].

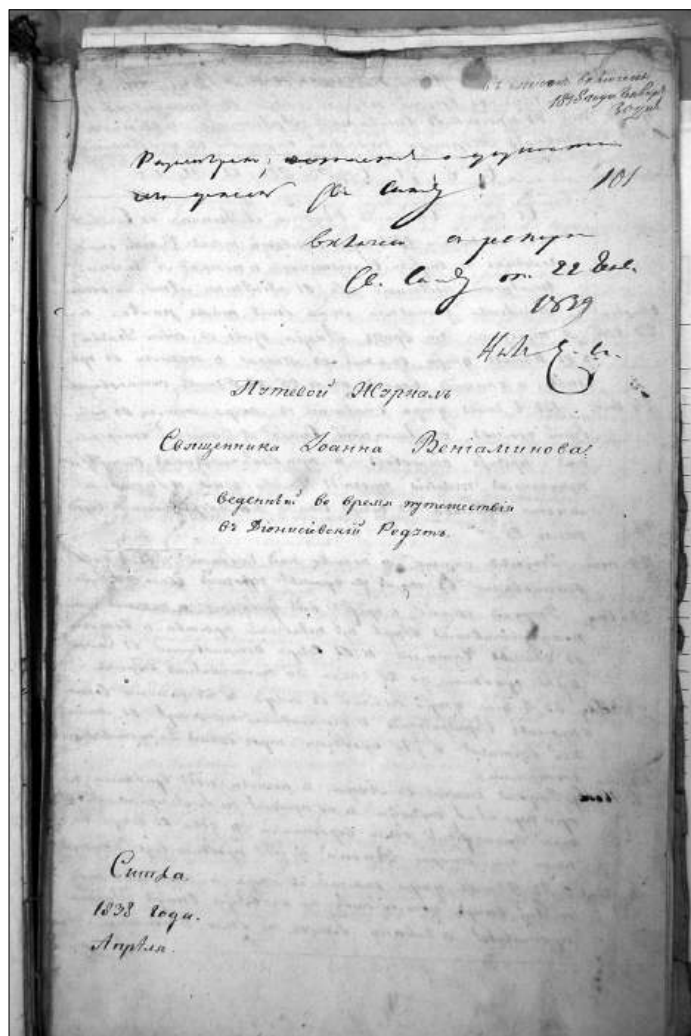
Утром снялись, и прежде под гребками, а потом при полупротивном ветре из Погибшего пролива и вошли в залив Чатам и в вечеру остановились в заливе, и здесь пробыли до 28 числа за противным ветром.

28 четвер[г].

В 4 часа утра снялись с якоря и к полдню вошли в пролив Фридригзунд и остановились на якорь в маленькой бухточке и здесь пробыли трое суток за противными ветрами.

1 ноября понед[ельник].

Утром снялись с якоря, и пошли под гребками; но при перемене течения и по причине неблагоприятного ветра принуждены были воротиться и едва, в вечеру, попали на старое место, и здесь пробыли еще 3 суток.

**Первая страница «Путевого журнала священника
Иоанна Вениаминова», находящегося в Государственном архиве
Иркутской области**

4 четв[ерг].

В 9 часов утра снялись с якоря и получив попутный ветер пошли далее, но к вечеру ветер сделался противный, а гавани близко не было, и потому мы принуждены были всю ночь держаться под парусами при темноте и в тесном месте, что было весьма не безопасно. В полночь сверх всякого чаяния мы встретились с бригом «Чичагов», на котором я должен был возвратиться: оно шло уже обратно в Ситху.

5 пят[ница].

В 9 часов утра вошли в гавань Переносная бухта. Вскоре за нами вошел и Чичагов. Здесь положено было с согласия моего: мне отсюда отправиться в редут, отстоящий отсюда более 70 верст на шлюбке. Хотя капитану и было предписано воротиться: но по причине позднего времени и не благоприятных ветров таковое плавание могло продолжиться более 3 недель, тогда как на шлюбке (хоть и не совсем безопасно) при ветре, не благоприятных случаях можно будет возвратиться сюда чрез две недели.

6 суб[бота].

В 7 часов утра я отправился на шлюбке, взяв с собою дьячка и все нужное для исправления треб и службы. В полдень останавливались для обеда, и, в вечеру, миновав пролив Врангеля, вечером в 6 часов остановились на пустом месте.

7 воск[ресенье].

В 3 часа утра отправились и в 9 часов остановились для пережидания противного течения; потом отправились с помощью паруса и при усиленной гребле в 10 часов вечера благополучно прибыли в редут.

8 пон[едельник].

Утром отправлены часы [5] в доме, и после оных среди двора на приготовленном месте — молебен Арх[ангелу] Михайлу с водоосвящением и провозглашением многолетия Августейшей фамилии (при пушечной пальбе) к сей церемонии были приглашены почетные из колош [6], живущих подле редута.

В вечеру отправлена вечерня.

9 втор[ник].

Отправлена утренья [7] и часы и — вечерня. Сегодня я поучал двух колошенок, желавших креститься. И приглашал к себе в гости почетных колош и говорил с ними довольно много касательно истинного богопочтения и, между прочим, сказал, что и мы русские прежде были такие же, как и они, но пришли к нам добрые люди и научили нас; и от того мы ныне сделались такими, какими вы нас знаете; и что и они

С о с р е д и н е.

Воскресніи и въ нѣкоторыя изъ праздниковъ до митрополита
такъ какъ и въ продолженіи всего мѣсяца Іануаріа
и правительности вообще дѣтей не посѣщаютъ церковь
и дѣлаемыхъ отъ 1 до 17 мѣсяца, коихъ собираюсь отъ 25
до 35 часовъ.

Слѣдуетъ еще обязанности постреленія Іануаріа
и въ дни Святыхъ:

а) по возвращеніи изъ Рязани Ванилаша отъ
свадьбы Лописки въ Іануаріа и отъ Кело-
шенскій Публичн., изъ коихъ первая привелъ въ со-
мнѣнію

б) продолжалъ вести Метеорологическій Журналъ
для Академіи наукъ.

Ситхинской Архангельской Церкви Святѣйшій
Священникъ Вениаминъ

Апрѣля 29 дня
1838 года.

Ситха.

Страница «Путевого журнала» с подписью священника
Ситхинской Архангельской церкви Иоанна Вениаминова

если захотят перенимать и учиться, то и они могут быть такими же, как и мы; и что рано или поздно это будет. И колоши были согласны со мною.

10 сред[а].

Окрестив колошенок и миропомазав 5 человек детей, отправил Литургию вне крепости и приобщал св. тайн новоприсвященных и детей.

При отправлении Литургии находилось множество колош, со всех сторон окружив место священнодействия, обнесенное решеткою. Почетнейшие же из колош были впущены внутрь. И должно отдать справедливость, что колоши умели сохранить благопристойность, и даже удивили меня своим вниманием и соблюдением должного порядка до того, никто из них не курил ни табаку, не кричал, и даже детям своим строго запрещали нарушать тишину. И, хотя я прежде спрашивал о согласии тоэна [8] и родников [9] колошенок, желавших креститься. Но при всем том я думал, что когда они увидят сих колошенок причащающихся, непременно что-нибудь произойдет между ими; но против того совершенно ничего кроме всеобщего сугубого внимания. После Литургии я чрез толмача [10] сказал колошам, что мы здесь молились истинному Богу Небесному, единому, Творцу, и проч.

После обеда в доме венчал управляющего с русскою невестою, и присутствовавшим при сей церемонии колошам и их женам весьма понравился сей обряд.

11 чет[верг].

Были утрения и часы, и в вечеру, после вечерни [11] и поучения, говоренные мною, исповедовал 20 человек.

12 пят[ница].

Отправляя Литургию на прежнем месте и приобщал исповедавшихся всех, кроме одного. После Литургии всех бывших колош я пригласил внутрь и говорил им о Боге, сотворении мира и человека, и цели сотворения человека и проч. и о том, что помощь людей умершим совершенно не нужна, и, следовательно, убивать рабов бесполезно. И они все, а особенно женщины слушали со вниманием.

После обеда я был на кладбище и отпевал умерших. И при сем случае колоши также показали уважение и внимание к нашим обрядам. Кладбище находится вне крепости не далеко от жилищ колошенских; и потому почти все они вышли смотреть совершение сего обряда. И в это время двое колош, бывшие немного поодаль в лесу и, не видя меня, запели свои

песни, и главный тоэн тотчас послал сказать им, и они перестали.

К вечеру я посещал двух первых тоэнов в их жилищах и они принимали меня с ласковостью и ненеуважением. И главный тоэн сказал мне: вот слушали вашу веру, не хочешь ли ты послушать об нашей. И я, разумеется, согласился с охотою. И он мне рассказал их предание или миф об основателе и учредителе всех их обрядов и обычаев каком-то Эле при многих других колошах. Но когда он начал говорить о сношениях и торговле, я скоро остановил его.

Но другой тоэн Куатхе, человек гораздо умнее и основательнее, он слушал меня с большим вниманием и кое-что спрашивал сам*.

13 суб[бота].

В 5 часов утра отправились обратно при попутном ветре и с нами редутский баркас [12]. В 9 часов и в 4 часа останавливались и потом продолжали путь до 10 часов вечера.

14 воск[ресенье].

В 1 час по полуночи

Отправились далее и пред утром встретили то судно, на котором я вышел из Ситхи, и которое во время моего отсутствия могло продвинуться не более 30 верст, по причине противных ветров. На рассвете при выезде из пролива Врангеля вдруг набежал на нас сильный ветер, который при противном течении на месте самом неудобном для действия гребками поставил нас в весьма опасное положение. И только расторопностью бывших при мне людей мы могли избежать опасности, и даже гибели и с величайшими усилиями могли пристать к берегу. Между тем как другой баркас не мог поправиться, и был выброшен на берег; но к счастью так удачно, что кроме неприятностей не случилось ничего худого. Но если бы они были далее от берега или захотели бы продолжать путь свой далее, то не было бы без беды.

* Капитан судна подпоручик Кузнецов, зимовавший в здешнем редуте, писал ко мне, что этот Куатхе не даром слушал меня. Это он доказал тем, что при отправлении тризны, где многие почетные по их обычаю убили своих рабов для доказательства своей любви к покойнику. Но Куатхе вместо того, чтобы убить двух своих рабов, отпустил их на волю, одного отдал в услужение одному бедному и дряхлому колошу, а другого малолетнего отдал русским, с тем, чтобы он был русский. Прodelавши это, он поступил весьма благородно. Потому, отпустивши их он их лишился и тем не нарушил своих обычаев, а не убивши их он исполнил обязанности человека.

К полдню ветер стих, и баркас подъехал к нам. И мы, в 2 часа отправившись, в 7 часов вечера прибыли благополучно на судно.

15 пон[едельник].

16 вт[орник].

За противными ветрами стояли на якоре.

17 среда.

В 8 часов снялись с якоря, и благополучно пройдя проливы Фридригзунд и Чатам, к утру следующего дня подошли к устью Погибшего пролива.

18 чет[верг].

Весь день держались над проливом без великого успеха.

19 пят[ница].

В полдень вошли в устье пролива и стали на якорь, и при переменившимся течении пошли далее. Но отошед не более 10 верст, встали на якорь.

20 суб[бота].

В 5 часов утра снялись с якоря и пошли далее. Но по причине неблагоприятных обстоятельств в 5 часов стали на якорь, отошед не более 40 верст.

21 воск[ресение].

22 пон[едельник].

23 втор[ник].

24 среда.

25 четв[ерг].

Во все сии дни снимались с якоря и шли под гребками, но с весьма малыми успехами; так что в 5 дней не сделали 25 верст.

26 пят[ница].

Ветер не позволял продолжать путь.

27 суб[бота].

В 9 часов утра на идущей шлюбке в гавань Ситхи я отправился, оставя все на судне, и в 10 часов вечера прибыл домой, благополучно миновав все опасности места.

С самого моего прибытия в Ситху, я имел намерение побеседовать с колошами; но оспа, которая с ноября 1835 до 1837 год свирепствовала между колошами, была препятствием тому. Но по возвращении в Ситху, я по соглашению с колошами с 12 декабря начал (по вечерам) посещать их в их жилищах, и рассказывал им из св. истории: сотворение мира, о потопе, распространении людей по свету и некоторым из них о жизни И. Христа и проч., что могло быть кстати. А они со своей стороны рассказывали об их вере и обычаях (разумеется, через толмача).

И после некоторых посещений (более 15) я могу сказать об них следующее: колоши охотно принимали меня и внимательно слушали мои рассказы и, кажется, всегда будут рады слушать, и также без всякой отговорки рассказывали о своих обычаях. Но так как я еще никого из них не спрашивал о желании креститься* . И судя по всему тому, сколько я мог видеть и узнать колош с духовным утешением, думаю и надеюсь, что весьма недалеко то время, когда они в свою очередь соделаются овцами единого стада Единого Пастыря. Ибо, ныне колоши уже совсем не то, что они были, и как я их знал в 1824 и даже в 1834 году. И таковая перемена произошла сколько от времени и сношений с русскими и другими европейцами, но более от бывшей здесь оспы, которая унесла с собою почти треть всего населения колош, тогда как ни один русский не был подвержен ее действию, и тем уменьшила их силу и явно показала разность между невежеством и просвещением. И вследствие этого близь живущие колоши сами собою приходят и приносят детей своих для прививания оспы, тогда как за год или за два никакая сила не могла бы принудить их к тому.

Сверх сего, я исполнил следующее:

1) В каждый воскресный и праздничный день были надлежащие службы с Литургиями, выключая трех воскресений в июле (тогда я был на минеральных водах для лечения) и также во весь великий пост были каждодневные службы со всеми Литургиями.

Постников в четырехдесятницу [13] сего 1838 года было 481, из коих только 5 не были у св. причастия. И сверх того в Успенский пост я, будучи в Озерновском редуте, отправлял обычные службы и все тамошние жители исповеданы и св. тайн приобщены на литургии, совершенной там в первый

* Потому что я, беседуя с ними имею ввиду не прямо то, чтобы предлагать им принять крещение (и тем как бы отличить себя); но я старался сколько можно мало помалу подействовать на их собственный разум, показывая им причину их заблуждения и нашей истины); то не могу сказать утвердительно о том, что согласятся ли они креститься, если бы им было предложено и особенно с обещанием некоторых вещественных выгод. Но думаю, что если бы кто-нибудь из них по почетнее вздумал окреститься с своим семейством, то, наверное, окрестились бы и все или по крайней мере многие. Потому что они уже несколько времени назад желающим из них креститься нисколько не возбраняют, и крестившимся не делают никаких неприятностей, и также в церковь ходят охотно, (впрочем одни только почетные, потому что многих впускать в крепость еще считается не совсем позволительно.

раз. И так всех постников в Ситхе, в Озерновском редуте и редуте св. Дионисия было 516 обоего пола; а не бывших: по лености и нерачением 93; за невозможностью и малолетством 536.

2) В течении года окрещено: детей разного звания 47, колош взрослых 3; браков совершено 10; умерших отпето 57; в числе коих 15 напутствованы, а прочие не напутствованы за невозможностью.

3) Проповедей своего сочинения говорил три* новых и 5 повторял из прежних.

4) В Ситхинском училище продолжал проповедовать Закон Божий два раза в неделю, кроме Великого поста.

5) С мая и до половины октября каждое воскресенье и в некоторые из праздников до Литургии, так как и в прошедшие годы поучал Закону Божию и нравственности вообще детей, не посещающих училище, и девушек от 7 до 17 лет, коих собралось от 25 до 35 человек.

Сверх сих обязанностей посторонние мои обязанности были следующие:

а) По возвращении из редута занимался окончанием моих записок об Уналашке [14] и отчасти колошенским языком, из коих первые привел к окончанию.

б) Продолжал вести Метеорологический журнал для Академии наук.

Ситхинской Архангельской церкви священник
Иоанн Вениаминов

Апреля 29 дня 1838 года
Ситха».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ситхинский архипелаг — группа островов на юго-востоке Аляски. Остров Ситха (Ситка), на котором в конце XVIII в. появилось русское поселение, названное в 1804 г. Новоархангельском, дал название архипелагу. В 1809 г. Новоархангельск становится административным и главным торговым центром русских поселений в Америке. В 1867 г. после продажи Аляски США Новоархангельск был переименован в Ситху и стал административным центром Аляски.

* 1. В 3-ю неделю поста о том, что каждый из нас должен с преданностью принимать и нести встречающиеся кресты. 2. В 5 неделю о силе и влиянии самолюбия. 3. В Великий Пяток о свойствах Духовной Любви.

2. Редут — военное укрепление с наружным рвом и бруствером.
3. Бриг — двухмачтовый парусный военный или коммерческий корабль.
4. Под гребками — т. е. на веслах.
5. Часы — богослужения, читаемые в определенный час богослужебного суточного круга. Часы бывают: трипсалмные, обычные, вседневные, великопостные и царские.
6. Колоши — народность, проживающая на юго-востоке Аляски.
7. Утренняя — богослужение суточного круга, совершаемое утром, после восхода солнца.
8. Тоэн — вождь племени.
9. Родники — родственники.
10. Толмач — переводчик.
11. Вечерня — первое по порядку богослужение суточного круга, совершаемое вечером, перед заходом солнца.
12. Баркас — большая гребная шлюпка.
13. Четырдесятница — время Великого поста.
14. Уналашка — один из Алеутских островов. «Записки об островах Уналашкинского отдела» опубликованы в: Творения Иннокентия, митрополита Московского / собраны Иваном Барсуковым. Кн. 3. М., 1888. XII, 662 с.

ДУХОВНЫЕ СВЯЗИ (БАЙКАЛ–АЛЯСКА) (К ИСТОРИИ ОДНОГО ДОКУМЕНТА)

Нанизывание малой истории по документам всегда дает благодатные плоды в истории человека и общества, казалось, что где-то далеко от Байкала Русская Америка, Аляска, исторические события освоения Америки в XVIII–XIX вв. прошли незаметными над просторами Байкальской Азии, оказывается, есть связь, в этом документе показано многое — освоение Сибири, продвижение православия, стих и слог церковной грамоты, аскеза духовного бытия и, наконец, мореплавание.

До образования в 1840 г. самостоятельной Камчатской и Алеутской епархии Аляска, а также острова Алеутские, Прибылова, Кадьяк и др. входили в Иркутскую епархию, самую обширную церковно-административную структуру Святейшего правительствующего синода. Одним из крупнейших островов Алеутского архипелага был остров Уналашка. С этим названием связана история одного документа, который хранится и экспонируется в Музее истории Бурятии.

Впервые он был представлен на выставке «Православная культура Бурятии» в дни празднования 2000-летия рождения Христова. Это архиерейская грамота о рукоположении в степень иерейства священнослужителя из далекого Забайкалья Владимира Модестова. Он был благословлен на службу в храм Св. Апостолов Петра и Павла, находящийся в Уналашкинской миссии Северной Америки полуострова Аляска.

Текст документа гласит: «Божией милостию, мы, Смирный Николай — епископ Алеутский и Аляскинский по благодати, дару и власти Всесвятого и Живоначального духа, данной нам у самого великого архиерея господа нашего Иисуса Христа, чрез святые и священные его апостолы, и их наместники и преемники, благоговейного сего мужа Владимира Васильева Модестова всяким первее опасным испытаниям прилежно испытавше, и достоверными свидетельствами, наипаче духовного его отца и иеромонаха Севастиана о нем уверившеся, по обычаю и чину святая апостольския восточныя церкви, благословением и рукоположением нашим, содействующу помежду животворящему и всесовершающему святому духу, посвятили мы во иерея ко храму

святых апостолов Петра и Павла, что в Уналашкинской миссии, Северной Америки, по воле Аляски и утвердили ему власть, тайнами святыми совершати человека в жизнь христианскую, духовную крещати, миропомазати, исповедати, литурговати, венчати по воли и согласии мужа и жены, и елеопомазание над болящими совершати, над здоровыми же никакоже дерзати и творити, вся церковные последования и чины действовати яко служителю Христову и строительству тайн Божиих. Подобаает же ему иерею, по нашему повелению и по своей должности вседушно прилежати чтению божественных писаний, и не инако сия толковати, но некое церковные светила, святые и богоносные отцы наши, пастыри и учителя великим согласием истолковали, и по завещанию апостольскому быть трезвену, целомудру, благоговейну, честну, страннолюбиву, учительну, не пьянице, не убийце, не сварливу, не мшелоимцу, но кротку, не завистливу, не сребролюбцу, свой дом добро правящее, чадо имущу в послушании со всякою чистотою: скверных и бабьих, якоже той же апостол к Тимофею пишет, басни отрицатись, обучати же себе к благочестию, образ быти верным словом, житием, любовию, духом, верою, чистотою: паче же вверенные ему люди учити благоверию, заповедям божиям, и всем христианским добродетелям по вся дни, изрядные же в день недельный, яко же повелевает шестаго Вселенского собора правило девятнадцатое, и исповедавших ему своя совести вязати и решити благорассудно, по правилам святых апостолов, и учению богоносных отцов, по уставу же святые восточной церкви, и по нашему наставлению и повелению: вящие же и неудоборассудные вины приносите и предлагайте нам. От храма же, к нему же благословен есть и у него же служите определен, и наму без нашего благословения предти никакоже дерзати, по третьему правилу Собора антиохийского: к сему же и правила в регламенте, т. е. уставе правительствующего Духовного Синода, пресвитерам оставлены, прилежно и часто прочитываете, и по оным исполняти. Аще же он иерей начнет житии бесстрашно, или что неприлично священству деяти: упиватиси или кощунствовати и корысти себе истязати от братии, или инако бесчинствовати, или о церкви и о пастве своей не радете, запрещение иерейства да примет дондеже исправится, и покажет житие незазорное и благочинное, иереям подобающее. Асе же что содеет возбраняющее священству, извержению сана иерейского да подлежит, в он же час оное возбраняющее содеет: обаче сего по нем не хотим, и не желаем, но паче тщатися ему всег-

да достойно ходите звания своего, и врученную себе паству пасти добре, да мудрых и верных служителей мздовоздаяния от руки воздающего, комуждо по делам его воспримет, и не постыдится в день страшного испытания вечна, но да речет — Господи: все аз и дети моя! Да услышит же и сладкий оный глас глаголющий: добрый рабе благ и верный над малыми был еси верен, над многими тебя поставлю внииде в радость Господа твоего! Итого ради вручили ему и обыкновенное в том поучение наше, печатным тиснением изданное еже должен он изучити, и в памяти всегда имети — да удобнее возмoжет и жительству своему внимати, и паству свою научати.

Известного же ради свидетельство, яко он Владимир Модестов в степень иерейства нами рукоположен и благословен, дадеся ему сия наша архиерейская грамота, рукою нашею подписанная, и печатью нашею утвержденная в граде Сан-Франциско, штата Калифорния, Соединенных Штатов Северной Америки.

Лето мироздания 7401 воплощения же божия слова 1893 года месяца декабря в 25-день».

Таким удивительным образом переплелись судьбы аборигенов далеких островов у берегов Северной Америки и забайкальского священника. К сожалению, сведения о Владимире Модестове весьма скудны. Известно лишь, что он «...служил в 1910-х гг. в Верхнеудинской (ныне Улан-Удэ. — *Авт.*) Николаевской железнодорожной церкви, а также состоял на службе в Николаевско-Заводской Елизаветинской церкви». «С 10 августа 1916 года уволен из Забайкальской епархии, за переходом на службу по военному ведомству».

В отчете обер-прокурора Святейшего синода о Камчатской и Алеутской епархии за 1869 г. говорится: «...для замещения священно- и церковнослужительских вакансий в американских церквах, при неимении кандидатов, предоставить преосвященному вызывать таковых из России через сношения с епархиальными архиереями». Возможно, именно таким образом был призван на священническую службу Владимир Модестов, более того, еще не полностью раскрыта история монастырей на восточном побережье Байкала, которые формировали духовные миссии в страны Центральной и Юго-Восточной Азии и принимали участие во всех государственных делах России в районах Тихого океана, на прибрежных территориях и островах.

После уступки Соединенным Штатам в 1867 г. бывших российских колоний Святейшему синоду предстояло опреде-

лить положение в них православной церкви и духовенства. С этой целью в 1869 г. учреждается самостоятельная архиерейская кафедра американских православных церквей, при этом «...удобнейшим местом для пребывания преосвященного в Америке, согласно с мнением бывшего Камчатского архиепископа Иннокентия, представляется Сан-Франциско, как по удобствам сообщения с бывшими колониями, так и по климатическим условиям».

Упомянутое имя архиепископа Иннокентия (Вениаминова) стоит в ряду самых выдающихся деятелей русского православия XIX в. Он родился в Иркутской губернии, на Байкальской земле. После окончания духовной семинарии в Иркутске служил в храмах этого города. В 1823 г. вместе с семьей он отправляется в суровый край — на остров Уналашка Алеутского архипелага, где в то время проживало 370 алеутов.

Служение в столь суровом и отдаленном месте уже само по себе явление неординарное. Распространение же веры Христовой среди языческого населения отдаленных островов в Тихом океане было проявлением мужества и самопожертвования православных подвижников, первые из которых еще в 1794 г. обосновали на островах православную миссию. Это были валаамские иноки, высадившиеся в конце XVIII столетия на острове Кадьяк.

Однако в плеяде церковных служителей Русской Америки имя святителя Иннокентия (Вениаминова) занимает особое место. Он был канонизирован Русской православной церковью в 1977 г.: «Приснопамятного митрополита Иннокентия, Святителя Московского, апостола Америки и Сибири, признать в лике святых, благодатию Божиею прославленных».

Принявший в монашестве имя иркутского святителя Иннокентия (Кульчицкого) Иннокентий Вениаминов явил всему христианскому миру пример духовной преемственности на апостольском поприще, высоко пронеся по жизни имя своего духовного предтечи.

Назначенный Петром I главой духовной миссии в Китай, Иннокентий Кульчицкий в 1721 г. прибывает в Забайкалье и долгих три года и десять месяцев, живя в Селенгинско-Троицком монастыре, ждет известий из Пекина. Миссия не состоялась, но в 1727 г. Иннокентий Кульчицкий назначается епископом вновь созданной Иркутской епархии. Неимоверными трудами и стараниями этого выдающегося человека территория епархии была значительно увеличена и благоустроена. В 1804 г. Иннокентий Кульчицкий был канони-

зирован Русской православной церковью. Восточная Сибирь обрела своего святого, к нетленным мощам которого и по сей день устремляются на поклон многочисленные верующие.

Также жива в народе память и об Иннокентии Вениаминове, «апостоле Америки и Сибири», святом, чье имя до сих пор помнят жители далекого Алеутского архипелага. «Его жизнь на далеком востоке империи не была просто “контактом с аборигенами”. У епископа Иннокентия не возникало стремления “изучить объект”, а было желание сопереживать, сочувствовать и, главное, помогать людям. Воистину, пребывал среди народов Святитель».

Сравнительно безболезненно вошли алеуты и буряты в мир современной цивилизации. И в этом усматриваются плоды усилий многих поколений православных проповедников, посеявших семена вероучения, которое позволило многим сибирским народам приобрести «...стойкое чувство причастности к ценностям реальным и устоять от натиска разрушительных соблазнов “цивилизации”».

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков П.В. Вклад митрополита Иннокентия в этнографию Алеутских островов // Материалы конференции «Русская православная церковь в Сибири». Улан-Удэ, 2003.

2. Из отчета г. Обер-прокурора Святейшего Синода о Камчатской епархии // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1869. № 12.

3. Исторические судьбы православия в Сибири: (тез. докл. науч. конф.). Иркутск, 1997.

4. Наумова О.Е. Иркутская епархия. XVIII – первая половина XIX века. Иркутск, 1996.

5. Очирова Ц.-Х.В. Новый документ в фондах Музея истории Бурятии: (К истории миссионерства русской церкви на Алеутских островах) // Материалы конференции «Русская православная церковь в Сибири». Улан-Удэ, 2003.

6. Святитель Иннокентий. Митрополит Московский. Иркутские страницы. Иркутск, 1999.

КОНТАКТЫ РОССИЯН С КОРЕННЫМ НАСЕЛЕНИЕМ АЛЯСКИ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

История изучения коренных народов Аляски российскими учеными и путешественниками насчитывает почти два столетия (конец XVIII в. – 1867 г.). На протяжении длительного периода Аляска являлась частью российских владений, потому россияне не только имели возможность, но и испытывали необходимость вступать в долговременные контакты с аборигенным населением. В итоге был собран огромный по объему и значимости этнографический материал об индейцах: тлинкитах и атапасках, эскоалеутах, не утративший своей актуальности и до настоящего времени.

Взаимоотношения россиян и коренного населения складывались непросто. Продвигаясь на восток, россияне вступали во взаимодействие с людьми, находившимися на ранних ступенях развития, сравнимых с каменным веком. Россияне на правах колонизаторов полагали, что несут блага цивилизации примитивным народам [1]. Аналогично, например, поступали евроамериканцы, в отличие от русских продвигаясь на запад. Общеизвестно, что в конце XVIII – начале XIX в. жестокое отношение «более продвинутых» народов к аборигенам считалось нормой. Причиной тому служили социальная организация, развитие промышленности и наличие оружия у европейцев.

Таким образом, культура автохтонов постоянно претерпевала изменения в результате не только собственной эволюции, но и воздействия иных культур, традиций и обычаев. Порой такие изменения приобретали катастрофический характер: племена враждовали из-за лингвистической и культурной разрозненности, отрицали родственные связи друг с другом, в Северной Америке имели место случаи геноцида [2]. Так, европейцы, пришедшие на юго-восточную часть Аляски, обнаружили, что племена тлинкитов практически вытеснены племенами хайда, жившими ранее на островах Королевы Шарлотты. Ослабить последние смогли только болезни, принесенные на Аляску европейцами.

Изучая культуру тлинкитов, исследователи обнаружили, что существенное влияние на ее формирование оказали

войны. Это прослеживалось по нескольким аспектам: во-первых, для того чтобы защитить себя, аборигены научились изготавливать оружие из металла и деревянный панцирь, выполнявший роль доспехов; во-вторых, смерть в бою являлась вершиной воинской доблести любого мужчины и приносила большое уважение его семье со стороны соплеменников. Европейцы, впервые столкнувшиеся с индейцами, обнаружили их необыкновенную стойкость в борьбе с врагами.

Тлинкиты стали ярыми врагами россиян, которые попытались вторгнуться на земли индейцев. Первая их встреча произошла в ходе экспедиции Беринга, когда исчезли два участника, отправленных на берег для осмотра местности. Впоследствии русским не удавалось подчинить тлинкитов своему влиянию. От их набегов неоднократно страдали российские поселения на острове Ситка, являвшемся штабом Российско-американской компании (РАК). Для защиты своего населения колонизаторы строили крепости, охранявшиеся от неожиданных набегов круглые сутки, но и это не всегда помогало. В 1802 г., например, крепость на Ситке была захвачена тлинкитами. В 1804 г. российский военный корабль обстрелял поселения тлинкитов, прогоняя их с острова.

Следует отметить, что противостояние индейцев и россиян продолжалось довольно долго и стало одной из причин, побудивших российское правительство продать Аляску Соединенным Штатам [3]. Так, по поводу взаимоотношений россиян и тлинкитов Wallace M. Olson в частности писал: «Хотя Аляска и считалась Русской Америкой вплоть до 1868 г., тлинкиты фактически контролировали все юго-восточные территории. Они терпели присутствие русских на о. Ситка только для товарообмена. Русские были хорошо вооружены, но не хуже были вооружены индейцы».

Продвижение россиян на Аляску, безусловно, было продиктовано экономическими интересами. Первыми на новые территории прибыли купцы и предприниматели. Основание Российско-американской компании в 1799 г. стало закономерным следствием процесса промыслового освоения Алеутских островов. В течение 68 лет своего существования она играла заметную роль во внутренней торговле с США и в торгово-экономических связях двух государств. Можно сказать, что именно благодаря деятельности РАК появилось понятие «Русская Америка» и укрепились позиции России на тихоокеанском побережье Северной Америки [4].

Начало XIX в. стало временем установления дипломатических контактов России и США. В 1803 г. Санкт-Петербург посетил американский консул Л. Харрис. Следствием этого визита стала интенсификация торговых отношений. В том же году только в кронштадтский порт вошли 84 американских судна, а их торговый груз почти вдвое превысил груз, доставленный из других стран [5]. В 1804 г. установилась неофициальная переписка между российским императором Александром I и президентом США Т. Джефферсоном, сыгравшая положительную роль в дальнейшем развитии торгово-экономических связей и в установлении дипломатических отношений двух государств.

Российское купечество имело прямую заинтересованность в развитии торговой компании на североамериканских территориях. Потому с подачи Г.И. Шелихова началось налаживание связей с автохтонным населением на острове Кадьяк [6]. Позже с аналогичными намерениями Шелихов сам совершал продолжительные путешествия по побережью Аляски и неоднократно рассылал сотрудников компании в отдаленные поселения индейцев. В 1788 г. он стал инициатором плавания вдоль юго-восточного побережья Аляски на галиоте «Три святителя» под руководством Г. Измайлова и Д. Бочарова [7].

Закономерным результатом исследований, продиктованных исключительно прагматическими целями, можно назвать выход в свет первого печатного описания тлинкитов, появление которого неразрывно связано с именем Шелихова. Оно стало частью записок, изданных под названием «Российского купца Григория Шелихова странствование с 1783 по 1787 год из Охотска по Восточному Океану к Американским берегам» [8]. Книга достаточно быстро приобрела популярность и неоднократно переиздавалась. Так, в 1793 г. вышло повторное издание на русском и немецком языках, в 1795 и 1803 гг. — на английском языке, а в 1812 г. — снова на русском. В 1971 г. книга была издана в Хабаровске под редакцией и с примечаниями Б.П. Полевого.

Следует отметить, что именно с деятельностью РАК связаны первые основательные исследования глубинных районов Аляски, осуществленные целым рядом экспедиций. Так, в 1818 г. состоялась экспедиция П. Корсаковского, в 1829 г. — И.Я. Васильева, в 1833 г. — А. Глазунова, в 1842 г. — Л.А. Загоскина.

Пеший поход А. Глазунова стал возможен благодаря поддержке Ф.П. Врангеля, бывшего в тот период Главным пра-

водителем русских владений в Америке. Врангель и сам не остался в стороне от исследования культуры аборигенов. Он стал автором книги «Статистические и этнографические известия о российских владениях на северо-западном берегу Америки», где сосредоточены интересные материалы об атапаскских племенах атена, ингаликов и танайна. Он описал обряд погребения у индейцев и перевел текст одной из погребальных песен, который был напечатан в статье «Обитатели северо-западных берегов Америки» в журнале «Сын Отечества» за 1839 г. Что касается Глазунова, то он подготовил записи об атапасках-ингаликах поселения Анвик на берегу р. Юкон [9].

Путешествие Л.А. Загоскина проходило по междуречью Юкона и Кускоквима. Оно завершилось знакомством с некоторыми племенами ингаликов и койюконов. Итогом стала подготовка к изданию материалов под названием «Пешеходная опись части русских владений в Америке» [10].

Загоскин получил известность как автор «Этнолингвистической карты Алеутских островов и части Аляски», на которой были отмечены малейгмиуты [11], расселившиеся от полуострова Сьюард и до залива Коцебу. Кроме того, он собрал большую коллекцию артефактов аборигенов Аляски. В 1846 г. 43 предмета поступили в Музей антропологии и этнографии (Кунсткамеру), куда вошли вещи атапасков-кавиагмиутов Юконской Субарктики: койюконов, ингаликов и киагукхотан [12].

Большой вклад в изучение культуры индейцев Аляски внес К.Т. Хлебников, на протяжении ряда лет являвшийся правителем Ново-Архангельской конторы РАК на острове Ситка (1818–1832), а с 1835 г. ставший одним из директоров Главного правления Российско-американской компании. Его перу принадлежат «Записки о колониях Российско-Американской компании» [13], первая часть которых («Порт Ново-Архангельск») включает наблюдения об атапасках (кенайцах и атена) и тлинкитах: об их языке, занятиях, торговых связях.

В общей же сложности крупномасштабные исследования Аляски предпринимались с самого начала XIX в. различными российскими экспедициями, каждая из которых внесла собственную лепту в дело изучения неизведанных земель. Это: первая кругосветная экспедиция И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского (1803–1806) [14], путешествия в Америку морских офицеров Г.И. Давыдова и Н.А. Хвостова (1802 и 1803) [15], кругосветная экспедиция во главе с Ф.П. Литке

(1826–1829). Итогом работы каждой названной экспедиции стали опубликованные труды, получившие широкую известность и не утратившие актуальности до настоящего времени. В частности, Ф.П. Литке за экспедицию и выпущенную книгу («Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе “Сенявин” в 1826, 1827, 1828 и 1829 годах флота капитаном Федором Литке») получил высшую по тем временам награду Российской академии наук — Демидовскую премию. Он отметил деление тлинкитского общества на фратии, рассказал о нормах и свадебных обрядах индейцев, характере рабовладения и Патлаче. На базе его исследований изучали тлинкитов видные американские этнографы: А. Ниблок, Ф. Драккер, А. Краус и др. [16].

Все названные экспедиции обогатили этнографические музеи страны собранными и привезенными экспонатами. Особенно преуспели в этом И.Ф. Крузенштерн, Ю.Ф. Лисянский, В.М. Головин, Ф.П. Литке, Л.А. Загоскин, И.Г. Вознесенский. Коллекции, собранные путешественниками, учеными, миссионерами, стали достоянием Кунсткамеры (Санкт-Петербург), а также хранятся в музеях Московского, Казанского и Томского университетов [17].

В настоящее время в коллекции Кунсткамеры находится более 110 предметов аглегмиутов [18]. Последние предметы были собраны в 1840-х гг. И.Г. Вознесенским, Л.А. Загоскиным и другими путешественниками, побывавшими на побережье Берингова пролива, Бристольского залива, островах Нунавик и Св. Лаврентия, р. Кукоквим, р. Юкон. В 1892 г. часть предметов была передана Кунсткамере Императорским Русским Географическим обществом (ИРГО) [19].

Особой страницей в изучении культуры аборигенов Аляски стала деятельность русского православного духовенства, просветительская миссия которого была бы невозможной без глубокого знакомства с традициями, бытом, языком аборигенов. И. Вениаминов, направленный на Аляску для проповеди христианства, проявил себя не только талантливым миссионером, но и крупным этнографом, лингвистом, естествоиспытателем. Он создал научные труды, ставшие классическими в этнографии и лингвистике. Во время пребывания в Ново-Архангельске в 30-х гг. XIX в. Вениаминов занимался изучением языка и культуры тлинкитов. Часть его труда «Записки об островах Уналашкинского отдела» посвящена описанию социальной организации тлинкитов в XVIII–XIX вв. Это описание стало первой в истории американистики монографией, посвященной тлинкитам. Уже

с XIX в. отрывки «Записок...» переводились на западноевропейские языки, а в 1985 г. работа была опубликована в полном объеме в США [20].

Память об И. Вениаминове жива на Аляске и сегодня. Сохранился его дом, построенный в 1843 г. на Ситке. В 1960-е гг. Конгресс США дал разрешение Национальной Парковой Службе приобрести дом у Русской православной церкви. В настоящее время он реконструирован до мельчайших подробностей. Личные вещи Вениаминова — иконы, лампы, посуда, письменные принадлежности — нашли достойное место там, где они были более 150 лет назад. На первом этаже дома располагались семинария для коренного населения, принявшего православие, и школа для детей тлинкитов, креолов и алеутов. На втором этаже находилась часовня, службы в которой возобновлены.

Кроме того, в Анкоридже открыт Русский музей православия, в котором можно приобрести открытки с православными храмами Аляски и так называемый «chai». Экспозицию музея составляют и вещи, когда-то принадлежавшие И.Е. Вениаминову, и совсем новые атрибуты церковных богослужений.

Православные миссионеры собрали значительную информацию об индейцах Аляски, которая существенно обогатила мировую науку. После продажи Аляски большая часть архива РПЦ осталась в США и в настоящее время хранится в Библиотеке Конгресса, но некоторая часть документов осталась в фондах архивов России. Эти материалы дают сведения о многих сторонах жизни индейцев, в том числе о характере их контактов с европейцами, в частности с миссионерами.

В конце XIX в. изучением индейцев Аляски занимался архимандрит Анатолий Каменский. В 1906 г. в Одессе была издана его монография «Индиане Аляски. Быт и религия их». Она стала второй фундаментальной работой после труда Вениаминова о племенах тлинкитов. Особенно ценным представляется то, что автор исследовал различные стороны жизнедеятельности индейцев: религиозную, экономическую, социальную, проследив изменения, произошедшие в ней за 100 лет [21].

Религия, социальные отношения, военная организация тлинкитов говорят о своеобразном пути их развития. Искусство тлинкитов всегда вызывало и продолжает вызывать интерес у европейцев. Испанцы еще в XVIII в. привезли на Ро-

дину множество скульптур из дерева и кости, которые сейчас хранятся в Музее Америки в Мадриде [22].

Исследовательская работа, связанная с изучением языков коренных народов Аляски, осуществлялась на протяжении всего периода, вошедшего в историю под названием Русской Америки. При этом словарный материал записывался путешественниками, миссионерами, работниками РАК при встречах с индейцами. Л. Загоскин, например, в описании своего путешествия опубликовал в виде таблиц словари двух атапаскских языков: инкиликов и инкалитов. Ф.П. Врангель делал заметки в своей записной книжке о словах, услышанных им от собеседников-аборигенов. Он оставил описания языков тлинкитов и кенайцев. Горный инженер П. Дорошин, работавший на Кенае в середине XIX в., составил собственный словарь [23].

Лингвистические заметки чаще всего представляли собой краткие собрания слов, так как освоение языка индейцев было делом достаточно трудным. Как правило, слова записывались русскими буквами, а общение происходило через толмачей. И. Вениаминов одним из первых стал собирать лингвистический материал. В течение нескольких лет он изучал язык тлинкитов на острове Ситка и подготовил «Замечания о колошенском [24] и кадьякском языках и отчасти о прочих российско-американских с совокуплением российско-колошенского словаря, содержащего более 1 000 слов, из коих на некоторые сделаны пояснения». Огромной заслугой И. Вениаминова является создание алеутской письменности и осуществление перевода текстов Священного Писания и молитв на распространенные на Аляске языки. На алеутском языке вышли труды Вениаминова «Указание пути в Царствие Небесное», «Начатки Христианского Учения», «Две притчи с Аткинского острова». Несколько работ Вениаминова были переведены на тлинкитский язык С.И. Костромитиновым, в том числе «Указание пути в Царствие Небесное» (Беседа преосвященного Иннокентия Вениаминова) и «Замечания о колошенском и кадьякском языках...» [25].

В середине XIX в. изучением языков индейцев Аляски занимался Л.Ф. Радлов. Он создал словарь кенайского языка и сделал обширные записи по тлинкитскому языку, работая с индейцем-тлинкитом, специально присланным в Петербург [26].

В течение рассматриваемого периода язык тлинкитов обогатился в процессе контактов с европейцами за счет заим-

ствований. Чаще всего это были контакты с носителями русского и английского языков в процессе товарообмена. Таким образом у тлинкитов появлялись новые слова, которые стали обозначать новые понятия. В большинстве случаев они видоизменялись и адаптировались к произношению индейцев [27].

В настоящее время данных о заимствованиях крайне мало. Тем не менее по сведениям о языке тлинкитов за 1805, 1812 и 1834–1839 гг., собранным Н.П. Резановым, А.А. Барановым, И. Вениаминовым, можно судить о степени видоизменения заимствованных слов. Они претерпевали такое фонетическое перерождение, что порой сложно узнать их исходный вид. Это связано главным образом с ограниченностью звукового набора в языке тлинкитов.

В относительно чистом виде сохранилось слово «коттль» (котёл), в то же время сложно узнать в тлинкитском «нам» английское «rum» (ром).

Порой заимствования входили в язык тлинкитов, так как были близки по звучанию к словам родного языка. Например, понятие «русские» звучит у них как «кускекуан», что в переводе на русский означает «люди дальних облаков», или «люди небесного горизонта».

В большинстве же случаев новые понятия соотносились с уже имеющимися в языке единицами родного языка. В 1805 г. Н.П. Резанов отмечал, что тлинкиты, в отличие от других племен Аляски, имеют «собственные названия всем европейским вещам». Так, кирпич они называли «тте» (камень), патоку — «тлиннукуц-угин» (сладкая вода), репу — «кускекуанкух-у». В кенайском языке, напротив, есть заимствование последнего слова, пусть и искаженное, — «лепа».

Американский лингвист М. Краусс с российской колонизацией связывает заимствование только девяти русских слов. Но данное утверждение может быть и неверным. Малое число заимствований можно связать в равной мере как с отсутствием регулярных контактов носителей русского языка и тлинкита, так и с длительностью периода, когда народы вообще не имели никаких контактов.

Русско-тлинкитское двуязычие было распространено у очень малой части тлинкитского общества. В 1820-х гг. двуязычными были только тлинкиты, проживавшие в Ново-Архангельске с русскими, служившие матросами на судах РАК, и аманаты, содержащиеся на острове Кадьяк. И. Вениаминов утверждал, что тлинкиты, чаще женщины, бы-

стро овладевали русским языком и говорили на нем лучше кадьякцев и алеутов. Ф.П. Литке, в свою очередь, упоминал одного из племянников главного ситкинского вождя Катлиана, который, прожив на острове несколько лет как аманат, «научился изрядно говорить по-русски». В 1827 г. он же писал: «Многие колоши начинают разуметь и говорить по-русски» [28].

Продажа Аляски в 1867 г. остановила процесс взаимодействия двух языков. Тем не менее на основе изученного опубликованного материала полагаем возможным утверждать, что единичные примеры русско-тлинкитского двуязычия, а также русские заимствования в тлинките имели место и в XIX, и в XX вв. В 1886 г. американские путешественники встретились на острове Кадьяк с тлинкитами, говорившими на смеси тлинкитского, русского и чинука. В начале 1890-х гг., по свидетельству епископа Николая, один старый индеец в якутате знал русский язык [29].

Во второй половине XIX в. среди тлинкитов, чаще путешественников и торговцев, распространился *чинук* [30] — торговый жаргон. В его основе находился язык индейцев нутка (остров Ванкувер), который содержал заимствования из английского, испанского, французского, русского и нескольких индейских языков. Р.Л. Олсон записал одно из тлинкитских преданий, повествующее о том, что индейцы куана тонгасс выучили чинук во время поездок в Форт-Симпсон и Викторию [31].

В настоящее время вопрос о заимствованиях продолжает оставаться открытым. Мнение специалистов сводится к тому, что необходимо проследить заимствования в различных куанах, так как контакты россиян с индейцами были неоднородными.

Многогранные исследования жизнедеятельности аборигенов Аляски различными экспедициями и отдельными учеными логическое завершение получили не только в издании фундаментальных научных трудов, формировании музейных коллекций, но и в создании этнографических и этнолингвистических карт. Последние, даже имея отдельные погрешности, представляют значительный интерес для занимающихся изучением народов Северной Америки.

Ценные сведения о жителях прибрежной части Северной Америки дают этнографические и этнолингвистические карты, составленные отечественными исследователями. Такие сведения имеются на «Карте Русской Америки 1821 г.», составленной М.Б. Берхом на основе иностранных источников;

на «Этнолингвистической карте Алеутских островов и части Аляски...» (1863 г.) Ф.К. Версмана [32]. Причем лейтенант императорского флота Федор Карлович Версман, служивший командиром одного из судов РАК, стал автором первой этнолингвистической карты Аляски.

С культурологических позиций особую ценность представляют дневники путешественников и рисунки. Рисунки появлялись довольно часто, так как в составе большинства экспедиций принимали участие художники. Именно они неоднократно помогали реконструировать традиционные обряды, одежду, украшения, убранство жилища и раскраску аборигенов Аляски. В октябре 1844 г. один из рисунков сделал И.Г. Вознесенский на похоронах тлинкитского вождя [33].

Существенное накопление сведений способствовало зарождению во второй половине XIX в. российской американистики как особого направления страноведения. С конца XIX в. этнографические материалы, собранные в Русской Америке, стали достоянием мировой науки. Справочные издания об Аляске, выходившие в печать по всему миру, как правило, базировались на русскоязычных источниках. Подобная тенденция сохраняется и до сих пор.

После продажи Аляски в 1867 г. интерес к изучению ее аборигенов в России не исчез, а даже, можно сказать, возрос. В разные годы увидели свет работы таких известных исследователей, как: В.И. Иохельсон («Об американских и азиатских элементах в мифах коряков» (1904), «Материалы по изучению алеутского языка и фольклора» (1923)) [34], В.Г. Богораз («Фольклор северо-восточной Азии в сравнении с северо-западной Америкой»), Г.И. Дзенискевич («Сказание о Вороне у атапасков Аляски» (1976)) [35], Е.М. Мелетинский («Палеоазиатский эпос о Вороне и проблема отношений Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки в области фольклора» (1981)) [36], который использовал фольклорные материалы тлинкитов в своей работе, посвященной мифологическому циклу о Вороне, и многие другие. Названные работы представляют существенный интерес с точки зрения изучения проблем взаимовлияния и взаимопроникновения культур.

Таким образом, следует отметить, что в XX в. тема связи культур севера Сибири и Америки привлекала большое внимание ученых. Ее исследованием занимались Ю.П. Аверкиева, И.С. Гурвич, Е.А. Окладникова, Г.И. Дзенискевич и др., чьи работы стали яркой страницей в отечественной нау-

ке. В настоящее время авторами целенаправленных работ по истории и этнографии индейцев Русской Америки являются С.Г. Федорова, А.А. Истомин, А.В. Гринев и др.

Тем не менее необходимо отметить, что, несмотря на стойкий интерес российских исследователей к истории Северной Америки, существуют вопросы, связанные с коренным населением Аляски, которые не раскрыты в полной мере. Например, вопрос этногенеза и этнических связей индейцев с народами Северо-Восточной Азии, мало изучены этнокультурные контакты аборигенов Аляски в доевропейский период их истории. Обширная палитра материалов, собранных российскими исследователями на протяжении всего периода их контактов с аборигенами Аляски, позволяет надеяться, что они найдут отражение в научных работах современных историков и этнографов и помогут ответить на нерешенные вопросы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Marr C.J. Photographers and their subjects or the Southern Northwest Coast: motivations and responses // *Arctic anthropology*. 1990. Vol. 27. P. 13–26; Sahlin M., University of Chicago // *Ethnohistory*. 2005. Vol. 52. *Nyt Journal of The American Society for Ethnohistory*. P. 3.

2. Abrams, Richard M. Alaska: The Euro-Americans' Last Frontier // *Американский и Сибирский фронтир: материалы междунар. науч. конф. «Американский и Сибирский фронтир»*, 4–6 октября 1996 г. / Амер. исследования в Сибири, вып. 2. Томск, 1997. С. 7–18.

3. Там же.

4. Иванян Э.А. История США: пособие для вузов. 3-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2008. С. 137–141.

5. Там же.

6. То же, что остров Кыхтак.

7. Дзенискевич Г.И. Изучение индейцев Аляски в России // *История и семиотика индейских культур Америки* / отв. ред. А.А. Бородатова, В.А. Тишков; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2002. С. 504–514.

8. Книга Г.И. Шелихова, вышедшая в 1791 г. в Санкт-Петербурге, носила название «Российского купца Григория Шелихова странствование с 1783 по 1787 год из Охотска по Восточному Океану к Американским берегам и возвращение его в Россию с обстоятельным уведомлением об открытии новообретенных им островов Кыктака и Афогнака, до коих не достигал и славный Аглинский мореходец

Капитан Кук, и с приобщением описания образа жизни, нравов, обрядов, жилищ и одежд обитающих там народов, покорившихся под Российскую державу».

9. То же, что Квихпак.

10. Дзенискевич Г.И. Указ. соч. С. 504–514.

11. Там же.

12. Окладникова Е.А. Заметки об эскимосских коллекциях из западной Арктики США в собрании МАЭ // История и семиотика индейских культур Америки / отв. ред. А.А. Бородатова, В.А. Тишков; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2002. С. 540.

13. Впервые две части «Записок...» вышли под названием «Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана», остальные четыре части вошли в 1919 и 1985 гг. в книги «Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова» (составление и комментарии Р.Г. Ляпуновой и С.Г. Федоровой).

14. Лисянский Ю.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1805 и 1806 годах, по повелению его императорского величества Александра Первого, на корабле «Нева», под начальством Флота Капитан-Лейтенанта... и кавалера Юрия Лисянского. СПб., 1812.

15. В 1810 и 1812 гг. вышла книга «Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним».

16. Дзенискевич Г.И. Указ. соч. С. 504–514.

17. Там же.

18. Эскимосские племена.

19. Окладникова Е.А. Указ. соч. С. 540.

20. Там же.

21. Там же.

22. Abrams, Richard M. Указ. соч. С. 7–18.

23. Там же.

24. Колошами россияне называли тлинкитов.

25. Избранные труды святителя Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского / сост. магистр богословия протоиерей Б. Пивоваров. Новосибирск, 1997. С. 3–10.

26. Дзенискевич Г.И. Указ. соч. С. 504–514.

27. Гринев А.В. Индейцы тлинкиты в период Русской Америки (1741–1867 гг.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. С. 233–236.

28. Там же.

29. Там же.

30. По названию индейского племени, жившего в низовьях р. Колумбии.

31. Гринев А.В. Указ. соч. С. 233–236.

32. Окладникова Е.А. Указ. соч. С. 540; Гринев А.В. Указ. соч. С. 233–236.

33. Дзенискевич Г.И. Указ. соч. С. 504–514.

34. Иохельсон В.И. Об азиатских и американских элементах в мифах коряков: (Доклад, читанный 28 августа 1904 г. на XIV Интернациональном конгрессе американистов в Штутгарте) // Землеведение. М., 1904. Т. XI, кн. III. С. 33–41; Он же. Материалы по изучению алеутского языка и фольклора. Т. 1. Образцы народной словесности. Вып. 1. Тексты на уналашкинском наречии с переводом и примечаниями. Пг., 1923. 28 с.

35. Дзенискевич Г.И. Сказание о Вороне у атапасков Аляски // Советская этнография. 1976. № 1.

36. Мелетинский Е.М. Палеоазиатский эпос о Вороне и проблема отношений Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки в области фольклора // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М.: Наука, 1981. С. 182–200.

ИЗ ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА КРУГОБАЙКАЛЬСКОГО ТРАКТА

Шелеховский район — один из молодых районов Иркутской области, был создан 20 января 1993 г., его населенным пунктам более 300 лет. Рождением своим они обязаны Иркутскому Вознесенскому мужскому монастырю и главной государственной дороге, строили которую казаки, крестьяне и государственные люди. Имена многих из них канули в Лету, судьбы их неизвестны, но плоды их рдения из глубины трех веков дошли до наших дней. Это не изменившие ни местоположения, ни свои названия села нашего района — Введенщина, Баклаши, Моты, Олха, Глубокая, а также дорога, ставшая для них источником жизни, — Кругобайкальский тракт.

Историческое определение транспортного пути, который в XVIII в. прошел через населенные пункты современного Шелеховского района, определило тему исследования Кругобайкальского тракта на участке дороги, расположенном между г. Иркутском и пос. Култук.

Все дороги в России по степени важности были разделены на пять разрядов. Дороги вокруг Байкала относились к первому разряду — к дорогам главных сообщений, или государственным.

Активизация торговых и дипломатических отношений с Китаем в конце XVIII в. способствовала созданию новых дорог. Кругобайкальский (Кругоморский) тракт стал одной из них, связывая Иркутск с Забайкалем.

В 1780 г. иркутский губернатор Франц Николаевич Кличка сообщил купечеству, что получено разрешение вести торг в Китае с мая месяца, а в 1781 г. он представил Сенату проект сооружения дороги вокруг Байкала через Тункинские горы. Путь от Иркутска до Кяхты составил 394 версты (1 верста = 1 067 м) и стал золотой жилой для сибирских купцов, которые вели торг шелком, чаем и мехом морских животных. В Кяхте известный купец Г.И. Шелехов имел торговые дома.

К изыскательским работам по Кругоморскому тракту по поручению сибирского генерал-губернатора М.М. Сперанского был привлечен инженер-капитан по Корпусу инженеров

путей сообщения будущий декабрист Гавриил Степанович Батеньков. Ему поручают проверить «возможность учредить трактовую дорогу вдоль берега Байкала, вместо существующей теперь Кругоморской». К исследованиям Г.С. Батенькова присоединяется местный (верхнеудинский) исправник М.М. Геденштром, известный ученый и знаток Сибири. Именно он подал идею построить новую дорогу после Култука по южному берегу Байкала. Проект, руководимый Батеньковым, обеспечивал большую доступность сооружения дороги и впоследствии обещал удобства передвижения. Правда, длина дороги увеличивалась до 665 верст вместо 421 версты старой дороги. Вот этот факт и послужил основанием для отклонения в Петербурге проекта Кругобайкальской трактовой дороги, предложенного Г.С. Батеньковым.

Для иркутских купцов важнее было создание именно торгового пути, нежели государственной дороги. Поэтому спроектированный купцом Игумновым и им же профинансированный отрезок пути от Култука к долине Утулика, а далее через верховья р. Снежной, отроги Хангарульского Мало-Хамардабанского хребтов, через долину р. Джиды в Кяхту был выстроен и эксплуатировался почти полвека.

Несмотря на проходившие в правительственных кругах длительные согласования, путь от губернского Иркутска до с. Култук сразу после принятия решения о начале реконструкции тракта собственными усилиями местных властей и сельских сообществ оформляется в настоящий тракт с почтовыми станциями, находящимися рядом кузницами, постоянными дворами.

В 1827 г. проезжающий через Сибирь правительственный чиновник и путешественник Алексей Мартос сообщает: «От Иркутска до Култука считается 93 версты. Первая перемена почтовых лошадей в слободе Введенской, за 25 верст от города, от Введенского на 19 версте в Мотском поселении, далее чрез 20 верст в Кругосланском, и далее едут до Култука 29 верст...».

Декабрист Николай Иванович Лорер в сочинении «Записки моего времени. Воспоминания о прошлом» дает весьма подробное описание своего пути из Иркутска в Мертвый Култук — место, определенное для него ссылкой: «Мой провожатый казак был добрый малый и очень разговорчивый. На первых же порах он высказал мне, что он очень радуется, что ему удалось делать этот путь зимою, потому, что летом

дорога делается невыносимой, или, лучше сказать, невозможной; что будто бы часто случается, что медведи ложатся поперек дороги. Говорил он мне, что даже однажды подобные незванные-непрощенные гости заставили кяхтинскую почту вернуться в Иркутск...»

Вероятно, горестные мысли о предстоящей жизни в пустынной, Богом заброшенной местности отвлекали Николая Ивановича, но некоторые приметы уже существующего тогда Кругоморского пути отложились в его воспоминаниях: «Скоро проехали мы бедную деревушку, где переменили лошадей, и мой казак сказал мне, что и она кому-то назначена на жительство из наших [1]. “Ведь есть же счастливицы, которым достаются подобные места”, — подумал я, представляя себе страшный свой (Мертвый) Култук. Места, по которым мы проезжали, представляли собой почти всюду сплошной вековой лес, с узенькой тропинкой, едва приметной... На одном, совершенно неожиданном повороте я увидел беленький домик, обнесенный обвалившимся частоколом, с выбитыми рамами и стеклами, явно европейской конструкции, и узнал, что тут поселен был когда-то какой-то ссыльный, но в одну ночь его схватили и увезли, а с тех пор домик разваливается без присмотра... Все тем же лесом стали мы подниматься в гору, мороз был страшный... На рассвете на одном из перевалов я увидел впереди высокий хребет гор и узнал, что горы эти называются Хамар-Дабан...».

Но направление дороги вдоль южного берега Байкала, выбранное Батеньковым, привлекало специалистов своей простотой и удобством. В 1854–1855 гг. инженер-полковник Шац производит новые изыскания по данной трассе. В новом проекте были приняты почти все предложения Г.С. Батенькова.

Для содержания дороги в нормальном состоянии был установлен сбор с подорожных, а также с курьеров взимали плату за прогоны деньгами и серебром.

В 1863 г. по высочайшему положению Сибирского комитета была разрешена постройка 11 станционных домов, в число которых вошли почтовые станции Введенская, Мотская, Большая Глубоковская. По техническим сметам было выделено 29 236 р. 17 к. из запасного капитала. Станции должны были быть построены к началу осени 1864 г. [2].

9 сентября 1866 г. в донесении на имя иркутского гражданского генерал-губернатора Шалашникова говорится о

том, что «окончена постройка станционных домов Мотского, Большеглубоковского». На постройку Мотского станционного дома затрачено 4 607 р. 40 $\frac{3}{4}$ к. [3].

Строительство станционных домов Восточной Сибири осуществлялось по чертежам, утвержденным 2 декабря 1848 г. Высочайшим указом.

Все имущество почтовых станций, а также имеющихся при них построек подлежало учету. В Иркутском областном архиве в фонде Управления строительной и дорожной частями в Восточной Сибири сохранились описи на станционные почтовые дома со службами на Михтеевской, Утуликской, Мысовой почтовых станциях с подробным перечислением всего имущества. «Дом для проезжающих и писаря в длину 5 сажень, в ширину 4 сажени, с пристройками двух ретирад, обшитых тесом. Крыша окрашена краскою вохрою на масле, обшивка дикого цвета краскою на клею — одна штука. В ней комнат 4; образ во имя Спасителя в ризе под фальгою под стеклом, стоящий 1 рубль 50 копеек — одна штука; окон десять; дверей внутренних, столярной работы филенчатых окрашенных под ясень на желтых петлях — 4; к ним скоб медных — 8; наружных дверей — 2, одна обшита внутри войлоком; печей голландская — 1 штука; русская — 1 штука, камин с чугунной задвижкой, стол складной под политуру стоящий 12 рублей серебром — 2 штуки; диван турецкий, покрытый американской клеенкой, стоящий 12 рублей — 1 штука; стулья под политуру дюжина стоящие 25 рублей серебром — 12 штук; зеркало — 2 штуки вышиной 13, шириною 9 вершков в рамках под орех, стоящие 40 рублей с желтыми крючками и позолоченными решетками; стол для писаря с ящиками — окрашенный — 1. Флигель для ящиков в длину по улице 3 сажени, в ширину сажень — 1. Двор огорожен с трех сторон забором, который составляет и стену навеса — всего звен 13 штук. Два фонарных столба с желтыми фонарями, выкрашенными зеленою краскою и застекленными, стоящими 5 рублей — 2 штуки. Орел над воротами выкрашенный и позолоченный стоимостью 15 рублей — 1 штука» [4].

В фондах Иркутского краеведческого музея были найдены две фотографии с изображением Мотской и Большеглубоковской почтовых станций. Здания почтовых станций, изображенные на них, в настоящее время не существуют.

30 января 1871 г. в Управление строительством дорожных частей пришел запрос № 520 на выдачу из Иркутского губернского казначейства 853 р. 21 к. на исправление почтовых станций Мотской и Большеглубоковской. Выделенные средства были использованы на оплату печнику — 58 р., штукатуру — 22 р. 64 к., плотнику — 25 р., маляру — 1 р. 43 к., чернорабочим — 22 р., приобретены сосновые доски на 81 р., масло конопляное на 11 р., железо на 13 р. 20 к. и т. д. [5].

К 1863 г. на Кругобайкальском тракте было построено 16 почтовых станций. При станциях были кузницы, постоянные дворы, трактиры, здесь содержали от 4 до 10 пар лошадей. Жители сел занимались ремонтом участков тракта, закрепленных за селами и каждым двором, — содержание тракта являлось государственной повинностью.

В ремонте тракта принимали участие не только крестьяне сел, но и иногородцы, т. е. рабочие из отдаленных населенных пунктов Иркутской губернии. В 1899 г. при ремонте тракта Моты — Большеглубоковская работали 50 человек китойских рабочих, а также рабочие Кажальского ведомства [6].

Летом 1883 г. в результате наводнения на р. Иркут был значительно разрушен участок тракта между Смоленщиной и Введенщиной. Разрушения на протяжении 15 верст полотна дороги были столь велики, что не имело смысла их ремонтировать. Новая почтовая дорога прошла по существующей проселочной дороге, минуя Смоленское и Введенское селения, через Олхинское селение на Мотскую станцию, сокращая расстояние на 7 верст. От Иркутска до Олхинской станции было 18 верст, а от Олхинской до Мотской — 19 верст. Эта дорога устраивала почтовое ведомство. Новая дорога использовалась недолго, так как давно сложившийся путь проходил через три населенных пункта, а новое направление лишало население этих сел хорошо отлаженных связей. Тракт вдоль р. Иркут был восстановлен. В фондах Музея Г.И. Шелехова есть копия карты «Проект проложения нового пути по Кругобайкальскому тракту» [7].

Жители притрактовых сел кроме ремонта занимались извозом. Договор, заключенный Российско-американской компанией на базе Иркутской конторы 30 ноября 1831 г., свидетельствует о перевозе ими на своих лошадях товаров этой компании: «...под высочайшим Его Императорского величе-

ства покровительством Российскойской Американской Иркутской конторе дали сей контракты Иркутского округа Жилкинской волости, крестьяне деревень Олхинское, Мотской Василий Кошкин и Баклашинские Тимофей Александров Соколов в том что 1-е договорились доставить на собственных лошадях и своими рабочими людьми из Иркутска в Кяхту по Круго-морской дороге компанейских пушных товаров...».

Кругоморский тракт был самым удобным путем сообщения Иркутска с Кяхтой в XVIII–XIX вв.

Исследование по изучению истории участка Кругоморского тракта Иркутск — Култук и роли жителей притрактовых сел Введенщина, Моты Большая Глубокая, Олха в строительстве и обслуживании тракта продолжается.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В с. Введенском жил на поселении с августа 1839 г. по январь 1840 г. декабрист Александр Николаевич Сутгоф.
2. ГАИО. Ф. 31. Д. 453. Л. 1–2.
3. Там же. Л. 130.
4. Там же. Л. 65–67.
5. Там же. Д. 465. Л. 24–27.
6. Там же. Ф. 208. Оп. 3. Д. 593. Л. 98.
7. Там же. Ф. 31. Оп. 32. Д. 483. Л. 4.

РУССКАЯ ПЕЧЬ НА БЕРЕГАХ ЛЕНЫ

Печь во все времена играла главную роль во внутреннем пространстве русского жилища, была его неотъемлемой частью. Строение без печи считалось нежилым. В доме все было неразрывно связано с печью. В ней готовили и мылись, на ней спали и лечились, у печи гадали и ворожили. Порой русский человек рождался на печи и умирал на ней. Однако русская печь, как и все другое в мире, не оставалась чем-то неизменным во времени...

Первые русские поселенцы, появившиеся на берегах Лены в XVII в., перенесли сюда и основной тип русской печи, существовавший тогда на Руси. Это была глинобитная печь без трубы, которая топилась «по-черному». Дым из устья такой печи выходил в жилое помещение и заполнял верхнюю часть жилища, оседая копотью на потолке и стенах. Для выхода дыма из избы открывали дверь и специальное волоковое окно. После того как печь протапливалась, дверь с окном закрывали, и помещение наполнялось теплом.

В XVII–XVIII вв. «черные», или «курные», избы были характерны для всей Восточной Сибири, в том числе и для ленских селений. Причем «белые» избы являлись тогда редким исключением. И.Г. Гмелин, находясь в 1730-х гг. в Илимске, центре Илимского воеводства, записал в своем дневнике: «Все жилые дома частных лиц очень плохи. Во всем городе только одна комната, свободная от дыма, но и она так плоха, что лучше нее взять черную избу. Я жил в паршивой черной комнате, в которой часто в облачную погоду среди бела дня приходилось зажигать свечу. Если я что-нибудь писал или читал, то вскоре бумага покрывалась падающей копотью» [1].

В первой трети XIX в. курные избы на р. Лене по-прежнему были в подавляющем большинстве. Н.С. Щукин в книге «Поездка в Якутск», написанной на основе путевых заметок 1829 и 1830 гг., отмечал, что жители Киренского округа Иркутской губернии «имеют черные избы» [2].

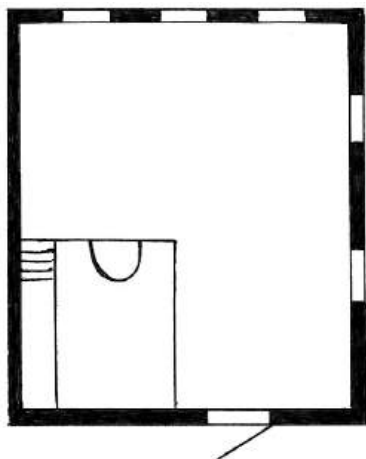
В 1840 г. Н.С. Щукин вновь проехал по Лене, после чего во втором издании книги появились новые сведения по интересующему нас предмету. Автор сообщал: «Селения [Верхоленской волости Иркутского округа] построены беспорядочно, и хотя нет домов, крытых соломой, зато много изб курных

<...> Курные избы в Иркутской губернии остались только на Лене, там хотя и слабо, но все-таки защищают превосходство этих изб противу белых. Впрочем, у многих крестьян есть и горницы с печками» [3]. И в другом месте о Киренском округе: «Домы по большей части курные и разделяются сениями на две половины: в задней бывает горница с печью. Хотя жители и заступаются за черные свои избы, однакож понемногу оставляют их» [4].

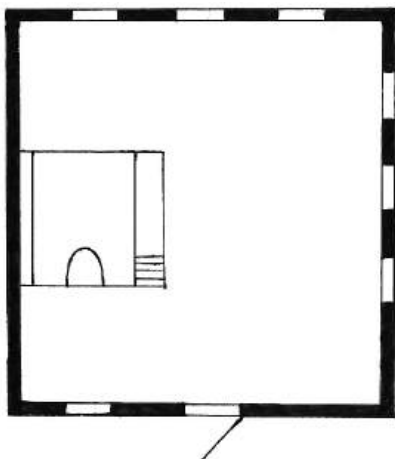
Нужно отметить, что достоинствами курных печей считали следующее: большее количество тепла при меньшем расходе топлива, хорошую вентиляцию и дезинфекцию помещения, сохранение дома сухим, отсутствие сырости и гниения дерева [5]. Говоря же о «горницах с печками», Н.С. Щукин имел в виду чистые половины крестьянских домов «на связи», предназначенные для приема гостей в праздники. Печи в горницах ставили белые, они могли быть как русскими, так и голландскими (голландки), служившими только для обогрева помещения. К сожалению, автор не уточняет, какие именно печи видел он.

Более подробные описания ленских изб с печами приводятся в работах медиков Ф. Шперка и Н.И. Кашина, опубликованных в 1870 г. Исследуя характерные для ленских жителей заболевания, они проявили интерес и к быту ленских крестьян. Так, Ф. Шперк изложил свои наблюдения по печам Верхоленского округа следующим образом: «При входе в жилую половину, налево, у самых дверей стоит большая, кухонная русская печь, битая из глины; отверстие в печи для топки находится в меньшей комнате, против окна, и называется целом и делается полукругом, место перед целом называется шестком*, между печью и стеной, в остающемся довольно узком пространстве, приделывается, наравне с высотой печи, служащая ей как бы продолжением деревянная пристройка и известная под названием голбчика, которая служит вечным местом для лежания бабушки или дедушки и отогревания их старых костей. За печью (под голбчиком) находится ход по лестнице в яму, вырытую под полом и называемую подпольем, которое служит для хранения овощей в зимнее время». И далее: «В округе, в редких селениях, встречаются у крестьян так называемые черные или курные избы; но подобные избы вновь не строятся, а составляют воспоминание старины; подобная изба отличается устройством только печи,

* Под шестком, внизу печи, находится небольшое помещение для кур в зимнее время. — *Примеч. Ф. Шперка.*

*Размещение печи
первого типа*

*Размещение печи
второго типа*

которая [не] имеет трубу, и дым, выходя из чела печи, идет в отверстие, сделанное сбоку или над печью, в стене избы; это отверстие бывает величиной в небольшое окно и запирается деревянным ставнем; во время топки изба наполняется дымом и в ней делается очень холодно, так как отворяют еще двери для того, чтобы выходил дым; но когда печь истопится и отверстие для выхода дыма закрывается, то изба скоро и сильно нагревается, воздух в ней походит на банный и у меня постоянно производил щекотание в горле и особенный, как бы горький, вкус во рту» [6].

Описание Ф. Шперка дополняет Н.И. Кашин, обследовавший Киренский округ: «Тотчас от дверей кладется, обыкновенно на деревянных устоях, большая русская печь, но не из кирпичей, а преимущественно из одной глины, что составляет так называемую битую печь, которая иногда (подчеркнуто нами. — Авт.) кладется без трубы. Таким образом, внутренние стены таких домов представляются грязными и черными вследствие копоти, происходящей от дыма при топке печей; для выхода же дыма устраивается особенное окно или же отворяются во время топки двери. Голландские печи бывают только в тех домах, при которых пристроена светлая и чистая горница» [7].

Из приведенных сообщений следует, что к 1870 г., через 40 лет после посещения тех же мест Н.С. Щукиным, у лен-

ских крестьян в целом произошел переход к печам с трубой, и более распространены были белые избы. Эту переменную зафиксировал и П.А. Кропоткин, проплывший по Лене в 1866 г. [8].

Повсеместный переход от курных печей к белым на р. Лене стал возможен, на наш взгляд, с появлением и широкой доступностью листового железа для изготовления печных труб. Глинобитная труба, вследствие особенностей материала, не могла выходить за потолочное перекрытие больше чем на метр, а с учетом чердачного пространства и возвышения над крышей этого было недостаточно. Поэтому для того чтобы перейти на сооружение печей с топкой по-белому, нужно было решить техническую проблему выведения дыма через крышу. Деревянные трубы были ненадежны и пожароопасны. Существовали и другие варианты, например И.И. Серебренников среди изделий гончарного промысла в Иркутской губернии в 1914 г. называет «трубы для печей» [9]. Однако керамические трубы были скорее исключением, чем правилом.

Кирпичные же трубы, равно как и кирпичные печи, не получили распространения на Лене из-за слабо развитого кирпичного производства, что отмечал в начале XX в. Н.Н. Козьмин. Изучая вопрос о кустарной промышленности в Иркутской губернии, он писал, что производство кирпича в Киренском уезде было непостоянным, что им обычно занимались поселенцы, которых нанимали местные зажиточные хозяева, а в Верхоленском уезде «кирпичники — или отставшие от земледелия крестьяне, или никогда не занимавшиеся хлебопашеством поселенцы» [10]. Из этих сообщений следует, что хотя кирпич и производился, но даже в начале XX в. он был доступен лишь зажиточным семьям.

Таким образом, массовый переход к белым печам на Лене, скорее всего, произошел с распространением железных труб. Не случайно этот переход совпадает со временем постройки Николаевского чугуноплавильного и железоделательного завода (строился в 1845–1856 гг., производство началось в 1847 г.). С самого начала работы завода на нем имелся стан для прокатки железа [11]. Николаевский завод находился в Братской волости Нижнеудинского округа в 25 верстах от с. Братского и в 600 верстах от Иркутска. До его постройки спрос на железные изделия удовлетворялся в основном уральскими железоделательными заводами.

В 2007 г. Архитектурно-этнографическим музеем «Тальцы» было проведено экспедиционное обследование ленских деревень в Усть-Кутском и Киренском районах (от г. Усть-

Кута до с. Петропавловска). Одной из задач экспедиции, в которую входили авторы настоящей статьи, являлось изучение и описание русской печи, ее устройства и характерных особенностей и, что не менее важно, ее расположения в пространстве избы.

Ни одной курной избы или русской печи с топкой по-черному во время экспедиции на ленских берегах обнаружено не было. О курных избах теперь не помнят даже старики. Однако бани по-черному с печами-каменками существуют у отдельных любителей до сих пор.

Белые же русские печи на берегах Лены продолжали сооружаться до второй половины, а использоваться — до самого конца XX в. Однако с 1850–1870-х гг. печи и их расположение в избах претерпели ряд существенных изменений.

Глинобитная русская печь благодаря своему деревянному каркасу была конструктивно связана с полом, потолком и стенами избы. Однако печь, как и всякое изделие из глины, имела значительно меньший запас прочности и срок эксплуатации, чем изба. Поэтому, исчезая, такие печи оставляли следы в интерьере избы в виде пазов в стенах, отверстий в потолке и выемок в полу. Исходя из этих характерных следов удалось выявить несколько последовательных типов печей и вариантов их расположения, существовавших в одной избе в период на протяжении около 150 лет. За это время в доме сменялось две-три печи.

Первый тип устройства белой русской печи характерен для изб наиболее ранней постройки. Следует думать, что это были первые избы, которые строились взамен курных примерно в 1850–1870-х гг. Они представляют собой небольшие прямоугольные срубы размерами примерно 5 x 6 м, рубленные «в обло», крытые двускатной самцовой кровлей. Пол и потолок — из плах, часто согнанных в шип. Окна небольшие, расположены на уличном и дворовом фасадах, по два или три на каждом. В таких избах уже нет ни волоковых окон, ни следов от топки печи по-черному. Русская печь в них стояла в углу слева или справа от двери на полу, укрепленном снизу стульями из толстых лиственничных чурок или сложенными из бревен клетками. Опечек, обычно из трех венцов прямоугольных в сечении брусьев, и деревянный каркас вокруг глинобитной части печи закреплялись в пазах в стенах избы. При устройстве печи сохранялись печной столб и брусья-воронцы, один из которых служил основой для крепления дощатой перегородки, отделявшей куть от жилого пространства избы, а другой являлся опорой для полатей. (Кстати следует сказать,

что во время экспедиции ни полатных брусьев, ни самих полатей в домах уже не обнаруживалось.) Печь либо примыкала вплотную к входной и боковой стенам, либо отступала от них на 20–30 см и устьем направлялась в противоположную от двери сторону, к освещающему устью окну (часто окно, расположенное напротив печи, немного отстояло от остальных на лицевом фасаде избы). Нередко опечек примыкал к боковой стене избы вплотную, а глинобитная часть печи находилась от нее на небольшом расстоянии. Образующееся в таком случае пространство служило для хранения ухвата, кочерги, лопаты для хлеба и т. п. (фото 1). Во многих обследованных домах на продольном боку печи со стороны жилого пространства имелась лавка-ленивка или остались следы от нее.

В ряде осмотренных изб печь отступала от боковой стены на расстояние до метра и в этом пространстве располагался голбец со входом из кути под пол. Именно такое описание оставил нам Н.И. Кашин, сообщавший о голбце как о «непременной принадлежности каждого дома» [12]. Ход из голбца в подполье шел под печью. В этом случае в полу в центре дома выпиливалось отверстие размерами примерно 20 x 20 см, которое предназначалось для ссыпания в подпольную яму картофеля, а также для освещения подполья.

Фото 1. Русская печь первого типа. Улькан, 2007 г.

Фото 2. Печь с голбцом со стороны жилого пространства избы. Ульянов, 2007 г.

В то же время в Киренском районе встречен целый ряд домов, в которых голбец располагался с другой стороны печи, со стороны жилого пространства. Появление этого, более позднего, варианта расположения голбца можно объяснить следующим. В Сибири с ее сильными морозами подполье старались копать посередине избы, а грунтом, вынутым из подпольной ямы, присыпали стены сруба под полом, тем самым утепляя избу. При расположении голбца ближе к центру избы спускаться в подполье было гораздо удобнее.

В осмотренных избах голбец обычно представлял собой разновеликую по высоте дощатую пристройку к печи. Спереди нее устраивался вертикальный проем с дверкой или без таковой — вход в подполье, а сзади, на уровне печной лавки-ленивки, — горизонтальная лежанка. Таким образом голбец совмещался с лавкой-ленивкой (фото 2). Лишь в одном случае к голбцу дополнительно была приделана еще и лавка.

Глинобитные печи, установленные в 1850–1870-х гг., до сегодняшнего дня, конечно, не сохранились. Однако описанный тип устройства русской печи продолжал существовать и в более позднее время.

Фото 3. Русская печь второго типа. Салтыковка, 2007 г.

Второй тип русской печи хронологически относится к концу XIX – середине XX в. К концу XIX столетия быстрое развитие промышленности в Сибири, появление новых строительных технологий и повышение материальных возможностей населения привели к значительным изменениям в строительстве крестьянских домов и, следовательно, к изменениям в устройстве русской печи. Вместо домов «на связи» на Лене стали строить пятистенки и избы больших размеров, чем прежде, с большим количеством окон, рубились они «в лапу» и крылись четырехскатной стропильной крышей. Несмотря на увеличение площади жилища, русская печь несколько уменьшилась в размерах. Кроме того, она отодвинулась от входной стены к середине боковой стены и развернулась на 180 градусов, устьем в сторону двери. В освободившемся пространстве перед печью, справа или реже слева от входной двери, стала размещаться кухня, в которой напротив устья печи теперь прорубали дополнительное окно. Новое расположение было функционально удобнее и улучшало бытовые условия, так как кухня и устье печи находились ближе к двери, а сзади печи при этом выделялось пространство для отдельной чистой комнаты. Полаты в таких домах уже не устраивались: при новом расположении печи, отодвинутой от входа, они и

не могли быть устроены на прежнем месте. Тем более что к тому времени в крестьянский обиход уже вошли деревянные кровати и деревянные же самодельные диваны. Полати в избе перестали быть необходимыми.

Уменьшить размеры печи и отопливать большую площадь стало возможным благодаря появлению в быту ленских крестьян в конце XIX – начале XX в. железных печек (буржук). Одно из наиболее ранних исторических свидетельств употребления железных печей в Иркутской губернии относится к 1880-м гг. В.И. Вагин, обследовавший Николаевский железоделательный завод в 1886 г., писал, что в жилищах рабочих «зимою, кроме русской печки, от холода и сырости ставится еще железная печь, которая постоянно топится» [13]. Кроме листового железа, из которого можно было сделать такую печь самостоятельно, в ассортименте Николаевского завода в 1886 г. были целые железные и чугунные печи и камины, а также печные трубы, дверцы для печей, заслонки, задвижки, вьюшки и др. [14]. Завод снабжал своей продукцией всю Иркутскую губернию, Якутскую область и отчасти Забайкалье.

Железные печи ставили рядом с русской печью ближе к середине дома, чтобы равномернее распределялось тепло. Круглое отверстие для трубы железной печки проделывали в трубе русской печи (фото 4). «С железной печкой нет “паренины”, сухо дома», — сказал нам один из ленских жителей. Железная печка устраняла один из основных недостатков русской печи, заключавшийся в том, что она не прогревала слой воздуха в помещении ниже пода печи, а это могло приводить к появлению сырости и плесени [15].

Вполне вероятно, что одной из причин исчезновения голбца, располагавшегося у печи со стороны жилого пространства избы, стало появление железных печек, ведь их приходилось ставить рядом с голбцом, а это было не только неудобно, но и опасно в пожарном отношении. Во время экспедиции не раз приходилось наблюдать сгоревшую на боку оставшихся голбцов краску. Хотя голбцы исчезли не везде, например в Улькане их продолжали устраивать даже после Великой Отечественной войны.

С исчезновением голбца лаз в подполье (западню) начинают прорезать в полу кухни. По-видимому, тогда и отпала необходимость делать маленькое отверстие для ссыпания картофеля в центре дома.

Приведем еще некоторые отмеченные во время экспедиции детали, имеющие отношение к русской печи на Лене.

***Фото 4. Железная печка у русской печи.
Верхнемарково, 2007 г.***

В отдельных домах, в которых раньше стояла печь первого типа, во входной стене в районе печи до настоящего времени сохранилось отверстие, которое обычно выглядит как проем в двух венцах размерами примерно 15 x 20 см на расстоянии 20–30 см от потолка. По всей видимости, это реликт описанного в 1870 г. Ф. Шперком волокового окна в кути, служившего «отчасти продушиной (для вентиляции)» [16]. Можно предположить, что оно сохранилось в связи с необходимостью проветривания избы при сушке на печи зерна. На протяжении всего участка от Усть-Кута до с. Петропавловска на сохранившихся печах по периметру верхней поверхности присутствует характерный деревянный бортик высотой 5–7 см. Иногда в нем выпиливалась деревянная вставка, легко вынимавшаяся из паза, которая предназначалась для удобства ссыпания высушенного на печи зерна.

В печах, относящихся ко второму типу, вьюшка, которая в печах первого типа размещалась в трубе со стороны стены, сначала за деревянной дощечкой, а затем за самодельной железной дверкой, заменена заводской задвижкой, расположенной спереди трубы.

Для устройства шестка, особенно его внешнего края, во избежание крошения и обламывания часто использовали камень-плитняк. Иногда в плоскость шестка вмазывались железные предметы, например сломанная чугунная сковорода, помещенная вверх дном.

Подпечек в XX в. в большинстве обследованных домов не использовался. Редко под печью имелось небольшое пространство, куда клали дрова, чаще же всего подпечек был глухим. Кур, которых в середине XIX в. зимой садили под печь, стали держать внутри залавка — кухонного стола с решетчатыми стенками. Такой предмет интерьера был распространен не только в ленских деревнях, но и в других районах Восточной Сибири.

Наиболее старой печи из встреченных в экспедиции 90 с лишним лет, она была сооружена в д. Кондрашиной после разрушительного наводнения 1915 г. (печь первого типа). 70 лет насчитывает своей печи М.Г. Пономарёва (1923 года рождения) из д. Салтыковки (печь второго типа) (фото 3). Однако большая часть сохранившихся до настоящего времени русских печей на Лене была сбита в середине XX в. Печи этого времени выглядят грубо, упрощенно: на них часто отсутствуют углубления-печурки, уже не делается отверстие для самовара (душник), шестковые загнетки уменьшаются до минимума, глинобитные трубы — простой формы, нередко неровные, кривые и т. д. Устья многих печей укреплялись железными дугами, бока печей оклеивались холстиной или марлей, чтобы не выкрашивалась глина.

Одной из причин распространения такого вида печей может быть то, что они бились в трудные военные и послевоенные годы, о чем рассказывали женщины, пережившие Великую Отечественную войну: «Или вот печь бить, рушку печь били. Вот тоже били, бабью помочь собирали. В войну мужикох-то, где их взять?! Делали деревянную свинку и вот колотили. Кий был, им колотили. Глину таскаешь, подсолишь её, чтоб воду вытянуло, и бьёшь эту печь. Свинку сделаешь, доски таки. Свинка называлась, потом подсохнет, потом эту свинку выдержают. На дрова её. Цало вырежут, и рушка печь готова. За один день сбивали» [17].

Другой несомненной причиной является отсутствие хорошей глины на Лене. Во многих деревнях глина, из которой сбиты печи, была явно плохого качества. Хорошая глина красноватого цвета отмечена нами только в д. Потаповой.

Отсутствие качественной глины было одной из причин отмеченного выше слабо развитого кирпичного промысла на

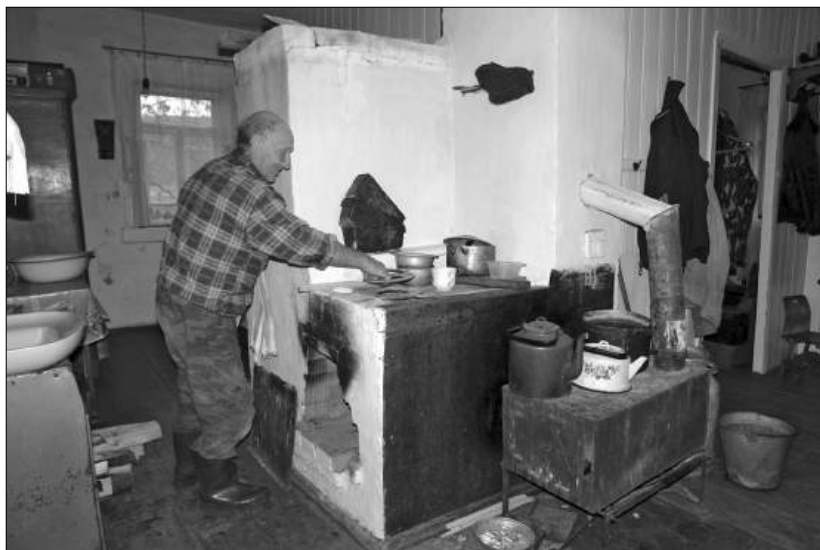

Фото 5. Печь-«свинка». Глухова, 2007 г.

Лене. Благодаря этому обстоятельству, а также затруднительно сообщению с местами производства кирпича глинобитные русские печи сохранились на берегах Лены дольше, чем в других регионах.

Лишь с середины XX в. при устройстве русской печи на Лене стали использовать кирпич (чаще всего им выкладывали под печи) или класть из него печи целиком, хотя по-прежнему на деревянном опечке. Но трубы, выходящие с чердака на крышу, практически везде устанавливались железные, кирпичные на Лене до сих пор почти не делают.

Примерно с 1960–1970-х гг. на Лене начался следующий этап изменения печей, связанный с повсеместным внедрением новых печных технологий. У железных печей, дополнявших русские печи, тоже были недостатки: они не держали тепло, были пожароопасны, портили вид интерьера дома и довольно быстро прогорали. Все это послужило причиной для распространения новых типов печей, появившихся в других регионах Сибири заметно раньше.

Вместо двух одновременно использовавшихся в доме печей, русской и железной, стали делать одну, усовершенствованной конструкции, называвшуюся в некоторых районах печью-«свинкой». Название ее произошло от деревянного

каркаса — «свинки», с помощью которого выводили свод русской печи. Эта печь ставилась уже без опечка, она состояла из топки с плитой и обогревательным щитком, расположенным по двум сторонам плиты (фото 5). Ее конструктивные особенности заключались в следующем: под топки, находившейся на высоте 20–30 см от пола, как и в русской печи, делался без колосника и поддувала. Огонь сначала нагревал кирпичный свод топки (для того, чтобы топочная камера сразу не остывала, а держала тепло для выпечки), затем дым делал оборот и проходил под плитой, над сводом, уходя дальше в обогревательный щиток. Вместо дверки в «свинках» использовалась заслонка, как у русской печи. Размеры топки небольшие, и, поскольку численность крестьянской семьи сократилась, а хлеб в селах стал выпекаться централизованно, в пекарнях, печь-«свинка» в период между исчезновением русской печи и появлением печных, а затем электрических духовок использовалась в основном для выпечки сдобнойстряпни.

В других регионах Сибири, где не было недостатка в кирпиче, делались кирпичные русские печи, дополнявшиеся плитой на месте шестка и второй топкой под плитой. У таких печей обогревались и нижняя часть, и боковые стороны. Эти печи помимо задвижки русской печи имели еще две задвижки, относящиеся к плите, — летнего и зимнего хода. Летом, чтобы готовить на плите, открывали задвижку прямого хода, а

Фото 6. Русская печь с плитой на месте шестка. Вишнякова, 2007 г.

зимой дым, проходя по всем ходам, обогревал печь снизу доверху. На Лене такая печь встретилась лишь однажды, в д. Вишняковой (фото 6).

Если предыдущие варианты были хотя и модифицированными, но русскими печами, то следующая печь, получившая самое широкое распространение, таковой уже не является. На смену глинобитной русской печи пришла кирпичная печь-плита с трех- или пятиоборотным обогревательным щитком. Такие печи стали сооружаться с 1960-х гг. после того, как на Лене появились привозной кирпич, чугунные плиты и полностью отпала необходимость в выпечке хлеба. Сейчас эти печи господствуют во всех ленских селениях.

Подводя итог сказанному, отметим, что белые глинобитные русские печи просуществовали на р. Лене недолго (хотя и несколько дольше, чем в других районах Иркутской области). Время их существования — полтора столетия, с середины XIX до конца XX в. Сегодня сохранившаяся и функционирующая глинобитная русская печь — уже большая редкость. Русская печь безвозвратно уходит в прошлое, технология ее возведения забывается, и даже печники сегодня не могут детально рассказать, как билась та самая печь, без которой невозможно представить себе традиционную русскую избу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968. С. 167.
2. Щукин Н. Поездка в Якутск. СПб., 1833. С. 33.
3. Щукин Н. Поездка в Якутск. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1844. С. 43.
4. Там же. С. 111.
5. Русская изба: иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2001. С. 50.
6. Шперк Ф. Верхоленский округ Иркутской губернии // Медикотопографический сборник. СПб., 1870. С. 158–160.
7. Кашин Н.И. Эндемия зоба и кретинизма в приленской долине и по другим местностям Иркутской губернии // Медикотопографический сборник. СПб., 1870. С. 261.
8. Кропоткин П.А. Письма из Восточной Сибири. Иркутск, 1983. С. 134.

9. Серебренников И.И. Промыслы Иркутской губернии: (Материалы для описания существующих в Иркутской губернии промыслов ремесленно-кустарного характера). Иркутск, 1914. С. 69.

10. Козьмин Н.Н. Существует ли кустарная промышленность в Иркутской губернии? Иркутск, 1904. С. 22, 27.

11. Одинцова М.К. Николаевский чугуноплавильный и железоделательный завод. Из истории промышленности в Сибири // Тр. Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова. Иркутск, 1948. Т. III, вып. 2. С. 118.

12. Кашин Н.И. Указ. соч. С. 261.

13. Вагин В.И. Николаевский железоделательный завод // Изв. ВСОИРГО. Иркутск, 1888. Т. 18. С. 106.

14. Там же. С. 136–141.

15. Каминьы и печи. М., 2003. С. 312.

16. Шперк Ф. Указ. соч. С. 159.

17. Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Иркутск, 2007. Т. 2. С. 83.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕРВОГО ЭТАПА СПАСАТЕЛЬНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ В КВАРТАЛЕ 52а ГОРОДА ИРКУТСКА

СРУБНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Введение

В сентябре 2009 г. проведен первый этап спасательных археологических работ на части объекта археологического наследия — «Исторический центр города» в границах земельного участка, расположенного в квартале 52а Правобережного округа г. Иркутска, ограниченном улицами Чкалова, Богграда, Сурикова и Гаврилова (рис. 1).

Исследуемый участок находится на правом берегу р. Ангары на высокой пойме (относительные отметки 4–5 м от уреза воды) и активно осваивается с конца XVII — начала XVIII в. Об этом свидетельствуют даты освящения православных храмов, расположенных поблизости: деревянная Чудотворская церковь, находившаяся на берегу Ангары на месте нынешнего «Дома водников» (угол Набережной и Чудотворской/Богграда), освящена в 1703 г., деревянная Троицкая церковь (угол Троицкой/5-й Армии и Чкалова/Мыльниковской) — в 1718 г.

Рельеф участка сильно изменен в результате хозяйственной деятельности в XIX–XX вв. и в настоящее время представлен спланированной, выровненной площадкой. Современная дневная поверхность создана летом 2009 г. в результате планировки территории при начале строительства гостиничного комплекса.

Раскоп 1 площадью 105 кв. м (15 x 7 м), глубиной до 2,6 м был заложен в 2 м от красной линии ул. Чкалова и в 14 м от красной линии ул. Богграда (рис. 2). Спасательным работам предшествовали археологическая экспертиза (8 шурфов размерами 2 x 2 м, глубиной до 2 м), проведенная в августе 2007 г., и три зачистки стенок котлована строящегося гостиничного комплекса (далее — просто котлована), сделанные в мае 2009 г.

В ходе спасательных работ выявлены пять культурных горизонтов, обнаружены остатки пяти срубных сооружений, последовательно сменявших друг друга с начала XVIII в. до

второй половины XX в., и девять хозяйственных ям различного времени.

Археологический материал представлен: фрагментами деревянной, керамической, глазурованной керамической, фаянсовой и стеклянной посуды; целыми и восстановленными керамическими изделиями (керамический сосуд, глазурованная бутылочка, фаянсовые тарелки, блюда и чашки российского, китайского и советского производства); целыми изделиями из стекла (бутылки, бутылочки и баночки различных размеров и назначения); изделиями из дерева (4 березовых туеска разной степени сохранности, остатки сумочки, сплетенной из бересты, остатки деревянного сосуда); изделиями из кости (небольшой костяной футляр с круговыми порезками и резьбой для закручивания крышки, обломок двусторон-

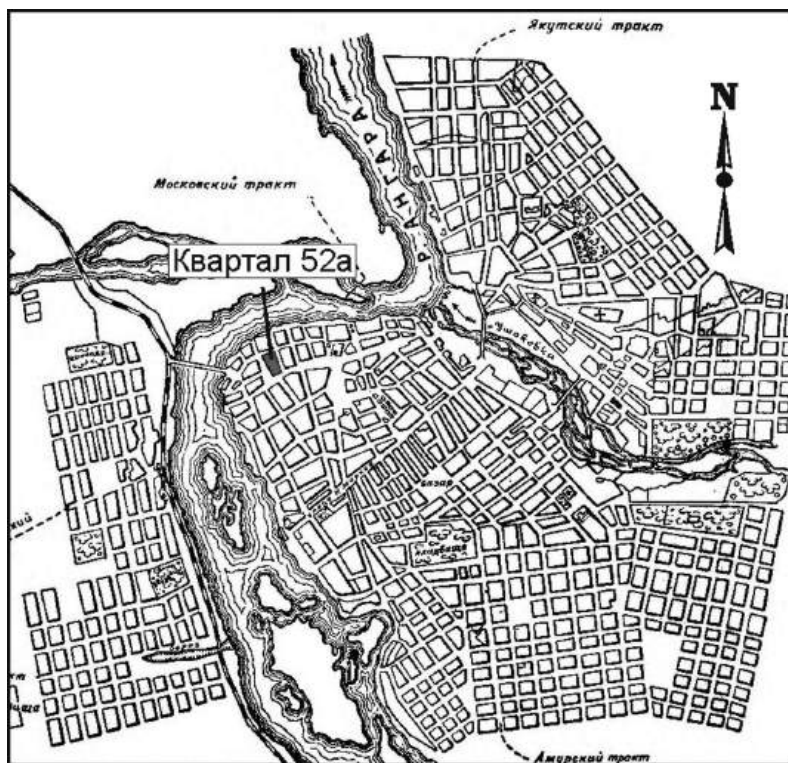
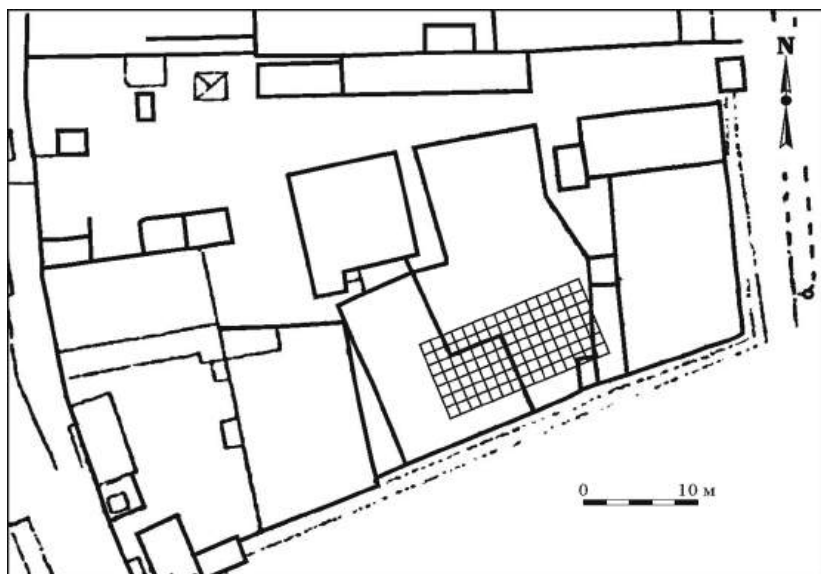

Рис. 1. Фрагмент плана г. Иркутска 1926 г. с выделением квартала 52а, в котором производились спасательные работы

*Рис. 2. Фрагмент квартала 52а (план г. Иркутска 1929 г.)
с обозначением площади раскопа 1*

него костяного гребня, резное костяное изделие, вероятно, ложечка для нюхательного табака); изделиями из металла (наконечник стрелы, женский перстень, топор, четырехгранные кованые гвозди, фрагмент конской подковы); шестью монетами конца XIX — середины XX в.; фрагментами слюды с проколами по краям; фрагментами костей диких и домашних животных.

Общее количество выявленного археологического материала составило 1 885 единиц хранения. Общее количество выявленного палеонтологического материала составило 1 715 единиц хранения.

В данной статье рассматривается материал, относящийся к срубным сооружениям, использовавшимся для жилья и хозяйственной деятельности. Их нумерация и описание производятся послойно, начиная с расположенных на более высоких отметках, поздних по времени строительства и использования, что обусловлено самим процессом археологических работ.

Описание включает местоположение и ориентацию срубов, состояние и размеры составляющих их частей, способы угло-

вого и горизонтального соединений венцов сруба, примерную датировку сооружений и их размеры.

Глубина залегания срубных сооружений приводится от современного уровня дневной поверхности и включает верхние и нижние отметки расположения различных частей обнаруженных построек, исключая стулья-опоры, поддерживающие нижние венцы срубов и нижние отметки подполов сооружений.

Описание сопровождается рисунками, фиксирующими планиграфию и поперечные разрезы сооружений.

Описание сооружений

Сооружение 1 (пикеты А-I, А-II, В-I, В-II, рис. 3а, 3б). Исследовано частично: западная и южная части сооружения остались за пределами исследованной площади, северная уничтожена котлованом. Сооружение представлено: 1) нижними венцами северо-восточной стены, нижними венцами переруба, лагами пола, стульями-опорами и частью подпола послепожарного сруба, возведенного в последней трети XIX в.; 2) нижними венцами северо-западной и северо-восточной стен, лагами пола, остатками пола, стульями-опорами, двумя подполами и фундаментом печи-голландки жилого прируба, пристроенного к основному срубу, вероятно, в начале XX в. Сооружение ориентировано по направлению северо-запад — юго-восток. Глубина залегания основного сруба 0,8 м (верх) — 1,3 м (низ), прируба 0,7–1,1 м от современной дневной поверхности.

Основной сруб (пикеты А-I, А-II, рис. 3а). Основание северо-восточной стены сруба представлено четырьмя-пятью нижними венцами (диаметр около 25 см) разной степени сохранности, уложенными на листовенничные стулья-опоры (диаметр около 30 см, высота 95 см, рис. 3б). Соединительные желоба вытесаны в нижних частях бревен. Способ углового соединения бревен не выяснен, поскольку три угла сруба остались за пределами площади раскопа, а четвертый уничтожен котлованом.

Частично сохранившийся нижний венец переруба (уничтожен поздней хозяйственной ямой) также положен на стул-опору (диаметр 30 см, высота 50 см).

Плахи первоначального пола (диаметр 25 см) были врублены в стены сруба между третьим и четвертым венцами. Один из таких врубов обнаружен в северо-восточной стене сруба (пикет А-II, кв. 2). Ширина врубного отверстия 20 см.

Юго-западная стена раскопа прошла по одной из стенок подвала (?) основного сруба (пикет А-II, кв. 6, 11, рис. 4а,

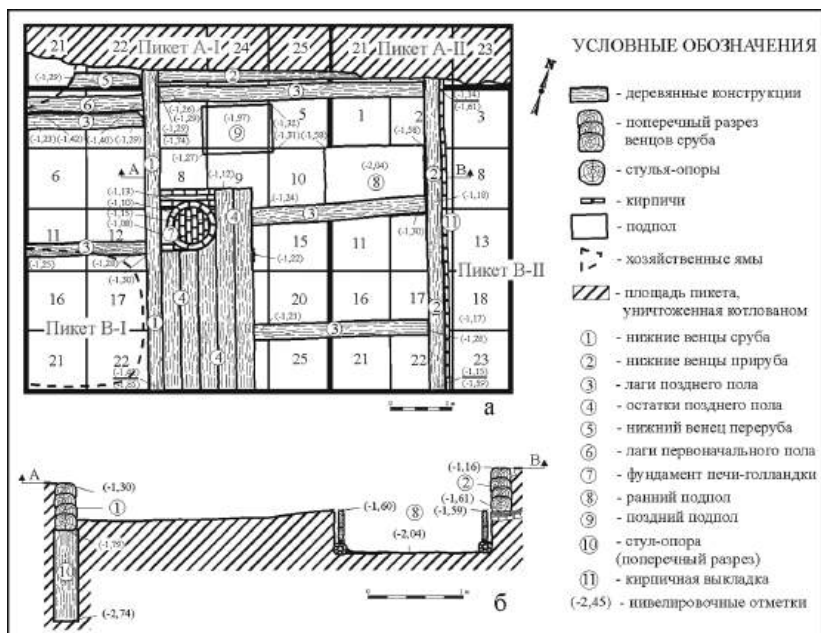

Рис. 3. Сооружение 1: а — планиграфия, б — поперечный разрез

46, 5). В углах ямы шириной 1,2 м установлены опорные или крепежные столбы (диаметр вскрытой части 20–25 см, сохранившаяся высота 80–85 см), стоящие на горизонтально лежащих плахах толщиной до 10 см (рис. 4). Возможно, столбы не только использовались для крепления досок обшивки подпола, но и служили стульями-опорами лаг пола. Плахи, подстилающие столбы, на 5–6 см шире диаметра их столбов. На вскрытом участке дно подпола не выстлано. Пространство между столбами засыпано однородной почвенно-глинисто-песчаной смесью с включением мелкой гальки и щепы, которая лежит на низах исходной почвы: осталось 10–15 см от ее полуметрового слоя.

Прируб (пикеты А-I, А-II, В-I, В-II, рис. 3а, 3б). Вскрыт практически полностью (за пределами площади раскопа осталась юго-восточная часть прируба, около 4,8 х 2 м). Ширина прируба 4,3 м внутри, 4,8 м снаружи нижних венцов. Вскрытая длина более 5 м, общая, вероятно, около 7 м, поскольку, судя по плану г. Иркутска 1929 г., юго-восточная стена рас-

полагалась по красной линии ул. Мыльниковской (Чкалова) (рис. 2).

Юго-западной стеной прируба послужила северо-восточная стена основного сруба. Четыре нижних венца северо-восточной стены прируба сохранились практически полностью. По всей длине сохранившегося верхнего венца со стороны двора идет кирпичная выкладка в один слой (рис. 3а). Кирпичи поставлены на ребро. Стыки между ними заполнены известковым раствором. Скорее всего, выкладка сделана по уровню дневной поверхности того времени для предохранения нижних венцов от сырости.

Северо-западная стена частично повреждена котлованом. Южная часть прируба осталась за пределами площади раскопа. Архитектурные детали и строительные приемы чрезвычайно близки строению основного сруба: диаметр нижних венцов около 25 см, соединительные пазы вырубались в нижней части бревен. Вследствие разрушения северного угла прируба котлованом способ углового соединения венцов также не выяснен.

Прируб занял часть дворовой территории, первоначально вымощенной кирпичом, а позднее засыпанной 10–12-сантиметровым слоем мелкой гальки. Именно на нее были положены нижние венцы прируба. Кроме того, северо-западная стена прируба имела стул-опору (диаметр 30 см, высота 27 см), располагавшийся у северо-восточной стены основного сруба (пикет А-1, кв. 23), где отсутствовали кирпичная выкладка и галечная засыпка.

Первоначально лаги пола прируба устанавливались на стулья-опоры (диаметр 30 см, высота 42–45 см). Один из таких стульев сохранился у северо-западной стены печи (пикет В-II, кв. 8). Позднее, по мере повышения уровня дневной поверхности и обветшания досок и балок первоначального пола, его уровень был поднят на 20–25 см. Такова высота бревнышек-подпорок, на которые укладывались лаги нового пола (ширина 25–30 см, толщина 8–10 см). Сохранившиеся доски пола (кв. 14, 18, 19, 23, 24) имели ширину около 30 см, толщину 3–4 см.

Капитальный ремонт прируба и поднятие уровня пола были произведены в начале 1940-х гг., о чем свидетельствует находка трех медных монет 1936–1940 гг. номиналом 2, 3 и 20 копеек под сохранившимися досками пола. Возможно, жилое помещение какое-то время было заброшено или использовалось для хозяйственных нужд и было срочно приспособлено для жилья в начале Великой Отечественной войны.

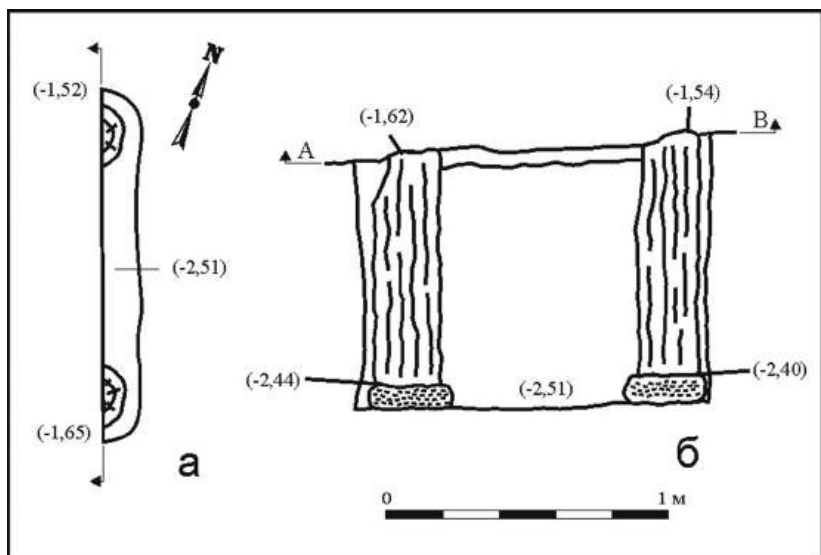

Рис. 4. Подвал сруба-пятистенка: а — планиграфия, б — поперечный разрез

Об этом косвенно свидетельствуют наличие бута, кирпича и различных отходов жизнедеятельности под досками и лагами позднего пола, а также совершенно различное заполнение двух погребов одного помещения.

Первоначально прируб имел подпол (1,6 x 1,2 м) глубиной около 45 см, устроенный у северо-восточной стены прируба (пикет В-II, кв. 6–7, рис. 3а, 3б). Стены погреба обшиты тесаными досками толщиной 4–5 см, пол выстлан досками примерно такой же толщины. Впоследствии погреб был засыпан. В заполнении погреба: 55 фрагментов керамики, 55 фрагментов глазурованной керамики, 110 фрагментов фаянсовой посуды, 17 стеклянных бутылочек различного назначения, 1 глазурованная керамическая бутылочка, фарфоровая женская головка, 8 фрагментов пилы из сланца, 4 четырехгранных гвоздя, 441 кость домашних животных. Из фрагментов керамики были частично восстановлены два глазурованных сосуда, глазурованный сосуд для молока (?), супница, расписанная цветами, немаркированные блюда и тарелка советского производства.

При устройстве нового пола был вырыт еще один подпол (1,1 x 0,75 м) (пикет А-II, кв. 4, рис. 3а), также обшитый тон-

кими досками (толщина около 1,5 см, ширина 25 см). От обшивки погребов сохранились только бруски крепления и нижние доски обшивки. На дне погреба обнаружена советская медная монета 1955 г. достоинством 1 копейка. В заполнении ямы погреба, засыпанной преимущественно шлаком, обнаружены не только кирпичные обломки, но и целые кирпичи ярко-красного цвета (25 x 12 x 5,5 см), один огнеупорный кирпич бледного светло-оранжевого цвета (25 x 12 x 5,5 см), подошва ботинка (женских босоножек), два мастерка без ручек.

Отопление прируба производилось при помощи печки-голландки. Сохранившийся фундамент печи (0,8 x 1,0 м, высота около 80 см) по периметру выложен бутовым камнем и кирпичом, причем оконтурены только три стороны фундамента печи. Четвертая примыкает к северо-восточной стене основного сруба, вследствие чего фундамент печи не имеет замкнутого контура (пикет В-II, кв. 8, 9, 13, 14). Внутреннее заполнение — битый кирпич на глиняном растворе. Поверх основания фундамента сделана прямоугольная кирпичная выкладка в три ряда по всей площади фундамента печи. Еще выше круговая выкладка диаметром 82–83 см, от которой сохранились только два ряда.

По мнению Л.А. Аболиной, художника-педагога и печника, активно занимающейся исследованием русских печей, форма и размеры фундамента полностью соответствуют размерам печей-голландок, применявшихся исключительно для отопления жилых и административных помещений и не имевших устройств для приготовления и разогревания пищи.

Фундамент печи имеет явный уклон к западу (5–7 см). С северо-западной стороны имеется подпорная кирпичная стенка позднего происхождения, скрепленная бетонным раствором, одновременно служившая опорой позднего пола (длина 1,1 м, высота 35 см).

Основной сруб и прируб к нему, имевшие Г-образную в плане форму, представлены на подробном плане г. Иркутска 1929 г. (рис. 2).

Если масштаб и пропорции сооружений, представленных на плане, соответствуют действительности, то размеры основного сруба можно примерно определить как 7 x 15 м (около 3,5 x 7 сажень), а размеры прируба — 7 x 5 м (около 3,5 x 2,5 сажени). Данные имеющихся в нашем распоряжении промеров нижних венцов сооружений примерно соответствуют размерам срубов, определенным с помощью плана 1929 г.

Сооружение 2 (пикеты А-I, А-II, рис. 5). Как и сооружение 1, исследовано частично: юго-западная и юго-восточная части сооружения также остались за пределами исследованной площади, а северо-западная часть сруба уничтожена котлованом. Сооружение представлено нижними венцами северо-восточной стены, нижними венцами переруба, его выпусками-консолями с северо-восточной стороны, стульями-опорами и частично сохранившимися досками, выстилавшими дно подпола. Сооружение ориентировано по направлению северо-запад — юго-восток. Глубина залегания сруба 1,3 м (верх) — 1,6 м (низ) от современной дневной поверхности.

Нижние венцы сооружения 2 опирались на стулья-опоры (диаметр 25 см, высота около 60 см), но гораздо худшей сохранности, чем стулья сооружения 1. Верхние концы стульев очень сильно прогнили, вследствие чего нижние венцы сруба буквально врезались в них, а на границе кв. 8–11 (под основанием печи прирубав сооружения 1) совершенно «провалились»: нивелировочные отметки показали разницу в местах опоры нижнего венца на стулья в 17 см, при этом расстояние между самими стульями составило всего 1 м.

Сохранность самих венцов нижнего сруба тоже оставляет желать лучшего: три нижних венца сруба (диаметр 25 см по горизонтали) в результате гниения и давления перекрывавших их позднейших отложений были сильно деформированы и спрессованы, а их общая высота не достигала и 20 см. В месте пересечения северо-восточной стены с выпусками переруба здания толщина венцов в месте их сочленения едва достигала 5–6 см.

Нижние венцы переруба были выпущены примерно на 80–85 см (сохранившаяся длина), по всей вероятности, образуя одну из опор крыльца дома. В средней части дома (кв. 11) бревно переруба уничтожены при рытье подпола сооружения 1.

Подпол сооружения 2 (пикет В-II, кв. 11, 12, 16, 17, 21, 22) был разрушен позднейшей хозяйственной ямой, в заполнении которой обнаружены 59 фрагментов керамики, фрагменты 15 бутылок и бутылочек различного назначения, стеклянная чернильница, 2 четырехгранных кованых гвоздя, 38 костей животных. Частично сохранились лишь доски (ширина 25–30 см, толщина 3–4 см), выстилавшие дно подпола во время его использования (рис. 5).

На основании материалов, полученных в результате спасательных работ, можно констатировать, что сооружение 2 являлось срубом первой половины XIX в. с перерубом, связывающим его длинные стены, возможно, срубом-пятистенком.

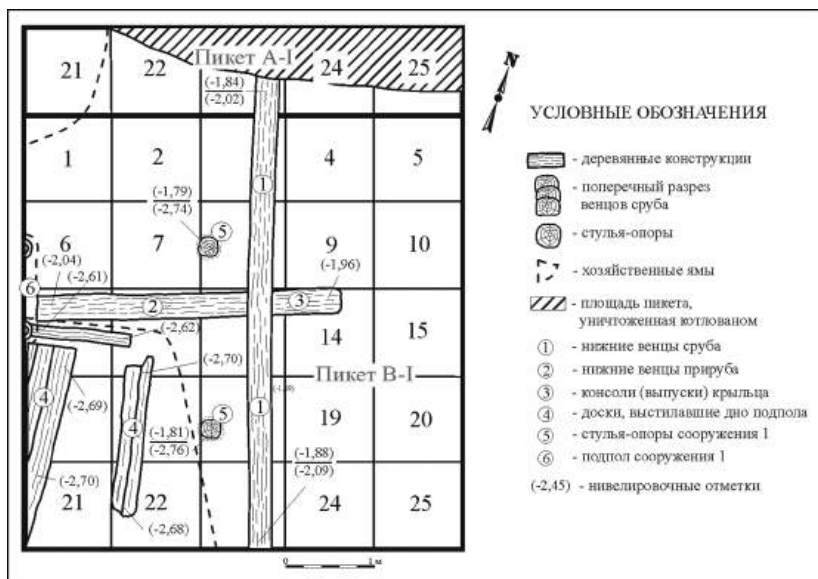

Рис. 5. Сооружение 2: планиграфия

Его размеры несколько уступали размерам сооружения 1: если стена переруба сооружения 1 расположена примерно в 7 м от красной линии ул. Чкалова, то аналогичная стена переруба сооружения 2 располагается лишь в 5 м от нее. Таким образом, общая длина сооружения 2, вероятно, составляла около 10 м (примерно 4,5 сажени).

Сооружение 3 (пикеты А-II, А-III, В-II, В-III, рис. 6). Большая часть сооружения 3 уничтожена котлованом. Частично сохранились нижние венцы южной (сохранившаяся длина 4,41 м) и восточной (сохранившаяся длина 1,89 м) стен сооружения (диаметр около 25 см), а также часть одной из лаг пола (сохранившаяся длина 1,74 м, ширина 23 см, толщина 7–8 см). В восточном углу сруба концы нижних венцов были врезаны в нижнюю часть вертикально установленного бревна (?) (диаметр около 35 см). Сооружение ориентировано по направлению восток-запад. Глубина залегания 1,3 м (верх) — 1,6 м (низ) от современной дневной поверхности.

Возможно, сооружение 3 являлось постройкой хозяйственного назначения, выполненной по технологии устройства бре-

Рис. 6. Сооружение 3: планиграфия

венчатых заплотов, до настоящего времени существующих в отдаленных местах сибирской глубинки.

Сооружение 4 (пикет А-I, кв. 21, рис. 7). Остатки сооружения 4 более чем фрагментарны, поскольку вскрытый раскопом угол сооружения полностью уместился в одном квадрате. Нижний венец восточной стороны сруба обрублен котлованом, большая часть нижнего венца южной стены осталась за пределами вскрытой площади. Сохранившиеся остатки двух нижних венца сруба соединены «в лапу», бревна плохой сохранности (диаметр около 25 см). Сооружение ориентировано по направлению восток-запад. Глубина залегания 1,5 м (верх) — 1,7 м (низ) от современной дневной поверхности.

Сооружение 5 (пикет В-III, рис. 8а, 8б). Также исследовано лишь частично: северная часть уничтожена котлованом, восточная осталась за пределами обследованной площади. Сооружение представлено четырьмя нижними венцами южной

стены (длина вскрытой части 4,2 м), двумя нижними венцами западной стены (сохранившаяся длина 1,4 м), одной из лаг пола, нижним венцом переруба (?), остатками пяти плах пола. Сооружение ориентировано по направлению восток-запад. Глубина залегания 1,6 м (верх) — 2,2 м (низ) от уровня современной дневной поверхности.

В отличие от более поздних сооружений стулья-опоры зданию не потребовались, поскольку нижние венцы сруба положены практически на границу серого и светло-коричневого суглинков, насыщенных галькой различных размеров и разной степени окатанности. Светло-коричневые суглинки ложатся непосредственно на русловой аллювий.

Судя по вскрытой части сооружения, перед его строительством первоначальный почвенный уровень, а местами и подстилающие его суглинки были вскрыты на глубину 50–60 см если и не по всей площади сруба, то, по крайней мере, частично. В этом случае для оставшейся части нижних венцов сруба должны были пробиваться траншеи на такую же глубину.

Нижний венец переруба (?) лежит практически на контакте светло-коричневого суглинка и аллювия и подстилает середину (?) нижнего венца южной (а вероятно, и уничтоженной северной) стены дома, заменяя стулья-опоры позднейших сооружений и предотвращая проседание средних частей длинных стен здания.

Сруб сложен из круглых бревен (диаметр 25 см) с соединительными желобами, вытесанными в их нижних частях. Сохранившиеся венцы сруба находились в достаточно неплохом состоянии, учитывая значительную увлажненность данного участка, периодически

Рис. 7. Сооружение 4: планиграфия

заливавшегося водами Ангары в период ее ледостава. Их состояние представляет разительный контраст с плачевным состоянием нижних венцов сооружения 2.

Судя по юго-западному углу основания сруба, его венцы соединялись «в лапу», с незначительным неравномерным выступом торцов. В местах соединения торцы бревен обтесаны до прямоугольников шириной 20 см. Высота подтесанных концов в настоящее время составляет 10–11 см. Налицо небольшая деформация в результате уплотнения и гниения древесины.

В западной части сруба до сегодняшнего дня частично сохранились одна из лаг пола (ширина 20 см, толщина 8 см) и плахи различной длины, представляющие собой расколотые пополам бревна, полукруг которых обращен вниз (ширина около 30 см, толщина 12–15 см), являющиеся остатками либо значительно осевшего пола, либо пола небольшого погребца.

Сооружение 5 заложено с начального уровня заселения данной территории. Время его построения можно отнести если и не к концу XVII в., то, по крайней мере, к самому началу XVIII в. В непосредственной близости от сруба (около 1 м от южной стены, кв. 19) в пятом культурном горизонте найден металлический наконечник стрелы.

Вследствие неполного вскрытия сооружения, частично уничтоженного, а частично уходящего за пределы исследованной площади, его размеры установить не удалось. Однако, принимая во внимание, что в 3,5 м от западной стены находится круглое бревно, уходящее под нижний венец южной стены, можно предположить, что восточная часть сруба имела те же размеры. В таком случае мы можем предположить, что длина сооружения 5 составляла примерно 7,5 м, или около 3,5 сажени.

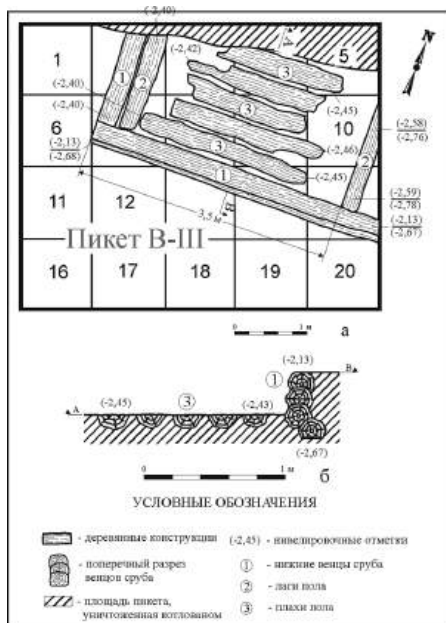

Рис. 8. Сооружение 5:
а — планиграфия,
б — поперечный разрез

Заключение

Материалы спасательных работ позволили установить ряд параметров срубных сооружений.

Основным типом срубных построек данного участка города являлся сруб (возможно, сруб-пятистенки), разделенный перерубами на две или более части. Одновременно перерубы связывали длинные стены сруба (сооружения 1, 2, 3).

Основным строительным модулем являлись круглые бревна диаметром 25–30 см (с учетом утери части диаметра вследствие гниения). Соединительные желоба вытесывались в нижних частях бревен (сооружения 1, 2, 5), что предотвращало затекание воды между стыками венцов и увеличивало долговечность сооружений.

Угловые соединения венцов производились «в лапу» (сооружения 4, 5), что позволяло полностью использовать длину бревна и увеличить полезную площадь срубов по сравнению с соединением «в обло» при использовании бревен одинаковой длины.

Для увеличения прочности сооружений и предотвращения проседания стен нижние венцы срубов укладывались либо непосредственно на каменистые суглинки (сооружение 5), либо на листовенничные стулья-опоры, нижние концы которых также ставились на те же самые каменистые суглинки (сооружения 1, 2). Высота стульев варьировалась в зависимости от мощности рыхлых отложений и составляла от 0,5 до 1 м. Их диаметр несколько превышал диаметр венцов сруба и составлял 30–35 см.

Постройки XVIII в. располагались в глубине дворов и ориентировались по направлению запад-восток для максимального освещения жилых помещений в дневное время (сооружения 3, 4, 5). Постройки XIX в. одним из фасадов выходили на красную линию улицы и ориентировались в зависимости от ее направления (сооружения 1, 2).

Неполнота полученных материалов, особенно в отношении сооружений 3 и 4, позволяет только частично определить размеры срубов с той или иной долей вероятности. Можно лишь констатировать факт несомненного увеличения площади построек с течением времени. При этом в случае возникновения потребности в дополнительных жилых помещениях старые постройки не заменялись новыми, а обрастали прирубами и пристройками (сооружение 1).

ИРКУТСК — ФОРТ РОСС: ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Настоятельная необходимость в воспитании гражданина своего Отечества, человека, бережно относящегося к окружающему миру, понимающего его ценности, повысила интерес к проблеме изучения родного края, малой родины. В то же время познание среды обитания необходимо и для формирования личности, так как осознание человеком наиболее эффективных путей взаимодействия с макромиром гарантирует ему определенную устойчивость, уверенность, независимость в повседневной жизни, успешную адаптацию к постоянно изменяющейся среде.

Иркутская городская общественная детско-молодежная организация «Краеведческий клуб «Иркутск — Форт Росс»» в апреле 2009 г. отметила 12 лет со дня своего создания. Форт Росс, в честь которого названа организация, — географическое и историческое название государственного исторического парка Калифорнии и музея, с которым клуб поддерживает тесные контакты. Клуб был создан 11 апреля 1997 г. учредительным собранием, на котором присутствовали известные общественные деятели и ученые: писатель Марк Сергеев, представитель клуба «Наследники» из г. Шелехова Александр Ружников, ученый-этнограф Олег Бычков, байкальский рейнджер Хэнк Бирнбаум, директор музея истории города Иркутска Вадим Шахеров, представители организаций-учредителей: Иркутской городской общественной организации «Клуб молодых ученых «Альянс»», Иркутского городского комитета Общероссийской общественной организации «Российский союз молодежи», Иркутского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, а также будущие члены клуба. *Цель создания организации:* краеведческая и пропагандистская деятельность по изучению истории г. Иркутска и вклада иркутян в дело освоения северного побережья Америки в период деятельности Российско-американской компании посредством Интернета и активной работы с молодежью города, способствование интеллектуальному и творческому развитию школьников и студентов.

Президент клуба: Шахеров Вадим Петрович, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета ИГУ.

Члены клуба: постоянные члены клуба — дети и молодежь в возрасте от 8 до 30 лет (200 человек), а также совет клуба, почетные члены клуба и учредители, добровольцы.

Условия приема в клуб: членами клуба могут быть граждане Российской Федерации в возрасте от 8 до 30 лет и юридические лица — общественные объединения, заинтересованные в совместном решении уставных задач клуба.

Предмет деятельности клуба очень разносторонний:

- работа по краеведению и экологии Байкальской Сибири;

- изучение места и роли г. Иркутска в освоении новых земель на Североамериканском континенте;

- участие в информационном обмене по системе «Internet»;

- научно-издательская деятельность: издание научных работ и публикация статей в научно-популярных журналах и газетах;

- организация и проведение научно-практических конференций;

- расширение международного сотрудничества школьников г. Иркутска и Калифорнии (США);

- организация труда и отдыха школьников в летний период в археологических и экологических лагерях;

- участие в благотворительных акциях и мероприятиях, направленных на рост гражданского самосознания общественности г. Иркутска.

Основная деятельность клуба была ориентирована на реализацию поставленных целей и задач организации. Так, в 1997–1998 гг. школьники и взрослые участвовали в международном телекоммуникационном археологическом проекте «GLOBAL VILLAGE: FORT ROSS». Основные положения этого проекта потрясаяще просты и прогрессивны: способствовать общению между школьниками, учителями и учеными разных стран, минуя культурные, экономические и политические границы; способствовать активному знакомству школьников со своим культурным наследием; повысить культуру школьников в вопросах сохранения парков и заповедников. Регулярная переписка с организаторами археологического проекта дала прекрасные результаты: силами школьников и энтузиастов-археологов параллельно велись раскопки в бывшей русской крепости Форт Росс (в 150 милях севернее г. Сан-Франциско) и на территории бывшего Вознесенского монастыря в Иркутске,

проводился целенаправленный поиск информации в отношении некоторых деятелей Российско-американской компании, в результате которого найдены потомки первого коменданта Форта Росс Ивана Кукова. В ходе деятельности проект получил поддержку со стороны ЮНЕСКО. Далее возник естественный интерес визуализировать непосредственные контакты между участниками. Летом 1998 г. группа калифорнийских школьников во главе с руководителем проекта Бреком Паркменом, известным калифорнийским археологом, посетила Иркутск и приняла активное участие в очередных раскопках на территории Вознесенского монастыря, а также в работе экологического лагеря на Байкале. Отчет об этих совместных мероприятиях выложен на российском и американском серверах (<http://www.ifrc.irk.ru>, <http://www.mcn.org/ed/ross/gv.htm>). В свою очередь, группа иркутских школьников и преподавателей клуба была приглашена летом 1999 г. в Калифорнию для участия в археологических раскопках в знаменитой русской крепости Форт Росс и на празднование 200-летия со дня основания Российско-американской компании.

Иркутяне приняли участие в интерактивных мероприятиях Дня живой истории, который ежегодно проводится в последнее воскресенье июля на территории музея Форт Росс. Именно в этот день наблюдается самый большой наплыв туристов в старинную крепость-музей на скалистом берегу Тихого океана.

Основные служители музея — это интерпретаторы истории Форта Росс, как правило, из числа любителей истории и общественников-волонтеров, членов общественной организации ФРИА (Ассоциация интерпретаторов истории Форта Росс). Интересны современные формы и методы музейной работы, которые широко используются здесь местными интерпретаторами старины. Каждый служитель может придумать и запустить свой образовательный проект. Например, приглашаются группы школьников для погружения в среду одного исторического дня жителей и наемников крепости времен начала XVIII в. Участники костюмированной образовательной программы «Environmental Living Program» заключают контракт по найму на работу с импровизированным местным правлением и проходят обучение старинным ремеслам: плетению корзин и веревок, приготовлению пищи на костре (русский борщ, салаты и др.), старинным русским песням и танцам, играм. Можно увидеть, как вручную замешивается хлеб, готовится чай в старинном самоваре на углях.

Эти современные интерактивные формы музейной педагогики могут быть с успехом переняты иркутскими музеями.

Но таковы реалии нашей жизни: на все необходимо определенное время, чтобы «созреть», приучить собственное сознание к необходимости внедрения новых «живых» технологий работы со школьниками.

Совместным с департаментом образования г. Иркутска также явился проект, получивший грант Глобального Экологического Фонда по сохранению биоразнообразия Байкала (разработка учебно-методического комплекта «Живая природа Байкала»). В 2001–2002 гг. был разработан комплект, состоящий из учебного пособия для старшеклассников, методического пособия для учителей, дидактических материалов в виде популярных определителей отдельных представителей флоры и фауны Прибайкалья, учебных фильмов. В рамках проекта также был проведен конкурс творческих литературных и художественных работ иркутских школьников «Живи, Байкал!», по результатам которого с участниками конкурса была организована Летняя экологическая школа на Байкале. Удачной разработкой явилось издание иллюстрированного сборника работ талантливых участников школы «Парад проектов: Живи, Байкал!», куда вошли не только рисунки, но и рассказы, сказки и легенды о Байкале, сочиненные детьми.

Пользуясь поддержкой со стороны отдела охраны окружающей среды и управления по делам молодежи администрации г. Иркутска, каждый год клуб организует Летний эколого-краеведческий лагерь для школьников и молодежи города на берегах Малого Моря оз. Байкал. В программе лагеря обязательно планируется работа по очистке побережья: район бухты основного базирования и прилегающей местности. Программа лагеря обычно состоит из нескольких самостоятельных блоков, связанных общей идеей и направленных на формирование у детей определенного комплекса знаний, практических умений и навыков. Большие блоки представляют собой занятия со школьниками по археологии, истории, граждановедению, интеллектуальные и спортивные игры, однодневные туристические походы. Идея лагеря представляет собой организованный отдых и учебу единомышленников — членов городского краеведческого клуба «Иркутск — Форт Росс» и просто желающих. В последние годы акцент смещается на гражданское образование и патриотическое воспитание подростков. Многие из участников лагеря с удивлением открывают для себя Русскую Америку, так как этот исторический эпизод из жизни Иркутска практически не представлен в образовательной программе юных жителей города.

Одна из задач гражданского образования сегодня — подготовка школьников и студентов к участию в жизни государства и общества через формирование активной гражданской позиции, составной частью которой является толерантное межкультурное взаимодействие с другими людьми. Под гражданско-правовым образованием мы понимаем процесс передачи учащимся специальных знаний, формирования у них умений и навыков, служащих цели усвоения ими позитивного социального опыта, и развития базовых социальных компетентностей.

Одной из главных целей реализации образовательной программы летнего отдыха подростков является также их успешная социализация. Приобретенные во время занятий гражданские знания и умения должны быть адекватны характеру и стилю поведения подростков, их взаимоотношениям с окружающими: сверстниками и взрослыми членами лагеря. Подростки должны уметь давать нравственную оценку всех компонентов жизни лагеря, окружающего общества, истории края, культуры разных народов и т. д.

Методы, используемые при реализации перечисленных мероприятий, обеспечивают формирование способности анализировать свои и чужие действия, искать формы их координации, быть терпимым к чужому мнению и отстаивать собственную позицию. Таким образом, происходит интенсивное формирование самосознания через принятие ответственной и нравственной позиций, формируется критическое мышление и чувство гордости за малую родину, развивается устная речь. Практические занятия проводятся с использованием интерактивных форм и методов обучения. Самые популярные темы для дискуссий: «Толерантность», «Патриотизм и глобализация», «Общественные ценности», «Демократия» и т. п.

Основным направлением деятельности клуба в период между проведением Летних лагерей для подростков и молодежи является просветительская работа по краеведению с привлечением форм и методов музейной педагогики. Членами клуба разработаны и апробированы туристические маршруты, проходящие по историческим местам и памятникам города, связанным с деятельностью Российско-американской компании, составлено описание экскурсии по маршруту Иркутск — Анга — Иркутск с посещением родины святителя Иннокентия Вениаминова. Члены клуба совсем недавно побывали в старинном селе Анга, испытав немало эмоций, вызванных местами, где проходило детство юного Крестителя.

Научно-практическая деятельность клуба выражена в участии и организации семинаров и конференций по темати-

ке основной деятельности. Так, в августе 2005 г. был проведен семинар «Русская Америка» совместно с Архитектурно-этнографическим музеем «Тальцы» и американскими археологами из штата Аляска. В качестве гостей были приглашены представители музеев Иркутска и общественности. Цель данного мероприятия: привлечь внимание широкой общественности, представителей науки, образования и культуры к проблеме сохранения историко-культурного наследия Российско-американской компании, созданной по инициативе иркутских купцов в конце XVIII в. На семинаре решались серьезные вопросы, связанные с созданием рабочего и научного оргкомитетов по проведению летом 2007 г. в Иркутске III Международной научной конференции по Русской Америке, с постановкой вопроса об организации музея Российско-американской компании в г. Иркутске, организацией совместных российско-американских археологических раскопок вокруг здания бывшей конторы Российско-американской компании по ул. Сурикова и т. д.

Приятно отметить тот факт, что обсуждаемые на семинаре вопросы получили развитие и воплощение.

Особо следует сказать о прошедшей в августе 2007 г. в Иркутске III Международной научной конференции по Русской Америке. Организатором форума выступил Архитектурно-этнографический музей «Тальцы» при поддержке департамента культуры и архивов и Службы по охране культурного наследия Иркутской области. Приятно, что члены клуба также вошли в состав организационного комитета конференции и приняли активное участие в мероприятиях. В конференции участвовало 120 делегатов, среди которых 10 гостей из Америки, ученые из Москвы и других городов страны. Конференция была приурочена к 200-летию со дня установления дипломатических отношений между Россией и США, 140-летию со дня передачи Аляски и 210-летию со дня рождения святителя Иннокентия (Вениаминова). Члены клуба выступили с докладами: «Интерактивные методы в музейной педагогике на примере государственного парка-музея Форт Росс (США)», «Становление Русской Америки как фактор расширения экономического пространства России», «Интегративно-культуроведческий аспект в обучении английскому языку как технология развития личности (на основе деятельности Иркутского городского краеведческого клуба «Иркутск – Форт Росс»)».

С 2006 г. клуб «Иркутск – Форт Росс» постоянно входит в реестр иркутских городских общественных детско-молодежных организаций. На сегодняшний день клуб насчитывает более 200 членов. Последние проекты нашей ор-

ганизации связаны с подготовкой и проведением городских конкурсов детских работ, таких как: «Иркутск деревянный» (лучшие фотоработы отправлены на выставку в Форт Росс, Калифорния); «Живи, Байкал!» — по результатам конкурсов с 2002 по 2009 г. опубликована вторая книжка «Парад проектов-2: Живи, Байкал!». Во втором сборнике опубликованы лучшие сказки и легенды, рисунки победителей литературной и художественной номинаций конкурса. В 2009 г. силами членов клуба проведено пилотажное социологическое исследование «Информированность местного сообщества о роли Русской Америки в истории г. Иркутска».

Клуб также принимает участие в различных грантовых конкурсах социально значимых проектов. Так, в Общественную палату РФ в 2009 г. был подан проект «Формирование ценностей, духовных основ и жизненных стратегий молодежи Байкальского региона». Идея проекта заключается в проведении социологического опроса молодежи с целью изучения проблемы, связанной с отрицательной миграцией населения, выработки технологии, направленной на формирование единой мировоззренческой основы молодого поколения, основанной на привитии молодежи устойчивого интереса к культурным традициям региона, семейным ценностям и др.

Двенадцать лет деятельности нашей общественной организации позволяют оглянуться на достижения прошлого и сделать определенные выводы на будущее. Перспективы развития мы видим в четко разработанных проектах: организация Летнего международного эколого-краеведческого лагеря на Байкале с привлечением организованных групп школьников из других регионов РФ, зарубежья, в том числе с Аляски и из Калифорнии; разработка совместно с Центром информационно-методического и психологического обеспечения деятельности муниципальных образовательных учреждений г. Иркутска учебно-методического комплекта «Иркутскоеведение»; организация и проведение периодических Интернет-конференций «Иркутск в истории Русской Америки».

Самая большая наша мечта — это создание музея Российско-американской компании в Иркутске.

Мы открыты для сотрудничества со всеми, кого заинтересовали темы и вопросы, затронутые в этой публикации. Особенно мы рады сотрудничеству с экологами, историками и краеведами. Это сотрудничество может носить не только практический, но и научно-исследовательский характер, так как школьники и студенты, члены клуба, хотели бы участвовать в различных исследовательских проектах.

К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМИРОВАННОСТИ МЕСТНОГО СООБЩЕСТВА О РОЛИ РУССКОЙ АМЕРИКИ В ИСТОРИИ ГОРОДА ИРКУТСКА

В преддверии празднования 350-летия Иркутска мы все чаще обращаемся к вопросам истории и развития региона. Уже сейчас мы видим значительные изменения в облике города, и некоторые из них непосредственно касаются истории его развития и становления как историко-культурного центра с богатыми традициями и массой интересных фактов, характерных для города за время его существования.

В связи с этим в июле 2009 г. краеведческий клуб «Иркутск – Форт Росс» проводил исследование среди отдыхающих на берегах Байкала в заливе Мухор на Малом Море на предмет информированности жителей региона о роли Русской Америки в истории Иркутска и ряде других вопросов в отношении истории освоения северо-западного побережья Америки и деятельности Российско-американской компании. В результате пилотажного обследования методом снежного кома было опрошено 40 отдыхающих.

Цель исследования — определить уровень общественной грамотности по вопросам освоения территорий Русской Америки, а также узнать, насколько граждане осведомлены о связи деятельности Российско-американской компании и г. Иркутска.

Мы предполагали, что жители недостаточно осведомлены о Русской Америке, но некоторые ответы нас сильно удивили. Так, 15 % опрошенных слышали или имеют какое-то представление о деятельности Российско-американской компании, а 50 % респондентов не знают не только об этом, но и о существовании Русской Америки в принципе. Не удивительно, что и о месте расположения бывшей конторы РАК в Иркутске знают только 2 % участвовавших в опросе, да и те не смогли назвать ее точный адрес.

Кроме того, население достаточно слабо осведомлено о морских экспедициях и мореплавателях того времени. 70 % респондентов не смогли ответить на поставленный вопрос, среди морских экспедиций к берегам северо-западного побережья Америки были отмечены экспедиция Резанова, а также Бе-

ринга (15 %), Дежнева, Крашенинникова, Седова, Шелехова, Хабарова, Чирикова, Америго Веспуччи и Колумба.

На вопрос о том, кого называют Колумбом Российским, 20 % респондентов указали Шелехова, 10 % сочли, что это Ермак, 7 % указали Петра I и по 5 % — Беринга и Хабарова. Здесь же были ответы: Санников, Никитин, Резанов. 40 % отдыхающих не смогли ответить на поставленный вопрос.

Несколько осведомленнее отдыхающие оказались в отношении непосредственно российских купцов, организовавших морские экспедиции к берегам Русской Америки. И хотя 50 % опрошенных не знают фамилий, 30 % назвали Г.И. Шелехова, 10 % — Баранова и по 4 % — Сперанского и Радищева, упоминались также Муравьев-Амурский, Пономарев и даже Ермак.

Поскольку опрос проводился клубом «Иркутск — Форт Росс», то нам, безусловно, было интересно узнать, что понимают отдыхающие под наименованием «Форт Росс». 13 % указали, что знают или слышали о нашей организации. Только 20 % опрошенных ответили, что Форт Росс — это крепость, среди прочих ответов встречались «укрепление», а также «поселение на Аляске», 6 % респондентов указали Калифорнийское побережье в качестве места расположения форта, а для 8 % отдыхающих Форт Росс — это лагерь на Байкале или клуб.

Относительно цели и времени образования Форта Росс разброс суждений достаточно широк. Здесь ответы распростерлись от «освоения Аляски в XVI–XVII вв.» до «отдыха в XXI в.», причем основан был Форт Росс, по мнению опрошенных, геофизиками на Байкале (очевидно, последний ответ обусловлен тем, что лагерь клуба находится на базе геофизиков)... Впрочем, несколько отдыхающих ответило, что Форт Росс был создан для охраны русских границ и дипломатических миссий, а также для укрепления российско-американских отношений или же с оборонительной целью. 75 % опрошенных не дали ответа на поставленный вопрос.

Необходимо отметить, что 10 % отдыхающих на Байкале знают о территориальном расположении и верно указывают название морской церкви в Иркутске, тем не менее далее знания обрываются, и отрывки информации, полученной в ходе пилотажного исследования, едва ли можно назвать удовлетворительными. Так, 80 % опрошенных не знают о том, кто был первым епископом Аляскинским, 15 % ответили, что это был Иннокентий Вениаминов, называли также Николая и Иоанна Павла II.

Важно заметить, что название рок-оперы «Юнона и Авось», повествующей о деятельности Российско-американской компании, упоминают в ответах более 50 % респондентов, что говорит о восприятии культурно-исторических знаний в большей степени посредством аудиовизуальных средств преподнесения информации, нежели лекционных курсов.

В связи с этим полагаем необходимым создать музейный комплекс, отражающий деятельность РАК в Иркутске. В рамках проведенного анкетирования был задан вопрос о необходимости создания музея Русской Америки. Были получены также различные ответы. В целом отдыхающие поддерживали такую инициативу, 50 % высказали пожелания о создании данного учреждения, а также о дальнейшей просветительской работе клуба с населением. 13 % опрошенных не видят необходимости в создании музея и 7 % не против такой инициативы. Полагаем, что музей действительно необходим и его деятельность будет востребована, причем не только местными жителями, он станет привлекательным культурным центром и для туристов, и для всех интересующихся историей освоения и развития Русской Америки.

Проведенный анализ показал, что уровень осведомленности опрошенных оставляет желать лучшего. Хотя некоторые граждане достаточно хорошо ориентируются в истории освоения и заселения территории как Русской Америки, так и г. Иркутска.

Кроме того, в рамках анкетирования были заданы вопросы, касающиеся истории освоения Иркутской области и основания Иркутска. 26% опрошенных смогли назвать точную дату основания Иркутска, 28 % назвали фамилию основателя — Похабов, а 15 % указали даже имя — Яков. На вопрос о том, каким образом проходил маршрут освоения территории Иркутской области, разброс ответов оказался достаточно широк. Хотя 65 % не дали ответа, были высказаны следующие варианты: вокруг Байкала, по рекам Ангаре и Лене, вверх с Енисея по Ангаре, из Москвы в Иркутск, Тайшет—Иркутск, со стороны Уральских гор на восток, с юго-запада на северо-восток, а также путем отвоевывания у казаков...

Безусловно, знание исторических нюансов развития региона не может быть обязательным условием для обеспечения жизнедеятельности современных граждан. Но говоря о культурном развитии населения и дальнейшем прогрессивном развитии территории, необходимо апеллировать к истокам.

Интересно, что пол, возраст и социальный статус респондентов практически не влияют на уровень их осведомленно-

сти. Возможно, это обусловлено недостаточно спрограммированной выборкой исследования. Тем не менее полученные результаты могут служить основой для проведения дальнейшей работы по определению не только степени информированности, но и действенных механизмов работы с населением по повышению осведомленности в истории развития и значении города в экономико-социальном и культурном плане.

По приезде в Иркутск мы провели второй этап анкетирования по тем же вопросам. В результате получилась достаточно интересная картина, отражающая действительную ситуацию как в области осведомленности жителей Иркутска о деятельности Российско-американской компании и истории освоения Американского континента российскими мореплавателями, так и касательно общего знания краеведческих нюансов истории.

Сравнивая результаты, полученные на берегу Байкала у отдыхающих и у жителей Иркутска, можно отметить, что в Иркутске информированность несколько выше, но для определения более точных показателей требуется проведение дальнейшего исследования. Результаты, полученные в ходе пилотажного исследования, могут быть использованы для проведения дальнейших работ по заданной проблематике, с более тщательной выборкой и более широким диапазоном вопросов. Полученные сведения не только характеризуют историческую грамотность населения, но и дают возможность для определения сферы действительных интересов людей нашего региона, показывают пути возможного донесения сведений до населения в облегченной форме.

ЛИТЕРАТУРА

Добренков В.И., Кравченко А.И. Социология: учебник. М.: ИНФРА, 2007. 624 с.

Русская Америка: материалы III Междунар. науч. конф. «Русская Америка» (Иркутск, 8–12 августа 2007 г.). Иркутск, 2007. 564 с.

Fort Ross / Lyn Kalany, Lynn Rudy, John Sperry. Fort Ross: Interpretive Association, 1998. 51 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ОНА	—	Office of History and Archaeology
GIS	—	global information system
GPS	—	global positioning system
HBC	—	Hunson's Bay Company
АВПРИ	—	Архив внешней политики Российской империи
ВСОИРГО	—	Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского Географического общества
ГАИО	—	Государственный архив Иркутской области
ГП РАК	—	Главное правление Российско-американской компании
ИРГО	—	Императорское Русское Географическое общество
МИД	—	Министерство иностранных дел
НАРБ	—	Национальный архив Республики Бурятия
ПМО	—	Православное миссионерское общество
ПО ИРГО	—	Приамурский отдел Императорского Русского Географического общества
ПЦ	—	православная церковь
РАК	—	Российско-американская компания
РГИА	—	Российский государственный исторический архив
РПЦ	—	Русская православная церковь
СО РАН	—	Сибирское отделение Российской академии наук

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Binnema Ted — Professor, University of Northern British Columbia, Prince George, British Columbia, Canada.

Dilliplane Timothy (Ty) L. — Assistant Professor, Department Massachusetts Maritime Academy, Buzzards Bay, Massachusetts, USA.

McMahan J. David — Alaska State Archaeologist, Alaska Department of Natural Resources, Anchorage, USA.

Аболина Лариса Александровна — педагог-художник, печник, пос. Култук Слюдянского района Иркутской области.

Бадлаева Татьяна Владимировна — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ.

Барсукова Мария Евгеньевна — член Иркутской городской общественной детско-молодежной организации «Краеведческий клуб “Иркутск – Форт Росс”», г. Иркутск.

Глацкова Лариса Анатольевна — старший преподаватель кафедры иностранных языков Иркутского государственного университета путей сообщения, вице-президент Иркутской городской общественной детско-молодежной организации «Краеведческий клуб “Иркутск – Форт Росс”», г. Иркутск.

Гурулёв Станислав Андреевич — кандидат геолого-минералогических наук, заслуженный деятель науки Республики Бурятия, г. Иркутск.

Дулепова Надежда Павловна — директор Городского музея Г.И. Шелехова, г. Шелехов Иркутской области.

Емельянова Елена Владимировна — вице-президент Иркутской городской общественной детско-молодежной организации «Краеведческий клуб “Иркутск – Форт Росс”», старший преподаватель кафедры психодиагностики и дисциплин специализации Иркутского государственного педагогического университета, г. Иркутск.

Ермолаев Алексей Николаевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института экологии человека СО РАН, г. Кемерово.

Жирнова Кристина Сергеевна — студентка Иркутского государственного университета путей сообщения, г. Иркутск.

Заяц Светлана Александровна — студентка Иркутского государственного университета путей сообщения, г. Иркутск.

Исаев Андрей Юрьевич — историк, археолог, краевед, г. Иркутск.

Крючкова Тамара Александровна — кандидат исторических наук, зам. директора по фондовой работе Архитектурно-этнографического музея «Тальцы», г. Иркутск.

Лыхин Юрий Петрович — кандидат исторических наук, ученый секретарь Архитектурно-этнографического музея «Тальцы», г. Иркутск.

Митыпова Гунсыма Сандаковна — доктор исторических наук, зам. директора по научной работе Музея истории Бурятии имени М.Н. Хангалова, г. Улан-Удэ.

Пилсуева Надежда Иннокентьевна — историк, пенсионер, бывшая заведующая научно-экспозиционным отделом Музея истории Бурятии имени М.Н. Хангалова, г. Улан-Удэ.

Сорокина Полина Эдуардовна — студентка Иркутского государственного университета путей сообщения, г. Иркутск.

Титов Владимир Юрьевич — кандидат исторических наук, зам. директора по науке Архитектурно-этнографического музея «Тальцы», г. Иркутск.

Харинский Артур Викторович — доктор исторических наук, профессор, декан факультета права, социологии и средств массовой информации Иркутского государственного технического университета, г. Иркутск.

Харченко Любовь Николаевна — доктор исторических наук, директор института гуманитарного образования, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения, г. Иркутск.

Шинковой Анатолий Иванович — кандидат исторических наук, главный специалист Архитектурно-этнографического музея «Тальцы», г. Иркутск.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Binnema, Ted — professor, University of Northern British Columbia, Prince George, British Columbia, Canada.

Dilliplane, Timothy (Ty) L. — assistant professor, Department Massachusetts Maritime Academy, Buzzards Bay, Massachusetts, USA.

McMahan, David J. — Alaska State Archaeologist, Alaska Department of Natural Resources, Anchorage, USA.

Abolina, Larisa Aleksandrovna — teacher-painter, stove setter, Kultuk settlement, Slyudyanka district, Irkutsk region.

Badlaeva, Tatiana Vladimirovna — candidate of historical sciences, associate scientific officer of Eastern Manuscripts and wood-carvers Center of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS, Ulan-Ude city.

Barsukova, Maria Evgenyevna — member of Irkutsk city public children's youth organization «Club of local history "Irkutsk – Fort-Ross"», Irkutsk city.

Dulepova, Nadezhda Pavlovna — director of City museum of Shelekhov G.I., Shelekhov city, Irkutsk region.

Emelyanovna, Elena Vladimirovna — vice-president Irkutsk city public children's youth organization «Club of local history "Irkutsk – Fort-Ross"», senior teacher of psycho-diagnostics and specialization disciplines of Irkutsk State Pedagogic University of Irkutsk city.

Ermolaev, Aleksey Nikolaevich — candidate of historical sciences, senior scientific officer of Human Ecology Institute SB RAS, Kemerovo city.

Glatskova, Larisa Anatolyevna — senior professor of foreign languages department of Irkutsk State University of Railway Engineering, vice-president of Irkutsk city public children's youth organization «Club of local history "Irkutsk – Fort-Ross"», Irkutsk city.

Gurulev, Stanislav Andreevich — candidate of geological-mineralogical sciences, Honored Science Worker of Buryat Republic, Irkutsk city.

Isaev, Andrey Yuryevich — historian, archeologist, regional specialist, Irkutsk city.

Kharchenko, Lyubov Nikolaevna — doctor of historical sciences, director of humanitarian education institute, professor of Irkutsk State University of Railway Engineering, Irkutsk city.

Kharinsky, Arthur Viktorovich — doctor of historical sciences, professor, dean of the department of law, sociology and

mass media of Irkutsk State Technical University of Irkutsk city.

Kryuchkova, Tamara Aleksandrovna — candidate of historical sciences, director deputy on fund work of the Architectural-ethnographic museum «Talci», Irkutsk city.

Lykhin, Yuri Petrovich — candidate of historical sciences, academic secretary of the Architectural-ethnographic museum «Talci», Irkutsk city.

Mitypova, Gunsyma Sandakovna — doctor of historical sciences, director deputy on scientific work of Buryat History Museum of Khangalov M.N., Ulan-Ude city.

Pilsueva, Nadezhda Innokentyevna — historian, retiree, former head of scientific expositional section of Buryat History Museum of Khangalov M.N., Ulan-Ude city.

Shinkovoy, Anatoly Ivanovich — candidate of historical sciences, chief specialist of the Architectural-ethnographic museum «Talci», Irkutsk city.

Sorokina, Polina Eduardovna — student of Irkutsk State University of Railway Engineering, Irkutsk city.

Titov, Vladimir Yuryevich — candidate of historical sciences, director deputy on science of the Architectural-ethnographic museum «Talci», Irkutsk city.

Zayats, Svetlana Aleksandrovna — student of Irkutsk State University of Railway Engineering, Irkutsk city.

Zhirnova, Kristina Sergeevna — student of Irkutsk State University of Railway Engineering, Irkutsk city.

СОДЕРЖАНИЕ

McMahan J. David. Recent Developments in the Study of Russian America: Examples from Alaska	5
Dilliplane Timothy (Ty) L. Supplying Russian America: A Preliminary Search for the Kiakhta Role	17
Binnema T. The Smithsonian Institution, the Hudson's Bay Company and Russian Alaska, 1859–1867	26
Харинский А.В., МакМэхан Д., Диллиплэйн Т. Археологические исследования в Кяхтинской слободе	31
Гурулёв С.А. Создание и обустройство российско-китайской границы в первой половине XVIII века	37
Ермолаев А.Н. Кяхтинская торговля Российско-американской компании в 1840–1860-х годах	63
Глацкова Л.А. Роль Кяхтинской таможни в торговых отношениях с Китаем и деятельность Российско-американской компании ...	101
Бадлаева Т.В. Славное прошлое «песчаной Венеции» (История Кяхты второй половины XIX в.)	122
Харченко Л.Н., Жирнова К.С., Заяц С.А. Роль Кяхты в экономическом развитии Сибири	132
Титов В.Ю. Русская Америка в Иркутске (опыт исследования коммерческих интриг иркутских купцов XVIII в.)	139
Шинковой А.И., Лыхин Ю.П. Российское тихоокеанское побережье как средоточие промышленных и торговых интересов США (середина XIX – начало XX в.)	150
Харченко Л.Н. Просветительская и научная деятельность Иннокентия Вениаминова	157
Крючкова Т.А. Дневник миссионерского путешествия святителя Иннокентия Вениаминова	167
Митьпова Г.С., Пилсуева Н.И. Духовные связи (Байкал – Аляска) (к истории одного документа)	181
Харченко Л.Н., Сорокина П.Э. Контакты россиян с коренным населением Аляски: культурологические и лингвистические аспекты	186
Дулупова Н.П. Из истории строительства Кругобайкальского тракта	199
Лыхин Ю.П., Аболина Л.А. Русская печь на берегах Лены	205
Исаев А.Ю. Предварительные результаты первого этапа спасательных археологических работ в квартале 52а города Иркутска. Срубные сооружения	220
Емельянова Е.В. Иркутск – Форт Росс: диалог культур	234
Барсукова М.Е. К вопросу об информированности местного сообщества о роли Русской Америки в истории города Иркутска	241
Сведения об авторах	246

CONTENT

McMahan D. Recent Developments in the Study of Russian America: Examples from Alaska	5
Dilliplane T. Supplying Russian America: A Preliminary Search for the Kyakhta Role	17
Binnema T. The Smithsonian Institution, the Hudson's Bay Company and Russian Alaska, 1859–1867	26
Kharinsky A.V., McMahan D., Dilliplane T. Archeological researches in Kyakhta village	31
Gurulev S.A. Creation and development of Russian-Chinese boarder in the first half of the XVIII century	37
Ermolaev A.N. Kyakhta trade of Russian-American Company in 1840–1860s.	63
Glatskova L.A. The Role of Kyakhta customs in trade relations with China and activity of Russian-American Company ...	101
Badlaeva T.V. Glorious past of «Sandy Venice» (History of Kyakhta of the second half of the XIX century)	122
Kharchenko L.N., Zhirnova K.S., Zayats S.A. Kyakhta role in economical development of Siberia	132
Titov V.Yu. Russian America in Irkutsk (experience of research of Irkutsk merchants commercial intrigues of the XVIII century)	139
Shinkovoy A.I., Lykhin Yu.P. Russian Pacific coast as concentration of industrial and trading interests of USA (middle of the XIX and the beginning XX century)	150
Kharchenko L.N. Educational and scientific activity of Innokenty Veniaminov	157
Kryuchkova T.A. Missionary travel diary of prelate Innokenty Veniaminov	167
Mitypova G.S., Pilsueva N.I. Spiritual connections (Baikal – Alaska) (to the history of one document)	181
Kharchenko L.N., Sorokina P.E. Contacts of Russians with the native inhabitants of Alaska: culturological and linguistic aspects	186
Dulepova N.P. From the history of Circum Baikal road construction	199
Lykhin Yu.P., Abolina L.A. Russian stove on the banks of Lena river	205
Isaev A.Yu. Preliminary results of the first stage of salvage archeological operations in the 52a block of Irkutsk city. Block constructions	220
Emelyanova E.V. Irkutsk – Fort Ross: dialog of cultures	234
Barsukova M.E. To the question of information awareness of the local community about Russian America role in the history of Irkutsk city	241
Information about the authors	248

Научное издание

РУССКАЯ АМЕРИКА И ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ

*Материалы региональной научно-практической
конференции с международным участием
(г. Кяхта, 14 августа 2009 г.)*

Ответственный редактор: Ю.П. Лыхин

Корректор: Г.Д. Лопатовская

Оригинал-макет: С.Г. Червяковой

Подписано в печать 24.06.2011. Формат 60х90 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,75. Уч.-изд. л. 14,0.

Тираж 300 экз. Заказ № 7006. Цена свободная.

Отпечатано в ООО «Репроцентр А1»,
г. Иркутск, ул. Александра Невского, 99/2,
тел.: 540—940.